

L. rel. ~~1237~~ 510
slav.

buslajew

(Einfluß der Geisteskräfte auf die
Menschlichen Geisteskräfte. von E. Schlegel.

Frankfurt. 1848.)

О
ВЛІЯННІ
ХРИСТІАНСТВА
НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Кандидатомъ О. Буслевымъ.

ХРИСТИАНСТВО
ИЛИ

ИЛИ СВЯТЫЙ ДУХ

100 = 100

ВЛІЯННІ
ХРИСТІАНСТВА
НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.
ОПЫТЪ ИСТОРІИ ЯЗЫКА

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛІЮ,

написанный

НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА

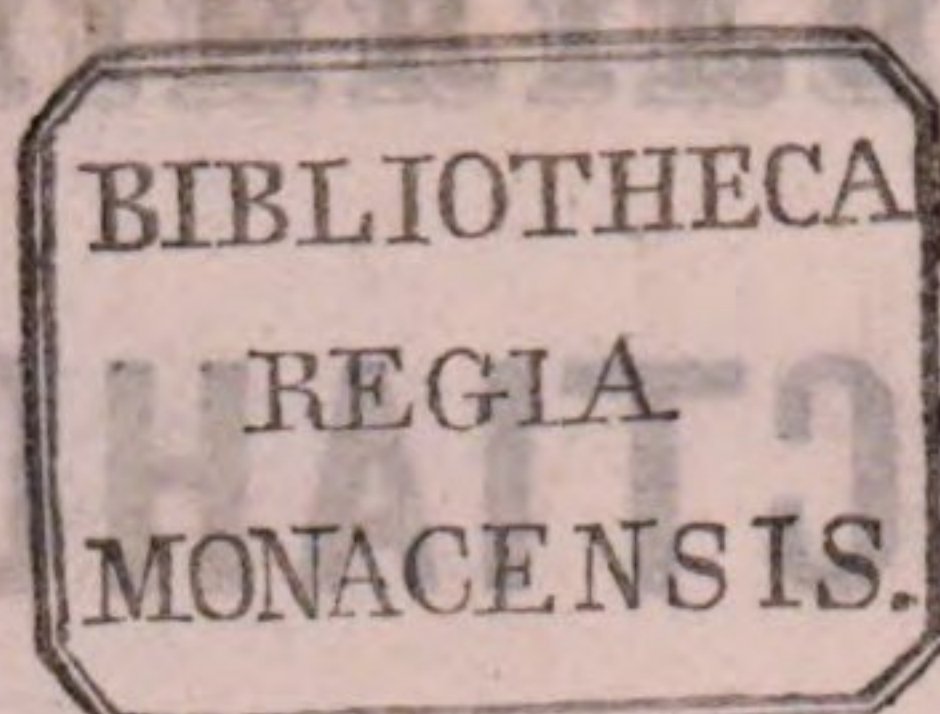
Кандидатомъ О. Буслаевымъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

1848.

293 = 151

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета, Марта
31 дня 1848 года.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

Ограниченное только древнѣйшимъ текстомъ славянскаго Евангелія, предлагаемое публикѣ сочиненіе не имѣетъ притязанія на окончательное рѣшеніе самаго важнаго въ исторіи славянскаго языка вопроса.

Палеографическая и собственно грамматическая части Остромирова текста должны были остаться внѣ предѣловъ сочиненія, по самой сущности его предмета, опредѣляемаго исключительно корнесловомъ и изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ приставокъ и образующихъ окончаній. Вліяніе греческаго словосочиненія на славянское есть уже не прямое вліяніе Христіанства на языкъ, и можетъ быть опредѣлено только сличеніемъ Остромирова текста со всеми древнѣйшими переводами и сочиненіями оригинальными.

Въ самомъ лексикологическомъ запасѣ славянскаго Евангелія многое остается не рѣшеннымъ до тѣхъ

поръ , пока не приведется въ ясность корнесловъ ,
прочихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Избравъ древнѣйшій текстъ славянскаго перевода
Св. Писанія, авторъ имѣлъ въ виду первоначальный
способъ начертанія словъ , дающій историческому
изслѣдованію твердую опору.

Для того, чтобы опредѣлить степень вліянія Хри-
стіанства на славянскій языкъ слѣдовало сначала
разсмотрѣть оный внѣ Христіанства , показавъ въ
немъ слѣды язычества , и потомъ уже обозначить ,
что внесено въ него Христіанствомъ. Такимъ обра-
зомъ древнѣйшая исторія языка раздѣлилась на два
періода : мифологическій и Христіанскій.

Ограниченный объемъ матеріала не позволялъ дать
изслѣдованію надлежащей системы, недостатокъ ко-
торой старался авторъ восполнить единствомъ воз-
зрѣнія.

I.

ПЕРІОДЪ МИЕОЛОГИЧЕСКІЙ.

По мѣрѣ развитія образованности и сближенія съ чуждыми народами, теряется сознательное употребленіе роднаго языка. Лѣтописцы, составители грамотъ и другіе старинные писатели были чувствительнѣе насъ къ значенію словъ, свободнѣе ими пользовались и были смѣлѣе въ словопроизводствѣ. Мы даемъ слову свое собственное значеніе, соотвѣтственное степени нашего умственного образованія: наши предки, еще не утративъ въ своемъ сознаніи первоначальнаго впечатлѣнія, словомъ выражаемаго, не могли на слово налагать чуждое ему значеніе, и примѣняли свою мысль къ основному корню слова, естественно развивая такимъ образомъ его смыслъ. Привычка обращаться только къ извѣстнымъ, литературою усвоеннымъ выраженіямъ, заключаетъ насъ со всемъ богатствомъ современнаго мышленія въ

тѣсномъ кругу , изъ котораго иногда извлекаеть только высокое дарованіе писателя, воспитаннаго воззрѣніями и смысломъ роднаго языка : ибо языкъ пока живетъ въ народѣ, никогда не утратитъ своей животворной силы ; и всякое замѣчательное въ литературѣ явленіе есть какъ бы новая попытка творчества въ языкъ , есть возрожденіе той же самой силы, которая первоначально двинула языкъ къ образованію. Потому-то писатели классическіе бывають создателями новыхъ словъ и оборотовъ , которые однако всѣмъ понятны : они намъ нравятся не потому, что они новы, а потому что мы ради найти въ насъ самихъ, въ родномъ языкѣ, столь для насъ извѣстномъ — незамѣченное нами. Такимъ образомъ всякое геніальное нововведеніе въ языкъ скорѣе можно назвать находкою утраченнаго, нежели пріобрѣтеніемъ новаго: и наша радость въ этомъ случаѣ объясняется временнымъ пробужденіемъ въ насъ сознанія къ творческой силѣ нашего собственнаго слова.

Напрасно стали бы мы въ исторіи языка искать того древнѣйшаго періода , когда человекъ вполнѣ сознавалъ свое слово: въ старину онъ только менѣе отдѣлялъ отъ него свою мысль. Потому слово, какъ вѣрное выраженіе преданій и обрядовъ , событій и предметовъ , понималось въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ , что выражаетъ : названіемъ запечатлѣвалось вѣрованіе или событіе , и изъ названія вновь возникали сказаніе или мифъ ; изобразительнымъ воз-

зрѣніемъ слово живописало страсти и духовныя способности челоуѣка, и своей изобразительностью пораждало въру въ вещественное явленіе духовнаго. Затерянное въ отдаленныхъ вѣкахъ вѣрованіе удерживало свое бытіе въ сохранившемся названіи, намекавшемъ на утраченное. Простосердечное мышленіе не понимало въ языкъ суетной прикрасы, и изобразительность языка, въ древнѣйшемъ его періодѣ, казалась естественнымъ, прямымъ выраженіемъ мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрѣшиться отъ тѣхъ жизненныхъ образовъ, отъ тѣхъ вѣрованій и наивныхъ убѣжденій, которыя собственно выражались словомъ. Этотъ древнѣйшій періодъ языка, по внутреннему значенію, можно назвать мифологическимъ, по способу же воззрѣнія — эпическимъ. Не смотря на свободу, съ какой въ старину пользовались языкомъ, нельзя не замѣтить эпической обрядности въ повтореніи извѣстныхъ обычныхъ выраженій: сказанное однажды о какомъ либо предметѣ казалось столь удачнымъ, что уже не нужно было видоизмѣнять оное. Это свойство древнѣйшаго языка было существеннымъ основаніемъ, почему языкъ становился вѣрнымъ орудіемъ преданія. Каждое слово, возбуждая живое впечатлѣніе, имъ выражаемое, останавливало на себѣ вниманіе; точно такъ, какъ эпическій поэтъ до малѣйшей подробности любитъ описывать каждый встрѣчающійся ему предметъ: и какъ свободная мысль эпическаго поэта какъ бы невольно увлекается созерцаніемъ разнообразія видимой природы; такъ и

языкъ сковывалъ развитіе мысли, поглощая ея отвлеченность изобразительнымъ впечатлѣніемъ, выражаемымъ въ словѣ.

Богатыя уподобленія и блестящія картины, столь свойственныя эпическому воодушевленію, живутъ той же творческой силой и въ древнѣйшемъ языкѣ, въ отдѣльныхъ реченіяхъ: и неудивляютъ говорящаго своей мѣткой изобразительностью, подобно тому какъ все истинно прекрасное въ природѣ чуждо изысканности, и плѣняетъ другихъ, въ своей простотѣ не разумѣя само, какъ оно прекрасно. Наконецъ языкъ, въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія, уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи, что вмѣстѣ съ ней является сокровищницею вѣрованій и преданій, имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа.

Въ эпическихъ формахъ, даже и доселѣ удержанныхъ народною рѣчью, открываются слѣды глубокой древности. Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души, тронутой впечатлѣніемъ внѣшнимъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, означаетъ предметы по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе. Ежедневное употребленіе въ послѣдствіи возводитъ впечатлѣніе до общаго понятія: но сила начального впечатлѣнія возникаетъ вновь и остается на память народу въ постоянномъ эпитетѣ, который какъ бы подновляетъ употребленіемъ сглаженную съ слова

краску, придавая ему свѣжесть перваго впечатлѣнія. Родство происхожденія постоянного эпитета и названія предмета убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ послѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и постоянного эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія просто нагляднаго къ мифологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычаяхъ народа. Впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ предмета, есть самое естественное: и эпитеты, означающіе сіянье, блескъ, стоятъ въ ближайшей связи съ поклоненіемъ огню и свѣту небесному. Преимущественно замѣчательны въ исторіи языка эпитеты сербской народной поэзіи, столь обильной эпическимъ воодушевленіемъ; начнемъ ими. Такъ золото называется сухое, серебро бѣлое: од суха злата, од сухога злата, од бијела сребра: говорится также и: чисто сребро, какъ у насъ.

Сухое золото. Сначала объяснимъ значеніе слова золото, въ О. Е. злато. Нашъ звукъ з соответствуетъ въ Санскритѣ звуку г, который, какъ и у Славянъ, переходитъ въ знд. з: скр. агам, знд. азѣм, азъ; скр. вагати, знд. вазайти, везеть; скр. гима, знд. зіао, зима; скр. гѣм (гѣ), знд. зѣо, зѣм, винит. занм, земля. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ г, измѣненный какъ у насъ, такъ и въ знд. въ з.—Касательно втораго звука, именно л, тоже должно замѣтить, что ему соответствуетъ р, и притомъ слово съ звукомъ р первобытное: такъ знд.

гара (гор-ло) ближе къ основному корню, нежели скр. гала, ибо происходитъ отъ скр. грѣ (гл-отать), хотя есть и другой глаголъ гал (тоже глотать), но уже образованный смягченіемъ перваго: у насъ и горло, жерло и глотка: равно какъ и въ лат. gula и gurgēs. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ р. вм. л. — Въ знд. зара ближайшая форма къ нашему зла-то, и какъ образуется это слово у насъ съ суф.-то, такъ въ знд. съ суф.-ня: зара-ня: слич. скр. гира-ня: а оба эти суфф. равнозначительны, что видно изъ словъ: выши-на и висо-та, глуби-на, и глубо-та, скр. джѣви-та живо-ть и джѣв-ана, чеш. živ-ena. Можетъ быть злато въ его знд. формѣ: зара, въ славянскомъ языкѣ сроднилось съ словами: заря свѣтъ и зрѣти не только видѣть, но и свѣтить, откуда срб. зрак, зрака солнечный лучъ. Но въ отношеніи къ аналогіи съ другими языками весьма важно указать на древнѣйшую скр. форму: гаура flavus, съ звукомъ г, соответствующимъ нашему з: и какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ мы замѣчаемъ слѣдующій переходъ понятій: gelb, срд. нѣм. gilwe (flavor), galle (bilis), гот. gulp, скан. gull золото: такъ и скр. гаура, лит. geltas, geltônas (flavus) переходитъ въ жолчь, въ О. Е. зльчь, зьльчь (слѣд. желтый, чеш. žlutý = златый) и въ злато: сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото“ Лавр. 31. Теперь обратимся къ срб. эпитету: сухо злато. Нынѣшнее зна-

ченіе словъ: сухой, сушить, никоимъ образомъ не объясняетъ этого эпитета. Золото по своему значенію предполагаетъ при себѣ эпитеты: свѣтлый, горящій, красный, желтый. Такъ въ нѣм. нарѣчіяхъ эпитетъ золоту: красное: въ Эддѣ *gull gaut*, въ *Nibelung. geben rotez golt*, въ нашей народной поэзіи также: красно золото. Даже въ Санскритѣ корень *суш* значитъ только *arescere, siccare*: но, утраченное въ глаголѣ, первобытное, мифологическое значеніе сохранилось намъ въ скр. производномъ: *суш-ма* (-ма суф., корень *суш*) въ смыслѣ *sol, ignis, lumen, splendor, vis, robur*. Слѣд. сухой, въ его мифологическомъ, древнѣйшемъ значеніи силы огня и солнца, какъ нельзя лучше могло быть эпитетомъ злату: чему соответствуетъ другой эпитетъ въ серб. пѣсняхъ: чистим серебромъ и жеженымъ златомъ, Вук. 2. 217. Если это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ: и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: да будемъ золоти, т. е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня.

Бѣлое серебро. Въ Санскритѣ и этотъ эпитетъ и самый предметъ выражаются однимъ словомъ: *раджата*, откуда лат. *argentum*, гр. *ἀργυρος*, подобно Санскриту раздѣляющее свое значеніе и для предмета, и для эпитета: *ἀργός* свѣтлый, ясный, бѣлый. Славяне выразили свое сознаніе о первоначальномъ возрѣніи эпитетомъ: бѣлый. Какъ быстрый, у Сербовъ: *бистар* значитъ *klar, limpidus*, и бистрина *klarheit, limpidudo*, такъ и у Гомера *χύνες ἀργοί* не только бѣлыя

собаки, но быстрыя: ибо съ понятіемъ о свѣтѣ соединяется представленіе о быстромъ впечатлѣніи, мгновенно поражающемъ зрѣніе. *) — Касательно производства слова серебро, въ О. Е. сребро, лит. *sidábras*, лтш. *ssudrabs*, др. пр. *sirablan* (въ косв. пад.), гот. *silubr* — мнѣнія различны: Юнгманъ, слѣдуя Потту, сближаетъ его съ скр. *субра splendidus, albus*; отъ *суб splendere*; Миклошичъ, слѣдуя Бенфею, разлагаетъ его на два слова: скр. *свѣта бѣлый* и *абрас золото*. Оба мнѣнія сходятся по крайней мѣрѣ въ томъ, что понятіе о бѣлизнѣ заключается въ смыслѣ слова серебро. Производство Потта менѣе натянуто. **)

Понятіе о свѣтѣ заключается въ древнѣйшемъ славянскомъ наименованіи драгоценнаго камня: въ О. Е. бисѣрь *μαργαρίτης*. Добровскій замѣчаетъ объ этомъ словѣ только: *peregrina vox est*. ***) Но самостоятельное употребленіе его въ языкъ Св. Писанія свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ его существованіи у Славянъ: у Ул. ему соотвѣтствуетъ грецизмъ: *μαγκρεitus*. Наше бисѣрь употреблялось въ Санкритѣ въ формѣ прилагательнаго *бâсура lucidus, splendidus*, *бâсвара luminosus*, отъ глаг. *бâс*, или съ краткимъ *а*:

*) Другое объясненіе см. въ *Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr.* herausg. v. Höfer, 1847, 1, 99.

**) *Etym.forsch.* 2, 414.

***) *inst. l. sl.* 295.

бас *lucere, splendere*; слѣд. скр. эпитетъ сохранился у насъ въ названіи предмета. Потому-то понятіе о свѣтѣ и сіяніи постоянно соединяють наши старинные писатели съ словомъ бисеръ: „въ невѣрныхъ чело-
вѣцѣхъ *свѣтящися* аки бисеръ *) въ калѣ“, гово-
ритъ Несторъ объ Ольгѣ, Лавр. 29. — Въ одной
миѳологической сербской пѣснѣ (Вук. Ст. Кар. 1,
№ 226) Вила строить: „једна врата сва од злата,
„друга врата од бисера.“ Въ Словарѣ 1282 бисеръ
причтенъ къ словамъ жидовскимъ, т. е. иностраннымъ,
съ объясненіемъ: камень чистѣнъ, Кал. I. Е. Б. 194.

Въ названіяхъ миѳологическихъ эпитетъ достигаетъ
высшаго значенія. Понятіе о свѣтѣ глубоко лежитъ
въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа.
Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ началь-
ною ихъ стихіею. Рѣчное названіе Руса, откуда Ру-
салка черезъ форму рус-ло, ведетъ свое происхож-
деніе отъ слова: русый, распространившагося не только
на сѣверъ, гдѣ находимъ фин. *rus* **) красный, ры-
жий, но и на югъ, такъ что у сербовъ руса посто-
янный эпитетъ головы: „и русу му *осијече* главу.“

*) Рейфъ, не взявъ въ расчетъ древняго и слѣдовательно
настоящаго значенія слова бисеръ, объясняетъ его по тепе-
решнему значенію арабскимъ: *bouser, bousra—grain de verre*.

**) Бутковъ ограничиваетъ названіе Русы финскимъ проис-
хожденіемъ, см. о Финск. слов. въ V части Труд. Рос.
Ак. 1842.

Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: на *rotoku Rusawě*, но и въ келт. *rus, ros* озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкѣ Ведъ, находимъ *rusat rutilans*, глаголъ же *rus* остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи *ferire, occidere*, съ перемѣною же небнаго *с* въ *ч*, перешелъ въ *руч lucere, splendere*.—Сначала покажемъ связь огня съ водою въ языкѣ, и потомъ въ повѣрїяхъ.

а) По скр. *pât'a* вода, *pât'is* море, (гр. *πόταμος, πόντος*;) и вмѣстѣ огонь, солнце: первое значеніе обыкновенно производятъ отъ *pâ* пить, а второе отъ *pâ servare, sustentare*. Въ др. нѣм. названія источниковъ также стоятъ въ связи съ огнемъ: *grunno* отъ *grinpan ardere, sôt* отъ *siodan fervere*; точно такъ, какъ др. нѣм. *velle fluctus* относится къ *vallan fervere*, и *sual subfrigidus* къ *suëlan ardere*: такъ и скр. *vâri* вода къ нашимъ *варъ* (вообще жаръ), *варити, врѣти*; и чух. *wari aestas*: такъ что время точно также происходитъ отъ *врѣти*, и означаетъ сначала жаркое время года и потомъ вообще время, какъ лат. *tempus* отъ скр. *tap*, откуда наше *топ-ить*, лат. *ter-eo*. У Индійцевъ время происходитъ отъ дождя: скр. *варша* дождь и *абда* дающій дождь (т. е. облако), собственно дождливое время года, а потомъ и время или годъ вообще. У Нѣмцевъ время и годъ происходятъ отъ холода: изъ слѣдующихъ сличеній увидимъ, что Нѣмцы жили въ климатъ болѣе холодномъ, нежели Славяне. Зима въ О. Е. не только *χειμών*, но и *ψύχος*, Іоан. 18, 18 яко

зима бѣ $\delta\tau\iota\ \psi\acute{\upsilon}\chi\omicron\varsigma\ \eta\nu$, у Ул. kalds, т. е. холодъ. Ясные слѣды находимъ мы, что зима значить у насъ не только холодъ, но даже и сѣверъ, на пр. въ Юрид. Акт. а у сосны верхъ кривъ взиму, 168, или еще яснѣе: Кѣргоозерце полуденная сторона къ Липнику, а зимная сторона къ Шубачу, 163. По-литовски *žiemys* — сѣверный вѣтеръ; въ чшс. нарѣчїи зима также значить холодъ, что видно изъ Чеш. отр. X в: *zima bese*, въ томъ же выше-означенномъ мѣстѣ Евангелїя. Для $\chi\alpha\iota\omega\nu$ же Ул. употребляетъ собственно *vintrus*, которое значить у него и вообще годъ, въ исчисленїи времени, $\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$; точно также и въ скн. языкѣ годы считаются зимами, уже въ Эддѣ: *rau bioggo siau vetr*, они жили семь зимъ, т. е. годовъ. *) Напротивъ того въ О. Е. годы считаются уже лѣтами: двѣнадцать лѣтъ имѣши, у Ул. же *vintruns duatgaggandei*, Мат. 9. 20.

б) Преданїя и вѣрованїя, подобно языку, сближаютъ воду съ огнемъ. По нѣмецкому вѣрованїю Ostara, Eástre была божествомъ свѣтлаго утра и восхода солнечнаго, а со введенїемъ Христїанства перешла въ значенїе Пасхи (хотя у Ул. еще только *pas-ka*); ибо, по преданїю, въ первый день Пасхи по утру солнце скачетъ въ три прыжка, и играетъ и пляшетъ. Это преданїе было и у Славянъ, что видно изъ эпическихъ формъ Кралевд. ркпси: *slunce postúpi wterým krokem „i krokem třetím nad wršiny lesné“* (Čestm. a Wlasl.); у Лужичанъ это преданїе о

*) Grimm, Lied. d. alt. Edda. 2.

солицѣ осталось и доселѣ. На руниѣхъ надписяхъ *) находимъ форму *austg*, сходную съ ски. *austg*—поднимающаяся вверхъ вода, на пр. на корабль, отъ глагола *ausa* поднимать, *ösa* въ томъ же значеніи, но преимущественно о водѣ. Для сближенія этого слова съ обрядомъ любопытно ски. языческое выраженіе: *at ausa vatni*, т. е. облить водою, ксему соотвѣтствуетъ Христіанское: *at skira* — очистить: по языческому ски. обряду поворожденныхъ дѣтей орошали и освящали водою. У Лужичанъ и доселѣ спрыскиваютъ и поливаютъ скотину на Пасху. Проповѣдники Слова Божьяго, примѣняясь къ древнимъ обычаямъ, крестили около Пасхи; а вода воскресенская, по нѣмецкому и славянскому (у Лужичанъ) суевѣрію, молодить и красить лицо, такъ какъ у насъ вода съ перваго вешняго грома. Согласно съ этимъ повѣрьемъ находимъ въ Густ. лѣт. XVII в. не только: „поливана водою на великъ день“, но и подробное описаніе языческаго обряда на Пасху: „отъ сихъ единому нѣкому богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: въ день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметають чловѣка въ воду..... по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливають, но одиначе тому же бѣсу жертву сотворяють.“ Ипат. въ прибавл. 257. Нѣмецкую Остару Лужичане осмыслили себѣ словомъ,

*) Dieterich, Runen-Wörterb. Stockholm, 1844, стр. 229.

намекающимъ на утро, для означенія Пасхи, а именно: jutry, witry, jatry, jatschy, watschy и даже jastry, что всего ближе къ нѣмецкому. Конечно утренняя пляска солнца могла бы какъ не лъзя лучше согласоваться съ понятіемъ объ утрѣ, но jutro, утро во множ. jutra, а не jutry. Самое множественное число въ луж. названіи Пасхи согласуется съ множ. нѣм. ôstarûn; вышедшее изъ употребленія нижн. луж. названіе мѣсяца Апрѣля jatschman есть др. нѣм. и др. сакс. ôstar-mânôth, eâster-mônadh, получившее происхожденіе отъ Остары *), о чемъ свидѣтельствуется и Беда (de temp. ratione 13) слѣдующими словами: „eostur-mônâth, qui nunc paschalis mensis interpretatur, quondam a dea illorum, quae Eostra vocabatur et cui in illo festa celebrabant, nomen habuit, a cujus nomine nunc paschale tempus cognominant, consueto antiquae observationis vocabulo gaudia novae solemnitalis vocantes.“ Подобное же поклоненіе свѣту и огню, соединенное съ поклоненіемъ водѣ, находимъ и въ обрядѣ Весталь: что особенно важно потому, что нѣкоторые сличаютъ нѣмецкую Остару съ лат. Вестою **). Служеніе Весталь состояло между прочимъ въ почерпаніи очистительной воды въ священные сосуды; и anclore почерпать есть вѣроятно сокращенная форма глагола anculare ***), отъ коего Фестъ производитъ

*) v. d. Hagen, Neues Jahrb. d. Berlin. Gesellsch. f. deutsch. Spr. u. Alterth. 1846, стр. 132.

**) Id. 1844, стр. 244—250.

***) Pfund, Altitalische Rechtsalterth. 1847, 2.

слово ancilla: „ancillae— sic appellantur quod antiqui ancolare dicebant pro ministrare.“ Отъ глагола anclare произошло anclabris, такъ объясняемое Фестомъ: „anclabris ea (т. е. mensa), quæ in sacrificando diis anclatur, quod est hauritur ministraturque.“ Здѣсь кстати замѣтимъ, что лат. anclabris соотвѣтствуетъ нашему точило, коимъ въ словарь 1282 г. объясняется алтарь, Кал. I. Е. Б. 194; въ О. Е. оно употребляется только въ смыслѣ ὑπολήμιον, Мат. 21, 33. Ул. своимъ переводомъ этого слова, Мр. 12, 1, объясняетъ связь того и другаго значенія нашего точило; именно: dal uf mesa, слово въ слово: углубленіе, яма въ столѣ или доскѣ.

Итакъ ни языкъ, ни повѣрія не препятствуютъ признать въ нашей русалкѣ значеніе не только существа, живущаго въ водѣ, но и свѣтлаго, яснаго: не одна *быстрота* (и въ смыслѣ сербск. нарѣчія) воды допускала такое сближеніе, но и самое поклоненіе этой стихіи. Даже, судя по Санскри-ту, можно допустить, что понятіе о свѣтѣ было первоначальнымъ.

Соотвѣтственное Русалкѣ божество, Вила сопровождается постояннымъ эпитетомъ, означающимъ свѣтъ, красоту, бѣлизну: бѣла вила, въ Серб. пѣсн.; ибо бѣлый значитъ первоначально и прекрасный, ясный, свѣтлый: у Славянъ и доселѣ сохранилось это значеніе. Какъ важенъ при имени этой богини эпитетъ, свидѣтельствуютъ Словаки, которые ее называютъ только по эпитету: bjle ranj. Слич. крн. wel бѣль, wélina, welúst—бѣлизна.—Въ старину въроят-

но далѣе было распространено между славянскими племенами вѣрованіе въ Вилъ. Въ одной болгарской сказкѣ, ркпсѣ XIV в., греческія богини названы: вилы пророчицѣ, Вост. Оп. Рум. Муз. 387. Онѣ были и у насъ, чему свидѣтельствомъ служить Слово нѣкоего Христолюбца 1525 г.: »вѣрующе—въ вилы ихже чісловъ тридевятъ сестреніцъ», *ibid* 228. — Какъ Русалка, живя въ водѣ, любитъ выходить и на сушу, и, сидя на деревѣ, расчесываетъ свои длинныя косы: такъ и Вилы, хотя живутъ на горахъ, но около воды. Какъ Русалки, такъ и Вилы почитаются душами усопшихъ младенцевъ: это вѣрованіе роднитъ Вилу съ лит. *wélės* души умершихъ, и съ латыш. *wels* первоначально богъ усопшихъ, а въ послѣдствіи чортъ, равно какъ и лит. *wélnas*. Сличая вилу съ лит. и латыш. формами, мы должны остановиться во первыхъ на измѣненіи *и* въ *е*, и во вторыхъ на приставномъ звукѣ *с*. Уже Шафарикъ *), сблизивъ вилу съ скн. *völa*, допускаетъ измѣненіе звука *і* въ *ö*: а надобно замѣтить, что скн. *völa* колдунья, въ отношеніи гласной предполагаетъ древнѣйшую форму *vala*, которая дѣйствительно и употребляется, и въ томъ же значеніи **); слич. у Славянъ: *vilenik* черно книжникъ, колдунъ, *vilenisctuo*—черно книжіе, *vilensztvo*—колдовство; въ отношеніи же окончанія замѣчательна болѣе полная форма: скн. *vólva* тоже колдунья, но

*) Slow. Starož. 51.

**) Fr. Dietrich, altnord. Leseb. 282.

первоначально мифологическое существо, о коемъ говоритъ одна изъ древнѣйшихъ пѣсень Эдды, именно *Völuspá*. Слѣдовательно изъ сличенія нашей вымысль лит. и нѣм. формами выводится древнѣйшій видъ этого слова: валес, валс, велс, валв, велв. Конечные звуки *с, в*, утративъ значеніе, становятся придыханіями, равно какъ *х, з*: потому скн. *völva* колдунья есть женская форма фин-го *völho*, *velho* колдунъ: и какъ скн. *völva* ходитъ и въ сжатой формѣ: *völa*, такъ и фин. *völho* измѣняется въ *völlo*. По свойству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. *helm* шлемъ: потому *völva*, *völho* является въ О. Е. въ древ. слав. формѣ *влѣхвъ*, т. е. *влѣхвъ* или *влѣхвъ*, *влѣхвъ*; а русскій языкъ ставитъ гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. *шеломъ*: слѣдовательно *волхвъ* или *волховъ* *), и особенно у Нестора: *волъсви*, Лавр. 16, собственно русская форма. Въ отношеніи окончанія

*) Бутковъ Волховъ производитъ отъ финскаго *wuollas* стремительный потокъ, о Фин. слов. Но это слово есть общее достояніе европейскихъ народовъ: уже въ древнихъ агс. законахъ *vullas*—ручьи причисляются къ предметамъ языческаго поклоненія. Вообще производство слав. словъ изъ фин. языка требуетъ большой осторожности: Бутковъ наше древн. *серенъ* производитъ отъ фин. *siertaun*, *siereun*—земля, покрытая зимою твердою корою. Но въ Ипат. стр. 185 читаемъ: «падшу снѣгу и серену». Какимъ же образомъ можетъ падать съ неба мерзлая земля? Еще Памва Берында толкуетъ: «Слана: *serénъ*—роса змерзлая, слотà. слань: слотà.»

это слово весьма важно для исторіи славянскихъ звуковъ : ибо не только производныя слова , на пр. въ Вологодской губерніи волхатъ—колдунъ, въ Малороссіи волштити хитритъ , но и въ народныхъ пѣсняхъ извѣстное собственное имя Волхъ—показываютъ, что конечнымъ звукомъ *в* замѣняется утраченный гласный заключительный звукъ : слѣдовательно древнѣйшая форма могла быть: влѣху, влѣхо, влѣхъ; что будетъ совершенно согласно съ формами: *völho*, *völva*. — Какъ жрецъ, жертва , пол. *żagzyzna* произошли отъ поклоненія огню , будучи произведены отъ жрѣти, горѣти, лит. *gargas* дымъ: такъ и волхвъ, влѣхъ, *völho*, согласно съ вѣрованіемъ въ высшую свѣтлѣющую силу солнца, является въ первоначальной формѣ въ скр. глаголѣ: валгъ свѣтитъ, блистать. Слѣдовательно волхвъ есть не только синонимъ жрецу но и его древнѣйшее индоевропейское именованіе, жрецъ же есть уже позднѣйшая, въ языкѣ славянскомъ созданная форма; волхвъ носить въ себѣ память о поклоненіи свѣту , жрецъ прямо указываетъ на жертву и огонь. Слѣдовательно въ древнѣйшемъ образованіи слова волхвъ заключается причина тому, что это слово въ послѣдствіи потеряло свой опредѣленный смыслъ, смѣшавъ понятіе о жрецѣ съ понятіемъ о божествѣ и существѣ сверхъестественномъ, что видно изъ ски. *völva* и нашего Волха Всеславича. Такъ какъ въ племени чудскомъ сохранилось въ болѣе чистой формѣ это слово , то въ немъ же нужно указать и оправданіе нашему производству : у Мадьяровъ или Уральской Чуди дѣйствительно на-

ходимъ скр. глаголѣ валгъ въ существительныхъ : világ сіяніе, свѣтъ, и villám молнія.—Кромѣ понятія о свѣтѣ, скр. валгъ, по закону являющееся въ формахъ : балгъ и баргъ, значитъ ferire, occidere, точно такъ какъ и русъ означаетъ и то, и другое. Слѣдовательно въ самомъ Санскритѣ находимъ оправданіе родству Вилъ и Русалокъ; и сербская Вида, согласно съ своимъ производствомъ, обыкновенно *стрѣляетъ* по врагамъ своимъ въ руку, въ ногу, или въ сердце. Эпическое представленіе оружія также сближаетъ понятія о пораженіи съ понятіемъ о свѣтѣ, какъ въ нѣм. преданіяхъ, такъ и нашихъ. У Славянъ стрѣла значитъ и sagitta и лучъ, что видно изъ glos. Mat. verb: strel se vrsene (стрѣль же верженіе) radiorum autem ictus; равно какъ и у Нѣмцевъ strâl radius, муж. род., а др. нѣм. strâla жен. рода—наша стрѣла, впрочемъ въ агс. stroel хотя и муж. род., но въ значеніи стрѣлы. Согласно съ представленіями въ языкѣ, преданія говорятъ о свѣтѣ, выступающемъ на концѣ оружія : въ пѣсняхъ Эдды находимъ эпическое выраженіе: *на копьяхъ лучи стоятъ* *); въ другихъ мѣстахъ говорится яснѣе: „это зовется огонь, но онъ долго (lengi, высоко?) трепещетъ на острьѣ копья“; или : „смертное пламя (hraelog) горитъ на копьяхъ“. Оддо такъ ослѣпилъ Норвежцевъ въ одномъ сраженіи, что въ суевѣріи видѣли, какъ пламя стремится изъ мечей вражескихъ. Слич. Tacit. ann. XV,

*) Brüd. Grimm, Lieder d. alt. Edda, 1815, стр. 64—66.

7 pila militum arsere, XII, 64 signa militum arsere. Вѣроятно тоже представленіе лежитъ въ основаніи темнаго въ Сл. о П. И. выраженія: „смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.“ Не стоитъ ли въ связи съ словомъ рогъ—рожанецъ?—въ Ипат. 186 читаемъ: „срѣлцемъ же обаполь идущимъ, и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ.“

Примѣч. Для полноты сближенія эпическихъ представленій нѣмецкихъ съ нашими, укажемъ на другое свойство оружія: оно поетъ. Въ древней скн. клятвѣ говорится: да не кусаетъ мечъ, тобою обнаженный, хотя бы и плѣхъ онъ у твоей головы, Völsunga. Скандинавская поэзія богата подобными выраженіями: мечъ кусаетъ и звенитъ о ихъ черепы, saga Hrolfs konungs Kraka; топоръ *высоко заплѣхъ*, отрубивъ ему голову, saga Ketils Naengs *). Этими эпическими формами объясняется темное мѣсто въ Сл. о П. И. „копіа поють на Дунаи.“ Подобно оружію, и знамена одарены тою же человѣческою способностью: въ Сл. о П. И. „стязи глаголютъ;“ Вольфрамъ въ Парц. говоритъ: ein Trühendingaer pfanne mit krapfen selten dâ erschrei, слич. также Helmbrecht 1398: sô schriet mir mîn pfanne.“ Вообще взгляды нѣмца и славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся; такъ въ Сл. о П. И. щиты червленныя, въ нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ ши-

*) Philologus, изд. Schneidewin, 1846, № 2, стр. 340—343.

ту: красный *). Выраженіе въ С. о П. И. „конецъ копія въскрѣмленіи“ — согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: „копьями кормилъ гадовъ змѣиныхъ“, т. е. трупами падшихъ отъ копій. Заимствованія одного народа отъ другаго здѣсь никакъ не лѣзя предположить: воображеніе и одинаковый взглядъ на вещи — источникъ этимъ представленіямъ. Какъ естественно, на пр., преданіе о слѣпомъ Вермундѣ, отличающемъ свой мечъ по звуку. Уже у Гомера, какъ и въ нашихъ пѣсняхъ, поетъ тетива, спѣла тетивка, Од. 21, 411:

δεξιτερῇ δ' ἄρα χερὶ λαβὼν περὶ ῥατο νευρῆς.
ἢ δ' ὑπὸ καλὸν ἄεισε, χελιδόνι εἰκέλῃ αὐδῆν.

Согласіе эпическихъ представленій въ языкѣ съ эпическими формами народной поэзіи опредѣляетъ древнѣйшую эпоху образованія и исторіи языка.

Дальнѣйшее развитіе того же воззрѣнія, которое лежитъ въ основѣ вѣрованій въ Русалку и Вилу, находимъ въ нѣмецкихъ преданіяхъ объ Эльфахъ и Валькиріяхъ. Вотъ главнѣйшія черты, опредѣляющія родство славянскихъ повѣрій съ нѣмецкими:

а) Какъ Вилы и Русалки почитаются душами некрещенныхъ младенцевъ, такъ и Эльфы **) не только души умершихъ — потому-то они и пляшутъ на кладбищѣ и празднуютъ смерть человека —, но и падшіе съ неба ангелы, однако не погибшіе въ аду, а въ печали и мукѣ ожи-

*) Grimm. D. R. A. 35, 74.

**) Jrische Elfenmärch., von d. Brüd. Grimm, 1826.

дающіе рѣшенія своей участи: подобно тому, какъ страдаетъ душа некрещенаго младенца, по нашимъ преданіямъ, и летаетъ безпріютная, прося крещенія. Самая внѣшность Эльфа согласуется съ нашимъ преданіемъ о младенцахъ: въ настоящемъ своемъ видѣ онъ является прекраснымъ дитятею. Какъ съ одной стороны существа водныя олицетворяютъ души некрещеныхъ младенцевъ, такъ съ другой стороны огонь, а именно блудящій, есть тоже душа умершаго безъ крещенія младенца, на пр. у Лужичанъ.

б) Эдда различаетъ два рода Эльфовъ: *бѣлые* Эльфы, или Эльфы свѣта, и *черные*, или Эльфы тьмы. Не только эпитетъ Вилы, но и самое названіе ея, равно какъ и Русалки, указываютъ на то, что наши мифологическія существа относятся къ первому разряду, какъ древнѣйшему: ибо низверженіе божества во тьму относится уже къ тому времени, когда Христіанство оказало вліяніе на древнѣйшія народныя вѣрованія: потому - то бѣсъ, первоначально существо свѣтлое, отъ скр. б'ас свѣтитъ, въ вѣрованія Христіанскомъ перешелъ въ духа тьмы. *) Точно такъ и Дивъ первоначально божество, что видно изъ слѣдующей

*) Согласно съ представленіемъ въ языкъ, Христіанскіе живописцы, по древнему преданію, изображали змія прельстителя съ прекраснымъ лицомъ.

приписки въ переводъ Григор. Богосл., ркис. XI в., по Кеппену (Библ. лист. 1825, № 7): „*Ovъ dyю жьреть, а дроугыи дивии*“ — происходитъ отъ скр. див splendere, и собственно божество небесное, ибо скр. див, дива небо. Въ послѣдствіи, въ серб. поэзіи Дивы имѣютъ своего старшину, и являются существами враждебными, см. Вук. Ст. Серб. пѣсн. 2, № 8. Въ Сл. о П. Иг.: „дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ“. Гриммъ *) приводитъ подобное же мѣсто изъ одного др. нѣм. произведенія, гдѣ является бѣда, какъ бы нѣкій демонъ, сидящій на деревѣ. Подобное вышеупомянутому дѣленію въ Эддѣ, мы находимъ и у насъ, такъ въ Лавр. 77 читаемъ: „то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ? онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. — Это сказаніе отличается отъ преданій нѣмецкихъ только тѣмъ, что приписываетъ бѣсамъ (и ангеламъ?) крылья, тогда какъ Эльфы безъ крыльевъ, подобно Виламъ и Русалкамъ. Хотя представленіе о крылатомъ духѣ могло образоваться отъ вліянія Христіанства; однако замѣчательно въ древнѣй-

*) D. M. 66.

шихъ славянскихъ памятникахъ употребленіе крылатца вмѣсто ангела: такъ въ Фрейзинг. ркпс. *uizem crilatcem bosiem*, всѣмъ крылатцемъ божіемъ, т. е. ангеламъ; и потомъ удержаніе этого представленія въ народной поэзіи: такъ въ сербскихъ пѣсняхъ: Реля крилатица; а въ Сл. о П. Иг. „все три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрильци“; у Сербовъ употребляется въ Христіанскомъ значеніи: свети шестокрили Арандіеле!

в) Согласно съ дѣленіемъ на бѣлыхъ и черныхъ, Эльфы раздѣлили себѣ день и ночь. Одни являются только днемъ, и именно въ полдень, въ образъ прекрасныхъ бѣлыхъ дѣвъ; и особенно замѣчательно для насъ явленіе такой дѣвы въ Мейссенѣ, предъ городомъ на *Piel — Berg* *), т. е. на бѣлой горѣ. Этому преданію соотвѣтствуютъ наши полудницы, о коихъ говоритъ уже Вацерадъ: *poludnice dryades, deae silvarum*. У насъ много преданій о явленіи сверхъестественныхъ существъ въ полдень. Особенно отличается чертами древности полудница у Лужичанъ, *rězroŋnica, rĕroŋnica*: ровно въ полдень является она на поляхъ съ серпомъ въ рукахъ — почему называется также *sserpyschuja* — передъ тѣми, кто замѣшкался въ полдень идти

*) Deutsche Sagen, von d. Brüd. Grimm. N° 11.

домой съ поля; въ подробности начинается распрашивать ихъ о томъ, какъ обрабатывать и прастъ ленъ, и кто не устоитъ противъ ея распросовъ, тому срубаетъ голову серпомъ. Согласно съ этимъ преданіемъ, и на Руси искони почиталось вредно въ полдень работать: „Спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птицы и человѣци“—говоритъ Владимиръ Мономахъ, оправдывая набожнымъ убѣжденіемъ народный обычай, Лавр. 103. Пристрастіемъ къ пряденью льна лужицкая рѣзроѣніса напоминаетъ Валькирій.—Ночные же Эльфы избѣгаютъ солнца, которое потому называется въ Эддѣ заботою Эльфовъ. Если оно ихъ застигнетъ, то они превращаются отъ его лучей въ камень. Подобное повѣствуется у Сербовъ о миѣическомъ царѣ Троянѣ, который выѣзжалъ только по ночамъ, боясь солнца, которое наконецъ его застигло и растопило.

г) Какъ Русалки любятъ расчесывать свои длинныя косы, такъ и Эльфы. И тѣ и другіе отличаются этимъ украшеніемъ. Одна колдунья, по нѣмецкому преданію *), засадила дѣвицу въ теремъ, въ которомъ не было выхода, и лазила къ ней въ окно по ея прекрасной косѣ, которую спускала заключенная изъ окна на двѣнадцать локтей. Въ Бретани нѣмецкій Эльфъ извѣстенъ подъ именемъ Korr, а женская форма:

*) Kind. u. hausmärch v. d. Brüd. Grimm, 1843, 1. 76.

Korrigan, т. е. наша Русалка: подобно сей послѣдней, она сидитъ при источникѣ, расчесывая свои косы; кто ее застигнетъ, долженъ на ней жениться, или черезъ три дня умереть *). Прекрасная коса есть всеобщее индоевропейское достояніе мифологическихъ существъ. Наша коса ведетъ свое происхожденіе отъ скр. *keśa* — *coma*, *caesaries*: отсюда *ке́сара* грива льва, и потомъ *ке́сарин* гривистый, т. е. левъ. И какъ Греки думали видѣть въ причeskъ Зевса подобіе львиной гривѣ, такъ въ Санскритѣ Кришна прозывается *Ке́сава*, т. е. имѣющій большую и красивую косу. Такимъ образомъ пластическое представленіе, основанное на эпической формѣ, ведетъ свое начало отъ языка. — Такъ какъ многіе народные ботаническіе термины имѣютъ свое происхожденіе въ періодъ мифологическомъ: то любопытно обратить вниманіе на серб. *вила* коса, *cuscuta europaea*.

д) Въ Эддѣ Валькирія ѣздятъ на свромъ конѣ, а грива труситъ холодную росу по глубокой долинь — т. е. она летаетъ по воздуху, гоня облака, *fra Helga oc Svavi*; о самой героинѣ этой пѣсни Эдда говоритъ: „она называлась Свава, была Валькирія, и летала по воздуху и черезъ море“; отсюда эпическая форма для моря въ агс. поэзіи: *svanrâd*, т. е. лебединый путь. Чехи лег-

*) Villemarqué, 1, 17. Grim. D. M. 416.

кія облака называють babku. О Вилахъ въ сербскихъ пѣсняхъ читаемъ, Вук. 1, № 226.

Град градила бѣла вила
ни на небо ни на землю,
но на грану од облака.

Любопытно соотношеніе воздушнаго коня Валькирии съ быстрыми конями сербскихъ пѣсень. Конь Кралевитя Марка Шарац *видовит*, и потому можетъ видѣть Вилу, высоко прыгнуть и достигъ ее, Вук. 2, № 38 :

Вила лети по врѣу планине,
Шарац ѣзди по среди планине,
ни где виле чути ни видети.
Кад је Шарац сагледао вилу,
по стрѣ копля у висину скаче,
по с четири добре у напредак,
брзо Шарац достигао вилу.

Потому-то конь называется вилован: на джогату коню виловноме.

е) Кромѣ воздуха и облаковъ, вода есть стихія этихъ сверхъестественныхъ существъ, и у Нѣмцевъ, и у насъ. Такъ какъ вода прозрачна и свѣтла, то Эльфы, обитающіе въ водѣ, причисляются къ свѣтлымъ. Чтобы скрыть свои ноги, они одѣваются, по нѣмецкому преданію, въ длинныя одѣянія: одинъ любопытный, желая узнать, какія у нихъ ноги, насыпалъ золы, и на ней обозначились гусиныя лапы. Къ дополненію олице-

творенія, нѣмецкое преданіе, какъ Эльфамъ, такъ и Валькиріямъ приписываетъ лебединыя сорочки: „рано по утру, говоритъ Эдда: увидѣли они на берегу морскомъ трехъ женщинъ, онѣ пряли ленъ, при нихъ были лебединыя сорочки, это были Валькиріи, fra Völundi. Одна изъ нихъ называлась Svanhvit, т. е. бѣлая, какъ лебедь, или бѣлая лебедь, и носила на себѣ лебединыя перья: var Svanhvit, svanfiapar dró, говоритъ пѣсня. Эти обычныя эпическія выраженія ясно указываютъ на самую тѣсную связь существа валькиріи съ лебедемъ. Если возьмемъ въ соображеніе, что эти божества по преимуществу вели жизнь воинственную, и вмѣстѣ съ собой приносили войну; то нѣтъ никакого препятствія видѣть подобное же существо въ слѣдующемъ мѣстѣ Сл. о П. И.: „вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука. вступилъ дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи.“ Въ одной болгарской пѣснѣ *) являются какія-то сверхъестественныя существа, соединяющія въ себѣ вилу, божество воздушное, съ водяною русалкою: „Ночью я всталъ, сонный, пасмурный, говоритъ эта пѣсня: и пыталъ мать мою мачеху: пѣли ли первые пѣтухи и вторые? Кричалъ ли Селимъ Ходжа на минаретъ? Не послушалъ я мать мою мачеху, и пошелъ въ свою темную

*) Сообщенной мнѣ покойнымъ Болгарцемъ Бусилинымъ.

конюшню, вывелъ своего береженаго коня, осѣдлалъ, обуздалъ его (замѣчательны музыкальностью эти стихи: „Оседлах го, обуздах го аз него, „восседнах го, пропуснах го аз него“): прискакалъ на студеный колодязь, и увидѣлъ трехъ взрослыхъ дѣвицъ, и спрашивалъ я ихъ: нельзя ли бродомъ перейти ту студеную воду, нельзя ли сломать этой красной калины? Отвѣтъ держали три взрослыхъ дѣвицы: не перейдешь той воды студеной, не ломается красная калина“.

ж) Пляска, пѣнье и музыка—любимая забава и Эльфовъ, и Вилъ, и Русалокъ. Эльфы всю ночь проводятъ въ пляскѣ, и только лучи солнца прогоняютъ ихъ: Русалки также грѣются и пляшутъ на лунномъ свѣтѣ. Кто увидитъ помятую кругами росистую траву, въ Шотландіи, Скандинавіи, въ сѣверной Германіи, обыкновенно говоритъ: здѣсь плясали Эльфы. Одна сербская пѣсня такъ описываетъ хороводъ Вилъ, Вук. 1, N 183:

ој вишніо, вишнице!
дигни горе граде,
испод тебе виле
дивно коло воде,
пред нима Радиша
бичем росу тресе,
до две виле води,
а третіој беседи.

Празднества Эльфовъ всегда сопровождаются музыкой, столь необыкновенной, что она очаровы-

ваетъ всѣхъ. Въ южной Швеціи есть преданіе объ одной пѣснѣ Эльфовъ, которую никто не можетъ слышать, что бы не плясать: даже тотъ, кто ее играетъ, до тѣхъ поръ не можетъ удержаться отъ пляски, пока не проиграетъ всю пѣсню наизворотъ, т. е. съ конца до начала. Впрочемъ Эльфы любятъ слушать и пѣсни людей, и щедро награждаютъ пѣвцовъ. — Сербская Вила также любитъ музыку, и въ пѣніи соревнуетъ людямъ. Вотъ замѣчательное въ этомъ отношеніи мѣсто, Вук. 2, N. 38 :

Одна Милош поче да попева,
а красну је песму започео
од сви наши болји и старији,
како ј' који држ'о краліевину
по честитој по Матіедонији,
како себе има задужбину;
а Марку је песма омилила,
наслони се седлу на облучје,
Марко спава, Милош попијева;
зачула га вила Равијојла,
па Милошу поче да отпева,
Милош пева, вила му отпева,
лепше грло у Милоша царско,
јесте лепше него је у виле;
расрди се вила Равијојла,
пак' одскочи у Мироч планину,
запе лука и две беле стреле,
једна уд'ри у грло Милоша,
друга уд'ри у срце јуначко.

Любятъ музыку и пляску и существа водныя, и русское преданіе волненіе моря и рѣкъ объясняетъ

пляскою водяныхъ божествъ. Святитель Николай говоритъ Садкѣ, явившись ему во снѣ (Др. р. ст. 341):

Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!

а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
расплясался у тебя царь морской:
а сине море всколебалось,
а и быстры рѣки разливались,
топятъ много бусы, корабли,
топятъ души напрасныя
того народу православнаго.

Также прекрасно измѣнено по Христіанскимъ идеямъ лужицкое преданіе о музыкальныхъ существахъ, совершенно соотвѣтствующихъ Эльфамъ: Лужицкіе *ludki* пропали съ тѣхъ поръ, какъ завелись колокола, звону которыхъ они не могутъ терпѣть.

- з) Эльфы знаютъ будущее и все, гдѣ что ни дѣлается: карликъ *Alvis* (всезнающій), въ Эддѣ, умѣетъ отвѣтить на всѣ вопросы бога Тора; онъ вездѣ бывалъ, все видывалъ и все знаетъ. Въ Нибелунгахъ водные Эльфы предсказали Бургундамъ ихъ судьбу. Вила предсказала Кралевитю Марку, что онъ скоро умретъ „од Бога, од старогъ крвника“, Вук. 2, 440. Валькирія Брингильдръ сообщила Сигурдру: „всѣ руны, какія только человѣкъ желаетъ знать, и говорить на всякомъ человѣческомъ языкѣ, и исцѣлять мазиями“, *Gripis spà*. Замѣтимъ кстати,

что темныя изобразительныя выраженія въ Эддѣ называются *рунами*: Сигрунъ говоритъ Гельги: „ты **р**азсказываешь о **р**битвѣ воинскими рунами (val-rúnom)“: такая руна, на пр.: кормить орловъ копьями, вм. поражать. Сл. о П. И. предлагаетъ много выраженій, подобныхъ скн. рунамъ. Особенно любопытно обратить [вниманіе на одинъ эпическій мотивъ: существа сверхъестественныя, какъ все знающія, любятъ предлагать смертнымъ загадки, которыя безъ сомнѣнія тѣ же руны. Въ одной малорусской пѣснѣ Русалка загадываетъ одной дѣвицѣ слѣдующія загадки (Макс. Мал. Пѣсн. 162):

Ой що росте безъ **р**кореня,
а що бѣжить безъ **р**овода,
а що цвѣте безъ всякого **р**цвѣту?
Камень росте безъ кореня,
вода бѣжить да безъ повода,
папороть цвѣте **р**безъ всякого цвѣту.

Разрѣшеніе высшихъ вопросовъ также предоставляется существамъ сверхъестественнымъ, какимъ является въ одной сербской пѣснѣ рыба, не только соответствующая водянымъ Русалкамъ, но и напоминающая божественную рыбу въ индійскомъ эпизодѣ о потоцѣ, Вук. I, N 285 :

Дјевојка сједи крај мора,
пак сама себи говори:
„ах, **р**мили Боже и драги!
има л'што шире од мора?“

има л'што дуже од поля?
 има л'што брже од коня?
 има л'што сладје од меда?
 има л'што драже од брата?
 Говори риба из воде:
 „дјевојко, луда будало!
 шире је небо од мора,
 дуже је море од поля,
 брже су очи од коня,
 сладји је шетјер од меда,
 дражи је драги од брата.“

Въ шотландскихъ и древне-англійскихъ балладахъ любовь выражается подобными же загадками, на пр.: „что длиннѣе дороги, глубже глубокаго моря, громче громкаго рога, вострѣе востраго терну, зеленѣй зеленой травы?—Любовь длиннѣе дороги, адъ глубже глубокаго моря, громъ громче громкаго рога, голодъ вострѣе востраго терна, зелье зеленѣе зеленой травы“, и проч. *). Смѣтливость въ разрѣшеніи трудныхъ загадокъ, приписываемая преданіями Эльфамъ, Виламъ, Валькиріямъ и Русалкамъ, становится вообще достояніемъ эпической поэзіи, которая любитъ опредѣлять мудрость рѣшеніемъ загадокъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ мотивовъ изъ одной древне-датской пѣсни о героѣ Вонведѣ: „что круглѣе колеса? гдѣ всего веселѣе пьютъ на

*) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nation. 1840, стр. 136.

святки? гдѣ садится солнце, и гдѣ покоятся
ноги мертвеца? чѣмъ наполняются всѣ долины?
что всего лучше украшаетъ царскій чертогъ?
кто громче журавля и бѣлѣе лебедя? у кого боро-
да на затылкѣ? что чернѣе засова? *) и что
быстрѣе серны? гдѣ самый широкій мостъ? что
всего противнѣе глазамъ человѣка? куда всѣхъ
выше дорога? и гдѣ пьютъ самое холодное
пойло?—Солнце круглѣ колеса, на небѣ всего
веселѣе святки, къ западу садится солнце, и къ
востоку ложатся ноги мертвеца. Снѣгъ напол-
няетъ всѣ долины. Человѣкъ самое благородное
украшеніе царскаго чертога, громъ громче жу-
равля, и Ангелъ бѣлѣе лебедя. У пиголицы бо-
рода на затылкѣ, грѣхъ чернѣе засова, и
мысль быстрѣе серны. По льду самый широ-
кій мостъ, жабѣ всего противнѣе глазамъ че-
ловѣка, въ рай самая высокая дорога, и въ
преисподней пьютъ самое холодное пойло“. **)

Любопытно обратить вниманіе на то, какъ ми-
ѳологическіе намеки скрываются за Христіян-
скія идеи и перемѣшиваются съ наивными воз-
зрѣніями на окружающую природу.

*) Для уразумѣнія этого страннаго выраженія надобно при-
помнить средне-вѣковое представленіе дьявола не только
подъ символомъ молота, но и запора, дубины, засова.
Grim. D. M. стр. 951, 952.

**) Altdänische Heldenlieder, v. W. Grimm, 1811, стр. 234—
235.

и) Въ нѣмецкихъ преданіяхъ лебедь—предвѣщающая птица; остаткомъ этого вѣрованія въ языкѣ сохраняется глаголъ: *es schwant mir*—предчувствуется. Слѣдовательно лебяжій образъ Валькирій имѣетъ символическій смыслъ. Въ одной украинской пѣснѣ (Макс. Укр. нар. пѣсн. 1834, 116) бѣлая лебедка рассказываетъ сизоперому орлу всю *щирую правдоньку* о битвѣ при Кистринѣ. Между древними русскими стихотвореніями мы имѣемъ драгоцѣнную пѣсню, подъ названіемъ: Потокъ Михайло Ивановичъ, служащую доказательствомъ, что преданіе, выразившееся въ Эддѣ въ образѣ лебединыхъ Валькирій, было туземнымъ и на Руси, и притомъ въ русской пѣснѣ оно сохранилось первобытнѣе, нежели въ нѣмецкомъ сказаніи, которое можно признать порчею и подновленіемъ древнѣйшаго мифа, сохранившагося у насъ. Потокъ Михайло Ивановичъ на синемъ морѣ увидѣлъ бѣлую лебедушку, она черезъ перо была вся золотая, а голова у ней увита краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена. Онъ прицѣливается въ нее, и поэтъ входитъ въ малѣйшія подробности стрѣльбы, какъ Гомеръ *) въ опи-

*) С. П. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ о рус. сл. обратилъ вниманіе на это мѣсто въ доказательство сходства эпической настроенности Гомера съ представленіями славянскихъ пѣвцовъ. Выпускъ 1, стр. 104.

саніи стрѣльбы Пандара (Ил. 4, 105 и слѣд.): мѣсто, въ высшей степени проникнутое эпическимъ воодушевленіемъ, свидѣтельствующее о самородности всей басни. Чуть было спустить Потокъ каленую стрѣлу, провѣщится бѣлая лебедь человѣчьимъ голосомъ, выходила на крутой берегъ, обернулась красной дѣвицей, Авдотьей Лиховидьевной. Тутъ была у нихъ и помолвка. Авдотья Лиховидьевна предложила условіе: кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Потокъ поѣхалъ въ Кіевъ, а неvěста его прежде него успѣла прилетѣть туда: тамъ они и вѣнчались. Молодая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, и черезъ полтора года скончалась. Вмѣстѣ съ покойницей посадили въ глубокую могилу и Потока Михайла Ивановича, съ конемъ и со всею збруею ратною. Въ могилу собирались гады змѣиные, а потомъ пришолъ и большой змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ ссѣкаетъ ему голову и мажетъ ей свою жену, отъ чего она и воскресаєтъ; и оба выходятъ на бѣлый свѣтъ. Жена-еретница должна была поплатиться за свои мудрости тѣмъ, что пошла живая въ могилу вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, когда уже онъ состарѣлся и переставился. — Нѣмецкая сказка *) сверхъестествен-

*) Brüd. Grimm, Kind. u. Hausmärch., 1843, 1, N 16,

ную женщину-оборотня низвела до обыкновенной, хитрой и невѣрной царевны, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и русская еретница, выходящей замужъ за храбраго воина. Когда она умираетъ, мужъ ея также вмѣстѣ съ ней опускается въ могилу, но уже не съ конемъ, а со столомъ, на которомъ было четыре коровая хлѣба и бутылка вина. Явившаяся въ могилѣ змѣя уже не жжетъ ни палить, а только ползетъ къ мертвому тѣлу; онъ ее разсѣкаетъ на три части, но только тогда воскрешаетъ свою жену, когда другая змѣя, приложивъ какіе то три листика къ суставамъ мертвой змѣи, воскресила ее. И уже оставшимися отъ змѣй листиками воскрешаетъ онъ свою жену. Въ смерти ея не было никакой съ ея стороны мудрости: и потому, чтобы удержать къ концу правоученіе древнѣйшаго сказанія, нужно было по воскресеніи представить ее порочною: именно тутъ то какъ нарочно она становится невѣрна мужу, ищетъ его гибели; но правда торжествуетъ, и она погибаетъ съ своимъ любовникомъ: а мужъ остается въ живыхъ. Слѣдовательно условіе: быть погребеннымъ вмѣстѣ, не состоялось; и именно потому, что оно въ нѣмецкомъ сказаніи является уже случайностью, а не существеннымъ обрядомъ, какъ у насъ. Нѣмецкая царица оправдываетъ это условіе нѣжностью: если онъ меня любитъ, что ему за жизнь безъ меня! Потокъ Михайло Ивановичъ

безъ всякаго принужденія пошелъ къ мертвой женѣ въ могилу, ибо признавалъ законность условія: мужа нѣмецкой царевны принудили къ тому, оцѣпивъ всѣ ворота стражею. Мы видимъ, что нѣмецкое преданіе идетъ по слѣдамъ русскаго шагъ за шагомъ, но постоянно подновляетъ его и почти сглаживаетъ слѣды мифологическіе. Можно сказать, что эта русская пѣсня служитъ какъ бы переходомъ отъ преданія о Валькиріяхъ въ Эддѣ къ нѣмецкому сказанію. Въ Авдотѣ Лиховидьевнѣ видно еще существо сверхъестественное, являющееся въ образѣ лебедя, а палящій змѣй, воскрешающій своей головой, восходитъ до глубокой древности. Полнота эпическаго представленія согласуется въ этой пѣснѣ съ древнѣйшимъ мифологическимъ содержаніемъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ вѣрованій и преданій, столь общихъ у Славянъ съ Нѣмцами, лежитъ единство воззрѣнія и тѣхъ и другихъ на природу, слѣды котораго открываются въ языкѣ. Эльфъ проходитъ слѣдующія діалектическія измѣненія: др. и средн. нѣм. *alp, elb*; агс. *älf*, скн. *âlfr*, по свойству гот. языка предполагается гот. форма: *albs*. Такъ какъ Эльфы, по темному преданію, имѣютъ символическую связь съ образомъ лебедя: потому въ языкѣ мы находимъ сродство между тѣмъ и другимъ названіемъ: лебедь по др. и средн. нѣм. *albiz, alriz, elbiz, elbez*; агс. *elfet, ylfet*; скн. *âlft*: суффиксъ въ образованіи этого слова, проходящій

по всѣмъ нѣмецкимъ нарѣчіямъ: *z*, *t*, указываетъ на коренную форму, заключающуюся въ имени Эльфовъ. Горы и воды, какъ жилище этихъ сверхъестественныхъ существъ, и по названію имъ соотвѣтствуютъ: покрытыя снѣгомъ, высокія горы называются *alpes*, а прозрачная рѣка—*albis*, *elbe*, такъ что по-скн. *elf* есть нарицательное имя для всякой рѣки, точно также, какъ шв. *elf*, дат. *elv*. Какое же начальное впечатлѣніе зародило въ народной фантазіи такую связь между этими предметами, породнивъ ихъ между собою и въ языкѣ, и въ преданіяхъ? Языки древніе, удерживая коренной звукъ *a*, являютъ намъ такой же, соотвѣтственно нѣмецкимъ нарѣчіямъ, переходъ согласныхъ губныхъ, т. е. *b*, *p*, *f*; а именно: лат. *albus*, сабинск., по Фесту, *alpus*, и греч. *ἀλφός* (*vitiligo*), *ἀλφιδά*. Слѣдовательно впечатлѣніе свѣта и блеска сопровождало вѣру въ Эльфовъ, какъ и въ нашихъ Вилъ и Русалокъ; то же впечатлѣніе породило и названія водъ и снѣжныхъ далекихъ горъ, и наконецъ названіе баснословной птицы, живущей на водахъ. Славяне начинаютъ слово плавнымъ звукомъ, проводя его звукомъ *a*, который въ другихъ языкахъ выступаетъ впередъ: и потому *alba* или *elba* живетъ у Славянъ въ формѣ: лаба, лабе, означающей не только Ельбу,—въ Сербіи Лаб, Лаба въ Книгѣ, глаг. больш. черт.: а въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ горъ, *)—но и вообще всякую рѣку, какъ имя нарицательное. И какъ у Нѣмцевъ является язычный суффиксъ: *z*, *t*,

*) Изд. Спасскимъ, 1846, стр. 57.

такъ и у насъ: д, т, ц: сръб. лабуд., рус. лебедь, чеш. labuť, пол. łabędź, łabęć. Согласно съ первоначальнымъ впечатлѣніемъ, лебедь получилъ у насъ эпитетъ: бѣлая: бѣлая лебедь; а согласно съ женскими божествами, Русалкою и Вилою, какъ эпическая форма, лебедь употребляется въ женскомъ родѣ, какъ постоянный эпитетъ женщины; въ др. и ср. нѣм. albiz, elbez родъ еще колеблется между мужескимъ и женскимъ, какъ наше лебедь; но, что весьма замѣчательно, въ скн. âlft, âlpt пересиливаетъ уже форма женская, вполне согласуясь съ тѣмъ божествомъ, для котораго служить символомъ. Въ этомъ отношеніи грамматическій женскій родъ этого слова и въ нѣм. эпическихъ формахъ болѣе соответствуетъ нашимъ женскимъ божествамъ, нежели Эльфамъ того и другаго рода. У насъ Лыбедь не только рѣка, но и названіе женщины, какъ древнѣйшее, можетъ быть, олицетвореніе лебедя, намекающее на существо мифологическое.

И такъ не только преданія, и нѣмецкія и славянскія, но и самыя названія въ языкѣ развились самостоятельно. Ибо нѣтъ ни какой возможности предположить вліяніе нѣмецкой формы на образованіе нашихъ: лаба, лабуд, удержавшихъ первобытные звуки а, б; такъ что затерянная готская форма albs является исторически только въ нашемъ лаб.

Теперь обратимся къ исторіи эпитета: бѣлый. Сначала замѣтимъ, что собственное значеніе этого слова то же, что слова красный: т. е. прекрасный, свѣтлый; и ограниченіе того и другаго слова названіемъ из-

вѣстнаго цвѣта есть позднѣйшее. Въ мифологическомъ имени божества : Бѣль - богъ , хотя и видно первоначальное значеніе и древность этого прилагательнаго : однако это имя могло быть только частнымъ, не распространившимся между всѣми Славянами : между богами языческой Руси его не находимъ. Бѣль - богъ, какъ и Черно - богъ сохранились у Славянъ въ названіяхъ урочищъ , на пр. двухъ горъ въ Лужицахъ около Будешина : но преданіе о значеніи ихъ почти изгладилось. Наше бѣл, билъ находимъ въ двухъ древнѣйшихъ формахъ: 1) въ кельтскихъ нарѣчіяхъ: *beul, beil, beal, bel* и древне-кельт. *belenus, belinus* (у Авзонія, Тертуліана и на многихъ надписяхъ), означаетъ бога свѣта и огня. И доселѣ еще въ первыхъ числахъ Мая совершаются въ кельтскихъ племенахъ обряды въ честь этому божеству, зажигаютъ огни и черезъ нихъ прыгаютъ, какъ у насъ на Ивана Купалу. Этотъ день называется *la bealtine, beiltine, beltein*: *la* значитъ день, *teine, tine* —огонь, а *beal, beil, bel* —богъ *belenus*. 2) у Литовцевъ и Латышей въ формѣ *baltas, balts*, и именно въ собственномъ, т. е. обширномъ значеніи нашего прилагательнаго бѣль. Что Литовцы были старожителями на Балтійскомъ морѣ, между прочимъ, свидѣтельствуется латышское названіе янтаря: *sihtars, sihters*, означающее также и вообще кристалль : это имя было извѣстно и древнимъ, какъ скиѣское: *sacrium* или *satrium*; *) слѣдственно *mare balticum*,

*) Slow. Staroż. Шафарика, стр. 365.

insula baltia, еще задолго до Р. Х. извѣстныя древнимъ писателямъ, безо всякаго сомнѣнія могутъ быть произведены отъ лит. *baltas*, *balts*, и слѣдовательно море балтійское значить: море бѣлое. Бѣлый, *baltas*, какъ названіе для воды, есть синонимъ словамъ: быстрый, русый, лаб.

Какъ наша, или кельтская форма, такъ и литовская, означая только впечатлѣніе, производимое свѣтомъ, не только естественнымъ, но и божественнымъ, являются въ болѣе опредѣленномъ образѣ въ мифологіи нѣмецкой *), какъ божество *Phol*, *Paltar*, а въ древнѣйшемъ видѣ въ Эддѣ: *Baldr*. Чистое и невинное божество Бальдръ, по сказанію Эдды, побѣжденный слѣпымъ Гёдромъ, нисходитъ въ адъ, всѣми оплакиваемый, ничто не можетъ оттуда его извлечь, и вѣрная супруга его Нанна слѣдуетъ за нимъ. По агс. сказанію *Bäldäg*, какъ нашъ Бѣль-богъ, есть богъ свѣта: потому-то его сынъ называется *Brond*, о комъ Эдда умалчиваетъ; а *brond*, *brand*, скн. *brandr* значить *jubar*, *fax*, *titio*.

Еще у Готтовъ эти мифологическія представленія низошли уже до названія обыкновенныхъ понятій: и скн. *baldr* является въ гот. формѣ: *balps* храбрый, смѣлый: *ordinant super se regem Alaricum, cui erat ex Baltharum genere origo mirifica, qui dudum ob*

*) D. M. стр. 201 и слѣд.

audaciam virtutis, baltha, id est *audax*, nomen inter suos acceperat, Jornand. Hist. Goth. — Отсюда *arg. bealdor, baldor* господинъ, князь.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ вѣрованія въ свѣтъ, воду и огонь, въ связи съ народными преданіями и эпическими формами, и показавъ прямое отношеніе преданія и вѣрованія къ языку, обратимся къ основному, древнѣйшему представленію божества свѣта и огня, для того, чтобы опредѣлить исторически предѣлы славянскимъ повѣрьямъ и мифологическимъ формамъ языка.

Шафарикъ *) сравниваетъ скр. *сварга coelum Jn-dri, aeter*, съ слав. Сварогъ, неоднократно встрѣчающимся въ Ипат. сп., на пр., на стр. 5: „Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-Богъ.“ Следовательно солнце, или Дажь-Богъ есть сынъ Сварога, т. е. Сварожичъ, а Сварожичемъ въ одной рус. ркси 1523 г. называется огонь: „огневи молятся зовутъ его Сварожіцемъ,“ Вост. Опис. Рум. Муз. 228. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ словѣ, именно свидѣтельство Дитмара (+ 1018) не опредѣляетъ на-

*) О Сварогъ, въ Чтен. Общ. истор. и древн. рос. Прохожу молчаніемъ другое божество свѣта, извѣстное подъ именемъ Хорса, отсылая читателя къ прекрасному изслѣдованію О. М. Бодянского: О тождествѣ славянскихъ божествъ, Хорса и Дажьбога, напечатанному въ 2 N Чтеній Общ. истор. и древн. 1846 года.

стоящаго его смысла: говоря о богахъ Славянъ Ст-верной Германіи, онъ прибавляетъ: *quorum primus Zuwasici dicitur et prae ceteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur*. Отсюда скорѣе можно заключить, что Сварожиць есть солнце, или Даждь-Богъ: ибо это божество по преимуществу было уважаемо Славянами, что видно изъ Сл. о П. Иг., гдѣ Русь названа внукомъ Даждь-Бога: слѣдовательно Даждь-Богъ былъ дѣдомъ Руси, что совершенно согласуется съ слѣдующимъ объясненіемъ въ словарь Памвы Беринды: „Дѣдъ: старецъ. умалителнѣ же, дядко. старчикъ, а не дѣдко. *сице бо нѣцѣи обыкоша діавола именовати*“. Изъ сличенія Ипат. списка, въ коемъ говорится о Сварогѣ, съ двумя другими свидѣтельствами о Сварожицѣ, непремѣнно должны мы вывести слѣдующіе результаты: славянская мифологія отдѣляетъ Сварога отъ Сварожица: Сварогъ не только *ἥφαιστος*, но и отецъ огню и солнцу, индійское небо Индры, Сварга; Сварожиць есть дитя неба, рожденный отъ неба: слѣдовательно и огонь и солнце—оба Сварожици: согласно съ этимъ производствомъ, въ сербскихъ пѣсняхъ солнце—чадо бога, а въ Малороссіи богачь—огонь, сынъ бога *).

Слѣдовательно языкъ славянскій отдѣляетъ въ вѣрованіи въ Сварога два періода: древнѣйшій, индоевропейскій, представителемъ коего былъ Сварогъ, и позднѣйшій, собственно славянскій, когда уже это

*) Срезневскаго Святилища и обряды языч. Слав. 1846. 27.

слово осмыслилось у Славянъ отечною формою -иць, -ичь. Теперь обратимся къ самому слову сварга, и покажемъ слѣды его составныхъ частей въ формахъ славянскаго языка. Сначала разберемъ индійское *сварга*: оно сложено изъ двухъ элементовъ: изъ *свар* — небо, свѣтъ, и изъ окончанія -*га*, означающаго хожденіе; слѣдовательно сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ, или хожденія по небу, т. е. жилища бога. Скр. *свар* является въ древнечешскомъ *zuor*, *svor*, которое объясняется въ *Mat. verb.*: *zodiacus*. Но этого мало; можно найти еще болѣе глубокіе слѣды этого слова въ языкѣ славянскомъ, и именно, разобравши происхожденіе скр.-го *свар*: оно происходитъ отъ глагола *сур* свѣтитъ, откуда *сура* богъ: отъ этого глагола производятъ скр. *сурис*, лат. *sol*, гр. *σεῖρος*, гот. *saun*, наше солнце. Что же касается до суффикса -*га* въ скр. *сварга* и въ сл. *сварогъ*, то онъ въ первобытномъ индоевропейскомъ значеніи остался у насъ и доселѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, равно какъ и образовалъ изъ себя слова и въ другихъ родственныхъ нашему языкахъ.

1) *пра-гъ*, *поро-гъ* образуется изъ скр. *пâра* онъ полъ, та сторона, съ приставкою -*га*, скр. *пâра-га* значитъ переходящій, переступающій: у насъ *порогъ* ведетъ смыслъ отъ глагола не въ дѣйствительномъ залогѣ, а въ страдательномъ: такое перенесеніе значенія не должно казаться страннымъ, ибо оно свойственно нашему языку, напр. въ др. р. ст. „а стань ты подъ башню *проъзжую*“ 267, „а наѣхалъ Дунай *бродучій слѣдъ*“, 93. Впрочемъ, *порогъ* на рѣкѣ не столько

препятствіе теченію, сколько быстрѣйшій переливъ, и по значенію приближается къ скр. пѣра-га. Можетъ быть къ этому же скр. пѣра-га слѣдуетъ отнести и названіе города: Прага. Древнѣйшее преданіе такъ объясняетъ происхожденіе имени этого города: Любуша велѣла построить замокъ, и по отвѣту работника, что онъ работаетъ на порогъ, дала ему имя: Прага *). — Юнгманъ объясняетъ это слово порогами, т. е. водопадами на рѣкѣ Влтавѣ и горныхъ потокахъ **). Чтобы подкрѣпить производство нашего слова поро-гъ, обращаю вниманіе на другое наше слово, стоящее въ родствѣ съ скр. пѣра—другой берегъ, та сторона: отъ винительнаго падежа скр. пѣрамъ производятъ гр. πέρην ***); отъ скр. глагола пѣр—переходить, сроднаго съ пѣра, причастіе пѣрамъ — переходящій: этимъ окончаніемъ -мъ, флексіею скр. слова, объясняется суффиксъ или образующее окончаніе нашего слова паро-мъ, чеш. ргамъ, пол. ргомъ, ргамъ, ргитъ, даже нѣм. ргаһт: по Юнгману это слово происходитъ отъ прямой, въ отличіе отъ ладьи, чешск. рїтмъ: но переходъ звуковъ не допускаетъ такого производства.

2) доро-га или дра-га, имѣющее смыслъ не только *via*, но и толпа, собирающаяся куда нибудь, множество, свита, за кѣмъ-либо слѣдующая, на пр. въ

*) Palacky, Gesch. v. Böhmen. 1, стр. 88.

**) Slown. Česco-něm.

***) Burnouf, comment. sur le Yagna.

чешск: откуда наше подражать: Юнгманъ это послѣднее значеніе дороги отдѣляетъ отъ перваго, производя его отъ дорогой: но единство того и другаго, и согласіе въ значеніи открываются въ ихъ происхожденіи отъ скр. дру—бѣжать, откуда и гр. *δρομος* не только бѣгъ, но и самое мѣсто для бѣга, ристалище; къ соображенію при объясненіи этого слова припомнимъ гот. *ga-frvô* улица, отъ га—идти; только у насъ скр. га осталось суффиксомъ, у Готтовъ же оно корень. Что скр. дру, потерявшее свое значеніе въ словѣ доро-га, было извѣстно Славянамъ, свидѣтельствуется имя рѣки: Драва, по-скр. драва, отъ дру, значить бѣгущій, текущій.

3) колыма-га. Павскій *) производитъ это слово отъ ски. *hvēl* колесо и *vagn* возъ. Гораздо своеземнѣе и проще объясняется колымага приставкою -га и колыма, твор. множ. отъ коло, какъ сербск. *ономѣдне*, вмѣсто оными дни, откуда наше намедни; слѣдовательно колымага значить: идущая,двигающаяся колесами или на колесахъ: это слово сравнительно объясняется латинскимъ *navi-gare*, которое Боппъ **) остроумно производитъ отъ га—идти и существительнаго *navis*.—Шафарикъ ***) производитъ колымага отъ

*) Филолог. наблюд. 2, ст. 61.

**) Vergl. Gram.

***) Статья о гортан. звук. *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1, стр. 43.

коло и мага , латыш. mahja—domus, tabernaculum; мал. рус. маза (carrus opertus).

4) другое древнѣйшее названіе для повозки пользуется тѣмъ же суффиксомъ: крѣк-ы-га. Миклошичъ *) производитъ это слово отъ сред. лат. sarcare (opus vehere). Но у Славянъ есть и свой ему корень: крок шагъ, кроčiti шагать, идти шагомъ ; слѣдовательно крѣкы-га—идущая шагомъ.

5) съ тѣмъ же суффиксомъ и третье подобозначащее слово: телѣ-га; уже въ Сл. о П. И. „Кричатъ тѣлеги полунощы“. Что же значить теле или телѣ? Это слово въ исторіи славянскаго языка весьма важно для опредѣленія давности діалектическихъ измѣненій въ звукахъ: (отъ Финновъ до Полабцевъ мы видимъ въ этомъ словѣ измѣненіе к въ т, и наше коло является и въ фин. tela цилиндрической желѣзный катокъ, по объясненію Буткова, и въ полаб. tgela коло, колесница, возъ; слич. tiesa коза, и у насъ квѣтъ, твять. Слѣдовательно телѣ-га есть тоже слово, что и колыма-га , т. е. идущая колесами , или на колесахъ: есть діалектическое измѣненіе колымаги. Телѣга есть и у другихъ Славянъ , на пр. у Илирійцевъ талига, въ чичевск. нарѣчій **) taljuga; мадьяр. talige не имѣетъ себѣ корня въ мадьяр-

*) Radic. lingu. Slov.

**) Коллара Cestopis, 1843, стр. 47.

скомъ языкѣ, и потому производится изъ славянскаго *).

6) для исторіи суффикса -га весьма любопытно слово лежя-га, встрѣчающееся въ переводѣ Дамакина Іоанномъ Екс. Болг., какъ вставка въ слѣдующемъ мѣстѣ: „изведе животы великы и малы, киты, смокы, лежягы морьскыя, рыбы въ водахъ“; ибо этого слова нѣтъ ни въ подлинникѣ: ἐξήγαγε δὲ ζῶα μικρά τε καὶ μεγάλα, κήτη, δράκοντας, ἰχθύας ἐν τοῖς ὕδασι, — ни въ текстѣ Епифанія, ни Амвросія, см. Калайд. Іоан. Екс. Бол. 44—45. По смыслу видно, что лежя-га означаетъ гада, и какъ глосса, или же какъ прибавка, скорѣе можетъ относиться къ предъидущему, т. е. къ смокы, нежели къ послѣдующему, т. е. рыбы. Смокъ, чешск. zmek первоначально крылатый змій, также духъ въ видѣ мокрой птицы: лежяга, какъ показываетъ первая часть слова—лежя—отъ лежать, не летаетъ. Змій по-скр. называется урага отъ ура грудь и га идущій, слѣдовательно собственно: идущій, или ползующій на груди, грудью; лежя, кромѣ того, стоитъ въ связи съ ложесна μῆτρα, uterus, отъ глагола лежать: слѣдовательно лежя-га значить: чревомъ идущій, или въ лежачемъ положеніи двигающійся: въ этихъ двухъ описательныхъ эпическихъ формахъ—урага и лежяга, Индійцы и Славяне раздѣлили между собою въ сво-

*) Dankovszky, Magyaricae linguae lexicon, стр. 871, 938.

ихъ языкахъ первобытное еврейское преданіе о проклятіи змія: „проклять ты отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: *на перстьхъ твоихъ и чревь ходити будеши*“, Быт. 3, 14.—Въ подтвержденіе этого производства, для сравненія, приведемъ два скр. слова: джалосая рыба, отъ джала холодъ, вода, и сая лежащій, спящій;—и джигма-га змій отъ джигма кривой, извивающійся, и га идущій: наше змій, въ О. Е. змлии, вѣроятно, отъ этого скр. прилагательнаго джигма, очевидно образовавшагося редупликаціею.

Примѣч. Если вѣрно производство *) словъ птаха и прахъ отъ скр. пата-га и пара-га, то ха и хъ будутъ уже искаженіемъ суф. га — идущій: ибо пата-га производятъ отъ пата полеть, а парага отъ пара назадъ, назади; х въ словъ прахъ измѣняется въ с въ словъ персть.

Вѣрованіе въ огонь и небесный свѣтъ являетъ замѣчательное видоизмѣненіе въ преданіяхъ о пламенномъ змѣи и молніи: и тотъ и другая предполагаютъ между собою нѣкоторую доисторическую, въ отдаленныхъ вѣкахъ затерянную связь, открываемую только въ языкъ и немногихъ темныхъ преданіяхъ. Древнѣйшее славянское сказаніе о змѣи находимъ въ судѣ Любуши (IX в.): „*ot gor sreconosi, ide se trut pogubi san lutu*“ — отъ горъ крьконоши,

*) Максимов. Ист. др. Рус. слов. 1, стр. 135, 136.

идеже трутъ погуби санъ лоту. Отсюда видимъ, что горы были жилищемъ змію въ баснословномъ преданіи чешскомъ. Въ др. рус. ст. змій называется горынчище, т. е. горыничъ, или сынъ горы. Не одно только мѣсто жительства могло быть причиною такому наименованію: надобно предполагать какое либо внутреннее соотношеніе, основанное на вѣрованіи. Готскій языкъ даетъ поводъ заключить, что въ IV в. у Славянъ горы олицетворялись наименованіями мифологическихъ существъ: Ульфила гр. *ѣрос*, гора переводитъ *fairguni*, т. е. перунъ или лит. *perkunas* (гот. *f* соответствуетъ нашему *п*); средній родъ этого гот. слова олицетворяется мужескимъ и женскимъ въ божествахъ Эдды: *fiörgynn* отецъ Фригги, жены Одина, и *fiörgyn* мать Тора, богиня земли *). Въ отдаленныя среднія времена *Sanct Bernhard* назывался *mons jovis*, вѣроятно, по понятіямъ народовъ сѣверныхъ, ибо у классическихъ писателей такого названія этой горы не находимъ. Гриммъ приводитъ нѣсколько названій горъ, получившихъ оныя отъ *Donner* и *Thor* **). Остатками этого древнѣйшаго обоготворенія горъ можно назвать: *buskahm* (бужь-камъ, божій камень), скалу у Горенскаго мыса, близъ Руяны; горы *Cognu*

*) Боппъ въ своемъ скр. Глосс. предлагаетъ другое объясненіе, нѣсколько усиленное, сближая гот. *fairguni* съ сербск. брдо и скр. парвата гора, отъ парв *implere*.

**) D. M. 154—155.

Ъоћ и Ъјеѣу Ъоћ близъ Будешина, и др. Слѣдова-
 тельно если горы первоначально посвящались Пе-
 руну, то весьма естественно огненному змѣю быть сы-
 номъ горы, или горыничемъ. Эдда предлагаетъ много
 поэтическихъ образовъ окаменѣлыхъ вѣдьмъ: въ видѣ
 огромныхъ скалъ ложатся онѣ въ устьѣ рѣки, и,
 запружая ее, производятъ наводненія. — По сла-
 вянскимъ преданіямъ, змѣй весь вооруженъ и одѣтъ
 огнемъ, потому Лужичане называютъ его рlón: такъ
 что можно сказать, что эпическая форма сербскихъ
 пѣсень: *живи огань*—какъ бы олицетворяется въ обра-
 зѣ огненного змѣя, и нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ
 мифологическаго представленія лежитъ наглядное впе-
 чатлѣніе, производимое силою огня: какъ естественно,
 напр., слѣдующее описаніе огня въ одной нѣмецкой
 народной сказкѣ: „огонь сталъ уже лизать ихъ
 платья своими красными языками“. *) Золото, какъ
 блестящій металлъ, лежитъ во владѣніи огненного
 змѣя, и составляетъ какъ бы частицу его собствен-
 наго существа: потому -то въ одной русской пѣснѣ
 оно названо: *змѣиное крылице*; по-серб. змајеве отрѣ-
 сине значитъ блестякъ, и составляетъ предметъ суе-
 вѣріямъ. Змѣй лежитъ на золотѣ и хранитъ его: по-
 тому-то въ нѣм. поэзіи вмѣсто золота употребляется
 эпическое выраженіе: *змѣиное ложе*. — Добрыня
 Никитѣвичъ

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
 у лютаго змѣища Горынища,
 нашелъ опъ много злата, серебра.

*) Grimm, Kind. u. hausmärch. 1, стр. 61.

Связь преданій о золотѣ съ преданіями объ Эльфахъ выражается скн-мъ *âlfröðull*—золото, собственно же солнце Эльфовъ.

Исторія слова молнія, въ О. Е. мльнія, восходитъ къ IV в. Молнія по-гот. *lauhmunī*, *lauhmoni*, слово сложное изъ *liuhan* свѣтитъ, блистать, и *munī*, т. е. наше молнія: ибо въ гот. языкѣ нашему л соотвѣтствуетъ у, напр. *diups* глубока, по-серб. дубок.; въ серб. нарѣчій нашъ л также замѣняется гласнымъ у, потому гот. *munī* совершенно созвучно сербскому муня. Здѣсь почитаю нужнымъ упомянуть о другомъ производствѣ гот. *lauhmunī*, принадлежащемъ Боппу *). Онъ производитъ это слово отъ глагола *liuhan* посредствомъ формы причастія: скр. - *mānas*, гр. - *μενος*, лат. - *minus*; какъ напр. отъ скр. кри дѣлать кар - ман дѣло; лат. *se - men*, скр. *nā - man*, наши сѣ-мя, и - мя, т. е. сѣ - мен, и - мен. Дѣйствительно это начало плодovито примѣняется во многихъ случаяхъ, напр. въ лат. языкѣ: такъ *amini* есть нечто иное, какъ причастіе страдат. муж. рода именит. множ. числа, вмѣсто: *amini estis*, какъ гр. *τετορμενοι εἰσι*; отъ причастія же образовались: *alumnus*, *verumnus*, утративъ *i*; такъ *fe - mina* отъ *fē*, откуда *fetus*, *fetura*, *fecundus*, съ этой же формою причастія *ge - mini*; *terminus* отъ скр. три, тар переходитъ, сохранившагося въ лат. *in-tra-re*, *pene-*

*) *Vocalismus*, стр. 131—132.

tra-re. Но едва ли это производство можетъ быть допущено въ гот. lauhmunī: кромѣ этого слова въ гот. языкѣ есть еще глаголь, въ коемъ также является munī, муня, и значить тоже свѣтить, блистать, именно: glitmunjan, состоитъ изъ glit, скн. glita, и munjan отъ munī. Странно предположить, чтобы форма причастія страдательнаго цѣликомъ вошла въ образованіе дѣйствительной формы глагола. И почему же именно только *молнія* и *блистать* удерживаютъ въ гот. языкѣ суффиксъ munī? Если бы это было не наше муня, то этотъ звукъ, какъ суффиксъ, образовалъ бы и многія другія слова. Самый родъ готскаго lauhmunī совпадаетъ съ женскою формою молнія.

Допустивъ въ гот. lauhmunī (агс leoma, скн. liomi) наше муня, надобно предположить, что въ начальномъ впечатлѣніи, выражаемомъ словомъ молнія, нѣтъ намека на свѣтъ, или блескъ: въ противномъ случаѣ не нужно бы прибавлять lauh-, glit-: а lauhmunī значить собственно блистающая молнія. И дѣйствительно наше молнія, мльнія, въ glos. mat. verb: miln—fulgur, quod conditur, si cadat de coelo, у Лужичанъ milina сѣверное сіяніе, — первоначально сходится съ значеніемъ молота, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ происходитъ отъ мльти, молоть, скн. mala, гот. malan; и является олицетвореннымъ въ скн. miölnir, означающемъ вмѣстѣ и молнію, и млатъ, и стоящемъ съ обоими въ родствѣ по происхожденію. Богъ Торъ держитъ въ рукахъ чудесный молотъ miölnir, и бросаетъ имъ въ великановъ: этотъ miölnir имѣетъ то

свойство, что самъ собою возвращается въ руки богу. *Miölnir* имѣлъ форму креста, точно также какъ и громовая стрѣла, которую держитъ Индійскій Индра *). У Нѣмцевъ млатъ былъ священнымъ орудіемъ, имъ освящали невѣсту, мертвеца; бросаніемъ молота узаконивалось и освящалось право на владѣніе землею. У Литовцевъ былъ святой молотъ, коимъ нѣкоторый исполинъ освободилъ солнце изъ заточенія **). Вѣрованія согласуются не только съ воззрѣніями народа на природу, но и коренятся въ обычаяхъ, даже иногда и въ домашней утвари, или какомъ либо орудіи; такъ съ вѣрованіемъ въ молнію, *miölnir*, согласуется древнѣйшее употребленіе молота вмѣсто всякаго оружія: въ Краледв. ркпси герои дерутся молотами. Въ Чешскомъ Музѣ сохраняется одинъ такой старобытный каменный молотъ. Такимъ образомъ находимъ новое свидѣтельство о связи оружія съ огнемъ и свѣтомъ.

Старобытный эпитетъ молніи: *синяя*, какъ у насъ, такъ и у Нѣмцевъ: у Сербовъ даже громъ называется синимъ: „пуче као сини громъ“; въ сл. о П. Иг.: „трепещутъ синіи мльніи.“ Въ одной прусской народной сказкѣ гроза „гонитъ дьявола *синимъ* бичемъ.“ Синимъ пламенемъ клянутся.

Изъ всѣхъ Славянъ преимущественно у Сербовъ сохранилось во всемъ величій представленіе о силѣ

*) Höfer, Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1847, 1, 176—177.

**) Нарбут. Dzjeje staroz. narod. litewsk. 1, 472.

и власти божественной молніи: она господствуетъ надо всѣмъ въ мірѣ, ею все устроено и приведено въ порядокъ. Такъ одна сербская пѣсня говоритъ, Вук. 1, N 230:

Стаде муня даре дијелити:
даде Богу небесне висине,
свѣтом Петру петровске вrutине,
а Јовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стріјеле.

Самыя существенныя и важнѣйшія явленія нравственной жизни и природы внѣшней народъ возводилъ до предметовъ своего поклоненія, увлекаясь врожденнымъ стремленіемъ къ сознанію существа безконечнаго. Наименованія предметовъ священныхъ были дороги для народа, и онъ охотно любилъ припоминать ихъ, называя ими и горы, и урочища, и другіе предметы, съ которыми стоялъ въ близкомъ соотношеніи. Все непонятное въ природѣ казалось ему чудомъ, и переходило въ область вѣрованія. Самая жизнь и смерть, какъ предметы величайшей важности для человѣка, стояли въ ближайшей связи съ Мифологіею. Отъ скр. джив живу, джѣва живой образуются два слова, одно съ суффиксомъ т: джѣвита, наше животь; а другое съ суффиксомъ н: джѣвана, жизнь: слогъ -ана собственно имѣетъ смыслъ Лат-го -ficus, что видно изъ скр. прилагательнаго джѣв-ана vivificus; слѣдовательно чешск. živ-ena Ceres,

краткая форма котораго есть жива, объясняемая Бацирадомъ въ glos. mat. verb (1202) по-латинѣ: dea frumenti, ceres,—значить *дающая жизнь*; на крайнемъ нарѣчїи планета Венера называется жива. Съ тѣмъ же суффиксомъ -ана отъ скр. мри умираю образуется скр. мар-ана, смерть, а въ краледвор. рук. дѣйстви-тельно попадаетъ имя божества: морана—т. е. *дающая смерть*, въ слѣдующемъ выраженїи: z Wesny ро Мо-гаци, т. е. въ продолженїи всѣй жизни. Весна, съ тѣмъ же суффиксомъ н, имѣетъ корнемъ скр. вас свѣтитъ, скр. васанта—весна, и соотвѣтствуетъ богинѣ живѣ, или живенѣ, которой, какъ извѣстно изъ старинныхъ преданїй, Славяне праздновали въ первыхъ числахъ Мая, т. е. весною. Еще до настоящаго времени Славяне, на пр. въ Чехахъ, имѣютъ обычай встрѣчать лѣто съ соломенной чучелой, которая называется маѣпа: ее сожигаютъ, припѣвая привѣтствїя веснѣ и лѣту. Такимъ образомъ времена года, теплое и холодное — соединяются въ наивномъ чувствѣ народа съ представленїями о жизни и смерти. Съ помощїю того же суффикса н, отъ скр. див блистать, играть, образуется див-ан, день, *подающій*, или *дѣлающій свѣтъ*, сокращенно: дина, откуда наше день; лат. Ju-но, по мнѣнїю филологовъ, отъ Djuv-ino, стоитъ въ родствѣ съ Diana (*дающая свѣтъ*), и содержитъ въ себѣ тотъ же суффиксъ н, которымъ образовалось наше день: даже согласно съ родомъ женскихъ божествъ по-лит. день diena женск. рода.—

Есть какая-то особая движущая сила въ языкѣ, со-отвѣтствующая силѣ суевѣрїя, посредствомъ которой

слово древнѣйшее, имѣющее смыслъ обыкновенный, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по разнымъ странамъ и народамъ, теряетъ свое обыкновенное, простое значеніе и принимаетъ мифологическое, соединяясь съ повѣрьемъ. Таково др. рус. *navie*. Скр. насъ умирать перешло въ гот. *naus* (мн. *naveis*) мертвецъ, *navis* мертвый, образовавшія отъ себя рядъ словъ общаго съ мертвымъ тѣломъ значенія, каковы: *navistr* могила, *ganavistron* погребать. Даже въ Испанію зашло это слово, вѣроятно съ сѣвера, и именно въ языкъ мошенниковъ, конечно не безъ основанія носящій имя *germania*: на этомъ языкѣ мертвое тѣло называется *navio*. Такъ какъ это слово было общимъ достояніемъ сѣверныхъ народовъ индоевропейской отрасли, то его находимъ и въ древ. сканд. *nâ* мертвое тѣло; и въ латыш. *nahwe* смерть, *nahwigs* смертельный, ядовитый; *nahweht* убивать. И такъ во всѣхъ языкахъ это слово имѣетъ простое понятіе о смерти: въ древнерусскомъ же языкѣ, это слово, будучи древнѣйшаго происхожденія, какъ остатокъ періода временъ темныхъ, исполненнаго преданій и сказаній, получило смыслъ только мертвеца, являющагося между людьми, какъ привидѣніе. Это доказывается двумя мѣстами изъ лѣтописи по Лавр. списку: когда Янка, дочь Всеволода, привела изъ Греки Митрополита Іоанна Скопчина, объ немъ говорили: „се навье пришелъ;“ — „отъ года бо до года пребывъ, умре“ — замѣчаетъ лѣтописецъ, стр. 89. — Въ другомъ мѣстѣ, когда Полочане умирали отъ какого-то демонскаго рыска бѣсовъ, народъ го-

ворилъ : „яко навье быють Полочаны“, стр. 92. Надобно обратить вниманіе на странную организацію слова навье: оно хотя означаетъ мертвеца, имѣющаго сверхъестественную способность ходить между людьми; однако употребляется какъ сущ. собирательное, средн. рода : такимъ противорѣчіемъ значенія грамматической формъ опредѣляется необходимость предположить древнѣйшій періодъ этому слову, указанный нами въ языкахъ отрасли индоевропейской. Полное олицетвореніе навія находимъ въ скн. имени карлика: nâr, nâinn, т. е. мертвецъ. У Чеховъ въ XIV в. еще употреблялось naw въ смыслъ могилы, на пр. у Далемилы: potom krok jide do nawy; въ отрывкѣ Александр. ustlaw jinym w nâwi bydlo. У Славянъ сохранилось даже нав мертвецъ и навити убивать. Прослѣдивъ такимъ образомъ исторію этого слова, увидимъ односторонность слѣдующаго мнѣнія Г. Касторскаго *): „наконецъ что мы наши вѣрованія заимствовали отъ Литовцевъ, неоспоримымъ доказательствомъ служить суевѣрный слухъ, распространившійся при Всеволодѣ I во всей Руси, будто при семъ Великомъ Князѣ, въ Полоцкѣ, бѣси на коняхъ скакали по улицамъ и убивали гражданъ; такихъ оборотней народъ называлъ, по сказанію Нестора, навье. Nawe значитъ у Леттовъ смерть.“ Авторъ опустилъ изъ виду то важное обстоятельство, что это слово и у Славянъ, и у другихъ род-

*) Начерт. Слав. Миѣ. стр. 66.

ственныхъ имъ народовъ употреблялось въ томъ же смыслѣ.

Бессознательная, первобытная жизнь народа, выражаемая въ языкѣ, по преимуществу отличается наивнымъ согласіемъ природы духовной человѣка съ силами природы физической. Свою собственную душу человѣкъ понимаетъ первоначально не иначе, какъ въ связи съ явленіями міра внѣшняго: онъ догадывается о ней, какъ о силѣ, только по тѣмъ проявленіямъ творческой силы, какія замѣчаетъ въ окружающемъ его воздухѣ, въ водѣ и въ другихъ вещественныхъ элементахъ. Не по реторическому тропу составляетъ языкъ метафорическія выраженія, заимствованныя изъ воззрѣній на природу внѣшнюю, для означенія душевныхъ качествъ и способностей: а по глубоко коренящемуся въ народѣ вѣрованію, что повсюду въ природѣ распространена одна высшая сила, вездѣ дѣйствующая съ одинаковыми правами, и что тѣ душевныя движенія, которыя человѣкъ сознаетъ въ себѣ, присутствуютъ и въ окружающей природѣ, но до времени остаются нѣмы, выжидая своего чудеснаго явленія въ какомъ либо сверхъестественномъ существѣ. Божество, нѣкогда воочію представлявшееся смертнымъ, скрывается за явленіями природы, которыя потому и казались способными заключать въ себѣ такую же нравственную жизнь, какова и въ человѣкѣ. Самая Мифологія есть не иное что, какъ народное сознаніе природы и духа, выразившееся въ опредѣлен-

ныхъ образахъ : потому - то она такъ глубоко входитъ въ образованіе языка , какъ первоначальнаго проявленія сознанія народнаго. Слово понимается каждымъ согласно съ его образомъ мыслей : а народъ , образуя языкъ , находится въ періодъ безсознательнаго обоготворенія силъ природы : слѣдовательно весь языкъ, прошедши этотъ періодъ, удерживаетъ на себѣ слѣды первоначальнаго мышленія. Изобразительность въ наименованіи духовныхъ способностей произошла не отъ недостатка въ словахъ и не отъ ограниченности самосознанія : но отъ свѣжести воззрѣній на природу и отъ вѣры въ тайное съ нею общеніе человѣческой души. Въ слогъ украшенномъ есть тропы только потому , что источникъ ихъ глубоко проникаетъ въ образованіе самаго языка : и только то украшеніе въ слогъ хорошо , которое согласно съ первобытною, безыскусственною красотою формъ языка. Когда яснѣе сознавалось представленіе , выражаемое словомъ ; тогда поэтическое украшеніе не только ближе подходило къ воззрѣніямъ языка , но даже какъ бы развилось изъ нихъ : потому - то древнѣйшая эпическая форма стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ слова.

Переводомъ Св. Писанія установилось болѣе определенное нравственное понятіе словъ , означающихъ способности душевныя. Такъ въ О. Е. ψυχή переводится : душа, а πνεῦμα духъ; но это уже позднѣйшее, литературное примѣненіе этихъ словъ, собственное же ихъ значеніе открывается въ томъ воззрѣніи,

какое съ ними соединяли первоначально, и въ тѣхъ преданіяхъ, съ какими эти понятія стояли въ связи. Вѣроятно наши предки ясно сознавали значеніе этихъ понятій, когда такъ мѣтко умѣли ихъ употреблять, на пр. въ Ипат. 220: „позна въ себѣ духъ изнемогающъ ко исходу души.“

Словами *душа*, *духъ* человекъ роднилъ себя со всею окружающею себя природою, какъ бы для того, чтобы повсюду въ природѣ чувствовать свое присутствіе, и быть въ ея нѣдрахъ, какъ въ родной своей семьѣ. Вотъ главнѣйшіе образы, въ коихъ представляли себѣ душу и духъ языки индоевропейскіе *):

1. вѣтръ, дуновеніе. Какъ наше душа отъ ду-ть, черезъ ду-хъ, такъ лат. *animus*, *anima*, черезъ греч. *ἄνεμος*, происходитъ отъ глагола *ан*, затеряннаго въ лат. и греч., но сохранившагося въ скр. *ан дуть*, откуда *анила вѣтеръ*, и въ гот. *ана*, удержавшемся въ сложной формѣ *uz-ana exspigo*, какъ наше *издыхаю*; отъ гот. *ана* происходитъ др. нѣм. *unst procella*. Слѣдовательно не только легкое дуновеніе и воздухъ, но и вѣтръ, и даже гроза и выюга, по языку роднясь съ душею, выражаютъ какъ бы различныя степени напряженности душевныхъ силъ: по-

*) W. Humboldt, über Bhagavad-Gita, въ *Gesam. Werke*, 1, стр. 158.

добно тому какъ ски. ôdr означаетъ и духъ, умъ, и ярость, гнѣвъ.

2. дымъ, паръ. Отъ скр. dū agitare, commovere, concutere, образуется существ. dūmas, въ лит. и у насъ безъ придыханія: dûmai, дымъ; въ лат. же только съ измѣненнымъ придыхательнымъ, но безъ твердаго согласнаго звука: fumus, вмѣсто humus: h измѣнилось въ f по свойству сабинск. нарѣчія, въ которомъ fedus вмѣсто hœdus, fircus—hircus, traferere—trahere, vefere—vehere *); въ греч. же совершенно согласная съ Санскритомъ форма, но только въ значеніи нравственномъ: θυμός. Этимъ воззрѣніемъ въ языкѣ объясняется слѣдующее изобразительное выраженіе въ Соф. вр. 2, 333, о смерти В. К. Василья Іоанновича: „и видѣ Шигона духъ его отшедше аки дымець малъ.“

3. огонь. Въ преданіи о блудящихъ огняхъ, какъ душахъ некрещеныхъ младенцевъ, видна связь души съ огнемъ: но подъ огнемъ болѣе разумѣется жизнь, которая впрочемъ принималась за синонимъ духа и души. Старинное уподобленіе жизни зажженной свѣчѣ получаетъ въ народныхъ преданіяхъ необыкновенную свѣжестъ повѣрія: такъ въ одномъ нѣмецкомъ сказаніи **), отличающемся чертами древ-

*) De lingua Sabina, scr. Henop, 1837, стр. 53, 54.

**) Grimm, Kind. u. hausmärch. 1, 258.

ности, смерть ведетъ своего любимца врача въ подземный адъ: „и горѣли тамъ тысячи свѣтильниковъ, видимо не видимо, были и большіе, и средніе, и малые. Не проходило ни минуты, чтобы одни не погасали, и другіе не вспыхивали вновь, такъ что пламя безпрестанно трепетало. „Смотри, говорила смерть: „это свѣтильники человѣческой жизни: большіе у дѣтей, средніе у взрослыхъ, а малые у стариковъ. Но бываютъ и у дѣтей, и у взрослыхъ малые.“ Согласно съ этимъ сказаніемъ нашъ глаголь воскресать, въ О. Е. въскрьснѣти, *ἀναστῆναι*, не грецизмъ, но происходитъ отъ крес, не только огонь, но и день Ивана Купала; кресати, кресити, откуда кресник іюнь, т. е. мѣсяць огня, какъ кельт. *mí-na-bealtine* май.

4. вода, кровь. Не только огонь и воздухъ, но и вещества текучія являются образомъ души человѣческой. Согласно съ вѣрованіемъ въ воды гот. *sái-vala* душа, агс. *sāvl*, скн. *sâl*, др. нѣм. *sēola*, родственно съ гот. *sāivs* море, вода: слѣдовательно душа, по этому представленію, имѣетъ силу переливаться и волноваться, струиться: потому она и можетъ изливаться вмѣстѣ съ кровію, какъ, напр., видимъ въ слѣдующемъ выраженіи Ипат. 193: „и летящу ему до землѣ изыде душа его съ кровью во адъ.“

5. сила. Душа, какъ внутренняя сила, въ языкѣ эпическомъ приписывается и предметамъ неодуше-

вленнымъ , или означаетъ силу физическую: такъ у Гомера находимъ: μένος χειρῶν, Ил. 5,506, πῦρ δὲ χρατερὸν μένος, Од. 11,220: въ этомъ смыслѣ гомерическому μένος соотвѣтствуетъ въ Эддѣ аугр обиліе, богатство: аугр fura vis pinorum *). Съ гр. μένος, лат. mens родственна Minerva, по-сабинск. Menerva**), откуда въ пѣсняхъ салич. глаголѣ променervat вмѣсто monet ***): точно такъ и въ санскритѣ одного и того же происхожденія и манас animus, mens, и Ману богъ, т. е. возведенный до обоготворенія разумъ: отъ глагола ман cogitare, putare, credere, откуда лат. meminī, moneo, наши мню, па-мать, лит. menū воспоминаю, gri-manus разумный, въ ближайшей формѣ къ санскриту; столь же первобытно и гот. man думаю, ga-man воспоминаю: отсюда др. нѣм. minna любовь, minnōn любить, воспоминать любезное; въ скн. же глаголѣ minna только въ значеніи воспоминанія. Замѣчательно, что питье въ память умершихъ по скн. называлось minni, совершенно согласно съ нашимъ обрядомъ по усопшихъ, называемымъ: поминки, словомъ, родственнымъ скн-у minni. Производство Боппа нѣм-го minna и нашего миль, лит. myliu, miēlas отъ скр. мид, минд pinguem, adiposum, unctum esse, чрезъ ассимиляцію изъ minda въ minna, и чрезъ измѣненіе д въ л, въ мил, —кажется усиленнымъ.

*) Lieder d. alt. Edda, изд. Grimm. стр. 8.

**) De lingua Sabin. стр. 12.

***) Hartung, die Relig. d. Römer. 2, 78.

И такъ въ языкѣ народъ созналъ душу, согласно съ своими преданіями, въ тѣхъ элементахъ и силахъ, которымъ поклонялся, олицетворяя ихъ въ образъ божества. Конечно божество должно было имѣть душу, духъ или жизнь, и потому не было ничего естественнѣе сознать духовную силу въ обоготворенномъ веществѣ. Человѣкъ раздѣлялъ свою духовную природу на двѣ области: частію возводилъ ее до обоготворенія, частію низводилъ до вещественной природы: и такимъ образомъ безсознательно чувствовалъ въ себѣ два противоположныя начала — вѣчное и тлѣнное, осязательно совокупивъ ихъ въ образъ своего божества.

Переселеніе душъ, столь всеобщее признанное древними, было необходимымъ убѣжденіемъ народной вѣры. Вмѣстѣ съ вѣрою съ чудеса природы, мы потеряли къ ней и ту искреннюю любовь, какую питали создатели нашего языка. Заодно съ языкомъ европейскихъ народы наслѣдовали вѣру въ исхожденіе души изъ человѣка въ предметы окружающей природы. Обычны мифологическія выраженія древней эпической поэзіи, напр. въ Крал. ркпс. (jelen) :

Wyrazi z junose dušu, dušicu,
sie wyletě pěkným tahlým hrdlem,
z hrdla krásným rtoma.

aj tu ležie!

teplà kréw za dušicù teče, za otletlú,
syra země wrelú krew pije.

Душу, по древнему выраженію, можно выронить изъ тѣла, какъ нѣчто вещественное: „единъ же

изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожерелье“, Сл. о П. И. Эпическія выраженія: жемчужная душа, и выронить душу, какъ жемчужину, совершенно согласуются съ древнеиндійскимъ представленіемъ душъ въ видѣ жемчужинъ: всѣ души, отдѣляясь каждая другъ отъ дружки своимъ тѣломъ, какъбы нанизаны на одной ниткѣ, ибо подлежатъ общему имъ всѣмъ вліянію *). Хотя тоже въ духъ древности, но свободнѣе и своеземнѣе слѣдующее эпическое выраженіе въ Сл. о П. И.: „вѣютъ душу отъ тѣла.“

Согласно съ воздушнымъ образомъ души, суевѣрія эпическія изображаютъ ее летающею вмѣстѣ съ птицами, на пр. въ Крал. ркпс. Забой и Славой:

tamo i wěle duš těkà sěmo tamо po dřewech,
jich bojie sě ptactwo i plachý swěř,
jedno sowу nebojà sě.

Онѣ летаютъ по деревьямъ до тѣхъ поръ, пока не сожгутся тѣла, имъ принадлежавшія. Финны и Литовцы млечный путь называютъ *дорогою птицъ*, т. е. душъ. На древнѣйшихъ надгробныхъ камняхъ обыкновенно изображался голубь, въ знакъ отлетѣвшей души. Душа усопшаго, подобно сѣмени, коренится въ землѣ, и всходитъ деревомъ на могилѣ, на которой обыкновенно воркуетъ голубь:

*) Bohlen, das alte Indien, 1, 176.

na tei mogile wyrósł ci dąbeczek,
na niej bieluchny siada gołąbeczek,

говорить одна подольская пѣсня. (Войциц. pіesn. lud. 1, 73). На могилѣ убитаго брата, по русскому сказанію, выросъ тростникъ: пастухъ срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ изъ нея дудку, и она человѣческимъ голосомъ пропѣла, какъ и кто убилъ несчастнаго: душа, переселившаяся въ растеніе, даетъ знать о себѣ печальною пѣснею. Этотъ мотивъ является уже подновленнымъ въ народномъ нѣмецкомъ сказаніи о поющихъ костяхъ: пастухъ поднималъ кость убитаго, приставилъ ее къ своему рогу, и она запѣла *): это уже не такъ складно, и нѣсколько натянуто.

Представленіе о переселеніи душъ глубоко проникло въ языки индоевропейскіе: индійское правосудіе опредѣляло миѳическую казнь переселенія душъ за воровство; виновный переселялся въ такое животное, которое по своему названію могло напоминать украденный предметъ: такъ по закону Ману укравшій корову—го, переселялся въ ящерицу год'а, похитившій огонь—навака—въ птицу вака **). Большая часть метаморфозъ классическихъ основывается также на языкѣ: это заставляетъ думать, что въ періодъ образованія языка многія слова должны бы-

*) Grimm, kind. u. haasmärch. 1, 175.

**) Deutsch. Rechtsalterth. Grimm. 1828, XIV.

ли составиться по убѣжденію въ переселеніе душъ. Остаткомъ этого древнѣйшаго періода языка надобно почестъ наше областное названіе бабочки: *душичка*, напр. въ Яросл. губ. На другомъ концѣ Европы, именно въ языкѣ баск., находимъ подобное же представленіе, но опредѣлительнѣе: бабочка по-баск. *astoaren arima*, собственно *ослиная душа*, отъ *astoa* осель и *arima* душа *). Это старобытное представленіе души въ видѣ бабочки—можетъ быть, первоначально основанное на такомъ же поэтическомъ воззрѣніи, по которому и теперь поэты сравниваютъ душу съ бабочкою—осталось досель въ сербскомъ преданіи о колдунѣ **): *вјештица одаржима злымъ духомъ, излетающимъ изъ нея во время ея сна въ видѣ бабочки*: потому по-слов. *vesha* называется и колдунья, и бабочка, и даже блудящій огонь, въ который также любитъ переселяться душа.

И такъ коренящееся въ языкѣ преданіе о переселеніи душъ переходитъ въ вѣрованіе въ оборотней: „се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ змѣемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ“—Калайд. Іоан. Екс. Бол. 211. Народная по-

*) W. Humboldt, über die cantabr. oder baskisch. spr. 1817, въ прибавленіи ко 2-й части Аделунгова Митридата.

**) Вук. Српски рјечник, 1818, стр. 74.

эзія являеть намъ постепенность въ сохраненіи преданія объ оборотняхъ: она или изображаетъ своихъ героевъ дѣйствительными оборотнями, какъ напр. въ др. рус. ст. 47 :

втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ :
а и первой мудрости учился
обертываться яснымъ соколомъ ,
ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
обертываться сѣрымъ волкомъ ,
ко третей-то мудрости учился Волхъ
обертываться гнѣдымъ туромъ —золотые рога—

или же употребляетъ эпическія формы, уподобленія, творительный сравненія, эпитеты, въ основѣ коихъ лежитъ повѣріе, какъ напр. въ Сл. о П. Иг. (Боянъ раѣтъкашется) „сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы“; онъ называется соловьемъ стараго времени, а соловей, славій происходитъ отъ *слово, слава*, соотвѣтственно средн. лат. *bardaea, bardala*, которое наоборотъ , означая жаворонка (по Дюканжу), происходитъ отъ названія поэта: кельт. *bard*, уже у Феста: *bardus gallice cantor*. Далѣе въ Сл. о П. Иг. особенно замѣчательно описаніе подвиговъ Всеслава, все проникнутое представленіемъ объ оборотнѣ : „скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣла-града—скочи вѣлкомъ до Немиги—самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше—великому Хрѣсови вѣлкомъ путь прерыскаше“: потому-то поэтъ, совершенно согласуясь съ преданіями южныхъ Славянъ о вѣщицахъ , называетъ его душу *вѣщею*: „аще и вѣща душа въ

друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше“. Слѣдующія эпическія выраженія: (Князь Игорь) „врѣжеся на брѣзѣ комонѣ, и скочи съ него босымѣ вѣлкомѣ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомѣ подѣ мѣглами избивая гуси и лебеди, завтраку и обѣду и ужину“ — совершенно соотвѣтствуютъ чудесамъ Волха :

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ :
 онъ обернется яснымъ соколомъ,
 полетѣлъ онъ далече на сине море,
 а бѣетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей ,
 а и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ ;
 а поилъ, кормилъ дружинишку хорабрую

Пѣсня Ярославны, столь глубоко проникнутая мифологическими представленіями, начинается эпической формою, основанной на метаморфозѣ: „полечю, рече, зегзицею по Дунаевѣ“. Не нужно упоминать о всеобщности славянскихъ преданій о превращеніи несчастныхъ женщинъ въ кукушку: замѣтимъ только, что у Нѣмцевъ съ этой птицей соединяется память о древнѣйшемъ возмездіи за воровство: по нѣмецкому преданію, въ кукушку превратился хлѣбникъ, воровавшій у бѣдныхъ тѣсто.

Древнѣйшее понятіе объ отношеніи челоѣка къ природѣ во всей ясности выразилось въ народныхъ преданіяхъ о сотвореніи міра. Или изъ частей челоѣческаго тѣла преданіе творитъ весь міръ, или наоборотъ, важнѣйшія и существенныя составныя ча-

сти природы входятъ въ составъ человѣка. Уже индѣйскій мифъ смѣшиваетъ и то, и другое начало: небо произошло отъ черепа Браны, и наоборотъ глаза человѣка отъ солнца, волосы отъ растенія, кости отъ камня, кровь отъ воды. Нѣмецкія преданія примѣняютъ микрокосмосъ къ макрокосмосу, и Эдда всю природу создаетъ изъ трупа убитаго Имира: отъ крови его моря и воды, отъ тѣла земля, отъ костей горы, отъ зубовъ и размноженныхъ костей утесы и скалы, изъ черепа небо, отъ мозга облака, и изъ бровей его мидгардъ или вселенная. Для полноты преданія слѣдуетъ присоединить сюда слѣдующую латинскую приписку съ агс. переводомъ *), вставленную переписчикомъ въ рукопись X вѣка: *acto pondera de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhe-la frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.*“ Наконецъ къ этому надобно прибавить еще древнѣйшія преданія о созданіи жилъ изъ корней, волосъ изъ травы, ума отъ облака и глазъ отъ солнца, въ нѣм. поэмѣ о Четвероевангеліи XII в.

von den wrcen gab er ime (Богъ человѣку) di âdren
von dem grase gab er ime daz hâr,

*) *Rituale ecclesiae dunelmensis*, London, 1839.

von den wolchen daz müt,
 dü habet er ime begunnen
 der ougen von der sunnen.

Это разсѣянное по нѣмецкимъ племенамъ сказаніе о сотвореніи міра глубоко проникло въ преданія русскія, и долго удерживалось въ народѣ, будучи освящено христіанскими понятіями, въ такъ называемомъ стихѣ о *Голубиной книгѣ* *). Оно такъ срослось съ убѣжденіемъ и кругомъ воззрѣнія народа русскаго, что могло быть заимствовано только изъ общаго индоевропейскаго источника. Сличеніе этого стиха съ нѣмецкими и другими сказаніями можетъ предложить, такъ сказать, варианты для возсозданія первобытнаго преданія.

Изъ стиха о *Голубиной книгѣ* :

у насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа
 самого Христа, Царя небеснаго;
 солнце красное отъ лица Божьяго
 самого Христа, Царя небеснаго;

5. младъ свѣтель мѣсяць отъ грудей Божіихъ,
 самого Христа, Царя небеснаго;
 звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ,
 самого Христа, Царя небеснаго
 ночи темныя отъ думъ Господнихъ,

10. самого Христа, Царя небеснаго;
 зѣри утренни отъ очей Господнихъ,

*) С. П. Шевырева *Исторія Русской Словесности*, 1846, выпускъ 1, стр. 237.

самого Христа, Царя небеснаго ;
у насъ умъ-разумъ самого Христа,
сомого Христа, Царя небеснаго ;

15. наши помыслы отъ облакъ небесныхъ ;
у насъ міръ-народъ отъ Адамія,
кости крѣпкія отъ камени,
тѣлеса наши отъ сырой земли,
кровь-руда наша отъ черна моря.

Варіанты изъ чужеземныхъ сказаній и объясненія:

И до сихъ поръ еще думаютъ видѣть въ солнцѣ образъ лица, что совершенно согласно съ древне-христіанскимъ представленіемъ этого свѣтила *). Но всего вѣроятнѣе предполагать, что первоначальный образъ солнца око, равно какъ и звѣзды и мѣсяцъ—очи Божія; хотя нашъ стихъ и отдѣляетъ каждое изъ свѣтилъ для полнѣйшаго соотношенія природы съ представленіями древне-христіанскими. Сскн. поэты называютъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды *очами неба*, а глазъ человѣка—солнцемъ, черепъ мѣсяцемъ, брови звѣздами; солнце по крайней мѣрѣ на десяти языкахъ восточнаго Архипелага называется *окомъ дня* **). Какъ великаны, такъ и богъ Wuotan (т. е. небо) имѣютъ только одинъ глазъ, который вмѣстѣ есть и колесо, и щитъ. Замѣчательно, что у Сербовъ глубо-

*) Maszmann, der Egsterstein in Westfalen, 1846.

**) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nat. 1840, 3.

чайшее мѣсто въ морѣ называется *око* *). Съ этимъ мифологическимъ представленіемъ вѣроятно стоитъ въ связи прекрасное, поэтическое выраженіе въ сербск. пѣсн.: *моје чарне очи*—два бистра кладенца, Вук. 1, 252. Восходъ солнца называется у Сербовъ окномъ Божиимъ :

од божиѣг прозора ,
од сунчевог истока ,

Вук. Серб. пѣсн. 1, 207. Какъ прозор происходитъ отъ зор—свѣтъ, и срб. зрак, зрака значитъ солнечный лучъ : что согласно съ стихомъ : зори утренни отъ очей господнихъ; такъ окно происходитъ отъ око, чему аналогическимъ доказательствомъ можетъ служить гот. *auga-dauro*, окно, собственно *дверь оку*. Наблюдательный взглядъ на природу, выражающійся къ языкъ, и самому лицу даетъ значеніе отъ глазъ, и какъ бы изъ впечатлѣнія, производимаго глазами, развиваетъ для себя представленіе о цѣломъ лицѣ : такъ лице по-басск. *beguitartea*, собственно *между глазъ*, или, если позволено такъ выразиться, *междуглазіе* **), отъ *beguia*—глазъ. Такое художественное чувство, проникающее языкъ, встрѣчается съ пластическимъ возрѣніемъ скульптуры греческой, возсоздавшей типъ Юноны, взявъ за основаніе глаза

*) Вук. Монтенегро, 62.

**) W. Humboldt, über d. cant. oder bask. Spr.

ея, по гомерическому эпитету: *βοῶπις* *). Блескъ и зеркальное отраженіе глазъ не могли не произвести сильного впечатлѣнія на составителей языка: любопытно слѣдующее толкованіе Памвы Беринды: „Зѣница, зѣнка, *чоловѣчокъ*, зреница.“

Представленіе грудей въ мѣсяцъ являетъ весьма замѣчательное отклоненіе отъ преданій другихъ народовъ. Груды вѣроятно означаютъ пятна на лунѣ. Индійскій богъ луны, Чандрас, носитъ зайца, потому и луна называется по-скр., отъ *саса* заяцъ: *саса-дара* носящій зайца, *сас-анка* имѣющій знакъ зайца, *сас-ин* зайчій. Ипат. сп. 188 стр., упоминаетъ о поклоненіи Литовцевъ „заеячему богу“, соединенномъ съ слѣдующимъ повѣріемъ: „егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяцъ на поле, въ лѣсъ рощенія не вохожаше вну и не смѣяше ни розги уломити.“ Это суевѣріе, столь распространенное у насъ, есть и у Финновъ: такъ описываетъ финская поэма **) поѣздъ жениха и невѣсты: „проѣхавъ немножко съ женихомъ своимъ, взглянула она на чистое поле, и говорила: кто это скочилъ поперекъ дороги? Ильмариненъ отвѣтъ держалъ: заяцъ скакалъ поперекъ дороги, зайчикъ перескакивалъ. Кабы знала вѣдала, говорила невѣста, лучше бы я прыгнула изъ саней, и сама топтала тропу заячью.“

*) C. A. Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythologie, 1836, 2, стр. 311—312.

**) Höfer, Zeitschr. f. d. Wissesch. d. Spr. 1845, 1, стр. 34.

Согласно съ индѣйскимъ мифомъ, у насъ до сихъ поръ объясняютъ колеблющееся отраженіе свѣта на стѣнѣ игрою зайчика. И можетъ быть, заступленіе дороги тьмою померкнувшаго свѣтила ведетъ свое начало оттуда же. — Скандинавское преданіе объясняетъ пятна на лунѣ двумя дѣтьми, которыхъ взялъ къ себѣ мѣсяцъ, когда они несли ведро воды на коромыслѣ: ихъ видятъ и теперь. Согласно съ этимъ, наши предки въ лунныхъ пятнахъ видѣли также двѣ фигуры человѣческія, что явствуетъ изъ слѣдующаго описанія луннаго затменія: „въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудно, черно (замѣчательный варіантъ въ Воскр. сп. 2, 59: яко сукно черно), и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица имущи, одно зелено, а другое желто, и посреде ея яко два ратная сѣкущеся мечема, и одному ея яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе „не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть“ — еже бысть.“ Ипат. 90.

Происхожденіе помысловъ отъ облакъ небесныхъ является въ Эддѣ въ изобразительномъ представленіи сотворенія облаковъ изъ мозга Имира. Латинскій писецъ X в. мысль нашего стиха выражаетъ такъ: „*pondus nubis, inde est instabilitas mentium*“, а нѣм. поэтъ XII в. говоритъ:

von den wolchen daz müt.

Происхожденіе крѣпкихъ костей отъ камня согласно съ индійскимъ преданіемъ о созданіи костей чловѣка изъ камня, выразившемся въ скн. миѳъ о созданіи горъ и скалъ изъ костей и зубовъ Имира. Др. нѣм. поэтъ XII в. говоритъ:

von dem steine gab er ime daz rein.

Сотвореніе тѣла изъ земли есть общее всѣмъ народамъ преданіе, изобразительно выраженное въ Эддѣ въ представленіи тѣла убитаго Имира.

Уже Индійцы производили кровь отъ воды; въ скн. преданіяхъ не только всѣ воды отъ крови Имира, но и самый потопъ произошелъ отъ того же: и въ крови Имира потонули всѣ великаны. Съ нашимъ стихомъ согласуется др. нѣм. поэтъ XII в.:

von dem mere gab er ime daz plut;

но писецъ X в. предлагаетъ замѣчательное разнорѣчіе: „*pondus ignis, inde rubens est sanguis est calidus.*“ Можетъ быть это представленіе вышло изъ вѣрованія въ огонь, какъ источникъ жизни, и въ исхожденіи души вмѣстѣ съ кровію.

И такъ космогоническое преданіе о сотвореніи чловѣка не только своеземно у насъ, но и являетъ замѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ народовъ. Мало того. Оно такъ вкоренилось въ народ-

ныя вѣрованія, что еще и доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно такъ догматъ въ расколѣ Духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человека: человекъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ мирномъ тѣлѣ. Они говорятъ, что тѣло въ человекѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. — Это замѣчательное суевѣріе особенно важно потому, что служитъ дополненіемъ къ стиху о голубиной книгѣ, и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Нѣм. поэтъ XII в. также производитъ жилы отъ корня:

von den wrsen gab er ime di âdren.

Этимъ объясняется эпическій колоритъ слѣдующаго мѣста у Даніила Заточника: „тѣло основается жилами, и дубъ крѣпится множествомъ коренія.“ Какъ корень есть источникъ жизни растенія, такъ и жила сознается въ языкѣ орудіемъ жизни, будучи произведена отъ жи-ти, точно такъ, какъ отъ скр. бал жить, бала кровь и келт fuil — кровь. Въ суевѣріи Духоборцевъ о происхожденіи волосъ отъ травы сохраняется преданіе индѣйское, удержанное и нѣмецкимъ поэтомъ:

von dem grase gab er ime daz hâr.

Какъ эпическая форма, это преданіе и доселѣ осталось въ народной поэзіи, на пр. въ Серб. пѣсн., Вук. 1, 252:

Моја ситна коса зелена ливада.

Происхожденіе мысли отъ вѣтра и благодати отъ облака напоминаетъ лат. приписку X в: „*pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.*“

Самое названіе: голубиная книга, кромѣ Христіанскаго значенія, могло согласоваться съ древнѣйшими преданіями, которыя, встрѣтаясь съ Христіанскими символами, голубямъ приписали твореніе міра. Это замѣчательное преданіе, какъ отрывокъ того же великаго эпоса о сотвореніи міра, сохранилось въ одной колядкѣ Карпатскихъ Руссовъ *). Чтобъ видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, сообщаемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святымъ по
землѣ!

втоды не було неба ни землі,
неба ни земли, нимъ сине море,

*) Кастомарова, Объ историч. значеніи русск. народн. поэзіи. 1843. стр. 66—67.

а середъ моря та два дубойки:
 съли-упали два глубойці,
 два голубойці на два дубойки,
 почали собъ раду радити,
 раду радити и гуркотати:
 якъ мы маемо свѣтъ основати?
 спустиме мы ся на дно до моря:
 вынемe си дрібногo пѣску,
 дрібногo пѣску, синѣго каменьце,
 дрібный пѣсочокъ посѣмe мы,
 синій камінець подунемe мы.
 Зъ дрібногo пѣску—чорна землиця,
 студена водиця, зелена травиця;
 зъ синего каминьця—синѣе небо,
 синѣе небо, свѣтле сонейко,
 свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
 ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

Сотвореніе земли и неба отъ птицы находимъ также въ финскомъ эпосѣ *): орелъ свиваетъ гнѣздо на колѣнѣ Вѣйнэмѣйнена, и кладетъ въ него яйца: Вѣйнэмейненъ, почувствовавъ на себѣ теплоту, хватается за колѣно: яйца падаютъ въ море, и онъ творить изъ нихъ землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. По финнскому эпосу, вначалѣ ничего не было, кромѣ моря. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ карпатской колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ дерево священное, принадлежавшее по преимуще-

*) Uber d. finnische epos, статья Я. Гримма, въ Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1845 N 1., стр. 27.

ству Перуну, а у Римлянъ Юпитеру, такъ что даже жолудъ называется по-лат. *juglans*, т. е. *joviglans*, *jovis glans*. Въ скн. сказаніяхъ сохранилось преданіе о всемірномъ древѣ, простирающемъ свои вѣтви по всему міру и пускающемъ корни не только въ землю, но и въ адъ, и простирающемся до небесъ.

Преданія мало по малу вытѣсняются Христіанствомъ и образованностью; сказанія, не поддерживаясь общимъ интересомъ, предаются забвенію; вѣрованія, отдѣлившись отъ жизненныхъ вопросовъ, превращаются въ суевѣрія и искажаются. Что же остается намъ въ наслѣдство отъ нравственныхъ убѣжденій и вообще отъ духовной жизни нашихъ предковъ? — Отжившихъ повѣрій не воскресить. Народныя сказанія и пѣсни и для тѣхъ, кто ихъ понимаетъ и цѣнитъ, не болѣе, какъ антикварная рѣдкость. Даже простой народъ, по мѣрѣ распространенія грамотности, легко разстается съ своими преданіями и повѣрьями. Мифологія народная видимо гибнетъ, и никакая нравственная сила не можетъ вдвинуть ее въ интересы житейскіе. Едва ли наука должна жалѣть о такой невозвратимой утратѣ, какъ бы ни была увлекательна возникающая изъ древнихъ сказаній первобытная фантазія простосердечнаго народа. Жизнь народа идетъ по своимъ нравственнымъ законамъ движенія, столь же строгимъ, какъ и законы небеснаго механизма, въ силу которыхъ невозможно обратное теченіе планеты вокругъ солнца.

Но сколько бы народъ ни отклонился отъ своего первобытнаго состоянія: пока онъ не утратитъ своего

языка, до тѣхъ поръ не погибнетъ въ немъ духовная жизнь его предковъ. Мысль, извиѣ привитая къ слову, никогда не осилитъ живаго образа, въ немъ впервые возсозданнаго. И если народъ силою своего умственного образованія разовьетъ самостоятельно строгую мыслительность въ предѣлахъ своего собственнаго языка: то это возможно не иначе, какъ только по глубокому и искреннему сочувствію, хотя и не всегда отчетливому, съ тѣми представленіями, какія лежатъ въ основѣ самаго языка. Вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ мы нечувствительно впитываемъ въ себя всѣ воззрѣнія на жизнь, основанныя на вѣрованіяхъ и обычаяхъ, въ которыхъ языкъ образовался: и какъ преданія, донесшіяся до насъ изъ отдаленныхъ вѣковъ только въ звукѣ, миѳологія народная долго будетъ жить въ языкѣ своей яркой образительностью и мѣткимъ взглядомъ на природу.

II.

ПЕРІОДЪ

ХРИСТІАНСКІЙ.

Оправданіе и предѣлъ всякому умственному развитію въ формахъ языка опредѣляются введеніемъ Христіанства и переводомъ Св. Писанія. Слово Божіе, оглашаясь на языкъ необразованномъ, выводитъ его изъ предѣловъ домашняго, односторонняго воззрѣнія на общечеловѣческое поприще отвлеченной, нравственной мысли. Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ слово идеи, и Христіанство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, точно также, какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія видимыхъ божествъ. Слѣдовательно возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго понятія, совершающееся въ языкъ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, получаетъ первое и рѣшительное направленіе отъ перевода Св. Писанія: а такъ какъ уясненіе вы-

сокаго ученія Христіянскаго есть окончательное стремленіе мысли; то языкъ перевода Св. Писанія, въ продолженіе всего литературнаго движенія языка, не престаётъ оказывать вліяніе при каждой новой попыткѣ разширить значеніе слова, по мѣрѣ развитія мыслительности. Какъ исторія живописи опредѣляется непрестанной борьбой Христіянскаго воодушевленія съ вещественностью формы и подражаніемъ природѣ: такъ и исторія языка предлагаетъ непрестанное колебаніе отвлеченной мысли и живаго представленія, другъ другу оказывающихъ обоюдное противодѣйствіе. Слѣдовательно существенный вопросъ въ исторіи языка во время перевода Св. Писанія состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ языкъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣній, глубоко проникнувшихъ и въ жизнь, и въ вѣрованія, и въ преданія народныя, мало по малу переходитъ къ ясному выраженію Христіянскихъ понятій.

1. ВОЗВЕДЕНІЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА КЪ IV ВѢКУ.

Разсматривая славянскій переводъ Св. Писанія съ точки зрѣнія лингвистической, мы убѣждаемся въ той мысли, что переводчики старались передать слово Божіе и идеи Христіянскія во всевозможной чистотѣ. Все что только напоминало обрядъ или обычай, противный Христіянству, всякое слово, имѣвшее смыслъ языческаго поклоненія, они почитали недостойными чистоты Евангельской. Нѣтъ сомнѣнія, что славянскій языкъ уже задолго до Кирилла и Меѳодія

служилъ органомъ Христіянскихъ понятій: въ противномъ случаѣ никакъ не возможно было бы избѣжать словъ и выраженій, намекающихъ на языческій бытъ, при первой попыткѣ переложить Священное Писаніе. Благочестивые переводчики, Греки по преданію, твердо и основательно знали славянскій языкъ; и слѣдовательно, какъ ревностные христіане, могли почерпнуть свое знаніе славянскаго языка только изъ источника Христіянскаго. Христіанъ между Славянами было уже много во время перевода Св. Писанія: *) по свидѣтельству летопис. IX в. Anast. Bibliothecar., Assemani, II, 190: еще въ V вѣкѣ по Р. Х., Болгары, завоевавъ Мизию, застали тамъ Славянъ - Христіанъ, у которыхъ были цареградскіе священники. Въ VI в. значительныя должности свѣтскія и духовныя въ Цареградѣ занимали Славяне: Доброгость, Всегрдъ, Тетимиръ, Оногость. Но обратимся къ свидѣтельствамъ собственно лингвистическимъ. Здѣсь-то особенно важенъ для насъ языкъ готскій. Готы уже въ IV вѣкѣ получили переводъ Св. Писанія, а они по мѣсту жительства и по историческимъ своимъ судьбамъ, постоянно находились въ сношеніяхъ съ Славянами, въ концѣ IV вѣка у нихъ была даже своя особая церковь въ Цареградѣ, и училище для

*) Мацеевскаго Истор. первобытн. Христ. Церкви у Славянъ, 20—36.

Шафар. Slow. Starož. 602.

Готеовъ, гдѣ учили по-готески. Даже въ X в. у Констант. Багрянородн. de caeremon. aulae byzant. 1, 83, упоминается такъ называемый *Готоиконъ*, драматическое представленіе (παίχεν το γοτθικόν). Слова припѣва варварскія, и готескимъ языкомъ объяснены быть не могутъ. Видно, что сами Греки подъ Готеами разумѣли народъ не одного и того же языка, а смѣсь.

Вообще строгаго отдѣленія народностей, во время средневѣковаго движенія народовъ, быть не могло. Броженіе и столкновеніе племенъ отразились и въ языкъ. Хотя, по внутреннимъ законамъ своего организма, языкъ отдѣлялся отъ языка, какъ народъ отъ народа: однако, увлекаясь общею судьбою въ историческомъ движеніи, непрестанно сталкиваясь общими интересами, народы передавали другъ другу свою народность и языкъ: или лучше сказать, самая народность племенъ и нарѣчій, будучи общею между варварами, какъ бы кристаллизовалась отъ обоюднаго столкновенія и мѣны словъ и понятій. Преданія и вѣрованія, вмѣстѣ съ звуками ихъ выражавшими, связывали между собою варваровъ, замѣняя имъ то общечеловѣческое братство, какимъ роднятся между собою народы образованные. Слово одного племени отзывается часто подобнымъ же словомъ у другаго: потерянное у Славянъ сохраняется въ нарѣчіяхъ сѣверныхъ; иногда непонятная и бессознательно употребляемая форма у Нѣмцевъ живетъ органически и сознательно въ устахъ Славянъ. Историческое движеніе словъ изъ

одного языка въ другой, изъ одного нарѣчія въ другое, свидѣтельствуемъ намъ о той братственности народовъ, которая уже является намъ расторгнутою совершеннымъ разрывомъ въ періодъ историческій. Даже самая вражда служила для народовъ и языковъ не маловажнымъ средствомъ къ единенію мыслей, къ общенію духовному, служа проводникомъ словъ и понятій отъ одного народа къ другому. Стройное отдѣленіе одной народности отъ другой обуславливается порядкомъ общественнымъ, устройствомъ политическимъ: а въ глубокіе средніе вѣка этого между варварами быть не могло. Стремленіемъ сѣверныхъ народовъ къ югу, и распространеніемъ Христіанства между варварами отъ юга къ сѣверу, опредѣляется то направленіе, какимъ влеклись народы и какъ сталкивались въ своемъ броженіи. Христіанство, распространяясь между народами разныхъ языковъ и повѣрій, сглаживало слѣды ихъ отличій, и такимъ образомъ древнія вѣрованія и слова, ихъ выражавшія, — различныя по своей мѣстности, — примѣняясь къ понятіямъ Христіанскимъ, болѣе и болѣе теряли свой первобытный характеръ, и другъ съ другомъ сближались: Христіанство было тѣмъ центромъ, къ которому сходились всѣ разнообразныя вѣрованія и обычаи разнородныхъ племенъ.

Вотъ основанія, по которымъ мы можемъ признать важнѣйшимъ источникомъ для исторіи языка славянскаго переводъ Библии, сдѣланный Ульфилою. Показавъ отношеніе Христіанскихъ понятій къ языку перевода IV в.

и къ языку перевода Кирилла и Меѳодія IX в., мы опредѣлимъ для себя періодъ исторіи языка, отъ языческихъ преданій мало по малу переходящій къ чистотѣ Христіанскихъ идей.

Но сначала обратимъ вниманіе на историческую связь языка готскаго съ славянскимъ. Особенно любопытны для исторіи такія формы, которыя, будучи образованы средствами одного языка, получаютъ право гражданства въ другомъ. Таковы въ славянскихъ нарѣчіяхъ слова, коимъ въ готскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ образующіяся приставкою га- (нѣмецкое ge-): такъ что въ древнѣйшую эпоху эти слова были равно понятны и Готамъ и Славянамъ.

1. слово *гораздъ* встрѣчается уже собственнымъ именемъ одного изъ древнѣйшихъ учителей славянскихъ пресвитеровъ, именно Архіепископъ Гораздъ, ученикъ Св. Меѳодія. Не только въ народномъ русскомъ, но и въ языкѣ лѣтописей это слово имѣетъ смыслъ хорошаго, смышленаго; въ этомъ же смыслѣ переписчикъ Остр. Е. употребляетъ это слово въ своей припискѣ: „да иже горазнѣ сего напише“. Даже въ названіяхъ славянскихъ урочищъ встрѣчается это слово, на пр. Гораждіе въ Босніи. Въ гот. языкѣ есть слово *gazda*, употребляемое Ульфилою въ смыслѣ языка, рѣчи: съ приставкою га-, это слово и по звукамъ и по значенію будетъ наше *гораздъ*. Слѣдовательно славянское *рада* проходитъ черезъ гот. форму *gazda* въ словъ *гораздъ*.

2. готовъ, коимъ въ О. Е. переводится, хотя и близкое по звукамъ, ἑτοιμος, есть и въ лит. gatawas: гот. gatevjan приготовить, сдѣлать, образуется изъ taujan дѣлать, съ приставкою ga.

3. гонѣзѣти, гонѣзати σῶζεσθαι, гонозити σῶζειν, изъяс. наст. гонѣжу; употребляется и въ лѣтоп. на пр. Ипат. 193: „одиному же Ятвяжину гонѣзнувшу изъ весцѣ“ — но уже въ смыслѣ тѣснѣйшемъ. Это слово является въ готскомъ nisan или nasjan, которое съ приставкою ga-образуетъ ganisan, откуда нѣм. genesen.

4. гобѣзь (uber) откуда гобѣзитисѣ, гобѣзовати: готск. ga-bigs (богатый), производимое Боппомъ отъ скр. б'ага часть, счастье, слѣдовательно ga-bigs, съ счастьемъ, какъ наше у-богій, безъ счастья. Впрочемъ у Славянъ былъ уже далеко распространившійся въ старину корень гоб -, не только у насъ въ лѣтописяхъ попадающійся въ формѣ „гобино“, которая, какъ древнѣйшая, уже замѣняется болѣе понятнымъ варіантомъ „обилѣ“, Лавр. 75; но и въ иллир. го-бино, и даже въ мадьяр. gabona съ тѣмъ же значеніемъ жита: слѣдовательно прилаг. гобѣзь вмѣстѣ съ гот. gabigs будетъ уже вторичной формациі.

5. говѣть имѣетъ смыслъ не только поститься, но и почитать: Памва Берында объясняетъ: „говѣинѣ учтивый, честный, почтивый; говѣніе венерацио, реверенція: встыденье ся зъ почтивостью, чченье“. —

Отсюда благо-говѣть. Согласно съ „говѣицъ“ въ старину было говѣино вмѣсто говѣнье, на пр. въ Новг. лѣт. „въ заговѣино Петрово“, 139. По-гот. ga-veihan, еѹ-лоуѣѹ, съ приставкою ga- отъ veihс святыи, ски. ve, агс. wiн святилище, храмъ. — Слич. скр. gu diis offere, sacrificare; гавья quod offertur, offerendum diis.

6. котора, слово, въ рус. лѣт. столь часто употребляемое, находимъ въ Glag. Cloz. въ глагольной формѣ: „въземла свѣтъ отъ распинаѣштіхъ. по гѣ боря ноштыѣ незаконныѣ котераетъ дръзость беззаконѣи иудѣиска“, (солнце) adimens lucem a crucifigentibus, pro Domino pugnans, nocte illegitima coarguit audaciam impietatis Judaicae. Употребляется также и прил. которѣнь. Соответственно нашему котора, находимъ гот. gataura, сѹісѹа, отъ глагола tai-гап, сроднаго съ лат. terere и нашимъ торить (проторить, про-торы). Бутковъ, не обративъ вниманія на распространеніе слова котора между Славянами, и на гот. форму taiгап, родственную и намъ, ограничиваетъ котору финскимъ происхожденіемъ отъ toга *) раздоръ, распря.

7. съ такою же приставкою ga- является славянское слово въ готѣскомъ языкѣ, и именно доба, въ слѣдующей формѣ: ga-dob ist. Еф. 5, 3, Тим. 1, 2, 10; въ славянскомъ текстѣ: подобаетъ. Габел. и Лѣб. безъ основанія подводятъ это слово къ daban — passen.

*) Труд. Рос. Академ. 1842. ч. V.

Такимъ образомъ исторію многихъ нашихъ словъ, а вмѣстѣ съ ними и понятій, мы легко можемъ возвести къ періоду языка готскаго. Такъ чешск. *strawa* ѣда, иждивеніе; илл. ядъ, сохранившееся и въ лит. *strowa* ѣда, въ IV и V вѣкѣ имѣло значеніе языческаго празднованія похоронъ, что явствуется изъ Иорнандова описанія погребенія Атиллы (454 г.): *postquam lamentis est defletus Atilla stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant.* Это мѣсто почти слово въ слово объясняется повѣствованіемъ Нестора о тризнѣ на могилѣ Игоря: (Ольга) „плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу велику, яко соспоша, и повелѣ *трызну творити*. Посемъ седоша Деревляне пити“, Лавр. 24. — Чтобы еще болѣе сблизить наши преданія о погребеніи съ бытомъ доисторическимъ, укажемъ на сродство готскихъ и славянскихъ словъ, означающихъ могилу и гробъ. Хотя въ О. Е. гробъ стоитъ на мѣстѣ гр. *τάφος*, однако сродно съ гот. *groba* *φωλεός*, (ложе, язвина) напр. Мат. 8, 20: *fauhons grobos aigun*, въ О. Е. лисица ложа имѣтъ, а въ другомъ мѣстѣ: лисица язвины имѣтъ, Лук. 9, 58; въ испр. въ обоихъ мѣстахъ: язвины. У Памвы Берынды: „язвина: яма, або яскиня дикихъ звѣрятъ.“ Славянскому же гробъ у Ул. соотвѣтствуютъ: *hlaiv*, *hlaivas-na*, и *aigahi* или *aigahjo*. Какъ гробъ переходитъ въ значеніе ямы, звѣринаго логовища, такъ и *hlaiv*, др. нѣм. *hlewo* или *hleu* (род. *hléwes*)—*tumulus*, *acervus*, *agger*, *mausoleum*, соотвѣтствуетъ нашему *хльвъ*, от-

куда хлѣвина *δωμάτιον*, *domicula*: гот. *ai*=нашему ѣ, такъ что *hlaiv* также созвучно нашему хлѣвъ, какъ *hlaibs*=хлѣбъ. Производное *hlaivasna* еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ сближеніи, ибо суф. - *asna* есть нашъ - изна, имѣющій смыслъ мѣста, напр. въ словѣ отчизна: а *hlaivasna* именно и означаетъ мѣсто гробовъ, кладбище, пещеру: Лук. 8, 27: въ храмѣ не живѣаше. нѣ въ гробѣхъ, по О. Е., у Ул. *in garda ni gavas ak in hlaivasvom*. Гот. *hlaiv* имѣетъ свой глаголъ въ ски. *hlûa* укрѣплять, огораживать, и потому-то агс. *hlëov*, совершенно согласно съ значеніемъ нашего слова хлѣвъ, имѣетъ смыслъ покрыши, укрѣпленія, прибѣжища; а того же корня слово въ сокращенной формѣ: *hlaev*, *hlâv* значитъ не только могилу, т. е. насыпь, но и земляной валъ. Следовательно *hlaiv*, *hlëov*, *hlaev*, хлѣвъ собственно значитъ окруженное валомъ городище, въ которомъ, какъ извѣстно, находятъ сожженные кости людей и животныхъ, доспѣхи и украшенія погребенныхъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что у Славянъ и до сихъ поръ находимъ точно такое же отношеніе городища къ хлѣву, какъ гот. *hlaiv* къ агс. *hlëov*: именно хлѣвъ по-ниж. луж. называется *groźj*, откуда *groźischczo*. Краледв. ркпсѣ ясно говоритъ о погребеніи мертвыхъ на горѣ, соединенномъ съ языческимъ обрядомъ приношенія покорма богамъ: „tamo k wrchu pohřebat mrch, „i dat pokrm bogowóm“ (Zaboj a Slaw.). Въ значеніе стрavy вѣроятно входилъ и покормъ. — Касательно же слова *aurahi*, *aurahjo*, должно замѣтить, что оно совершенно сближается съ нашимъ оврагъ,

врагъ, еругъ, и стоитъ въ томъ же отношеніи къ славянскому, какъ наше гробъ къ готск groba. Гот. произношеніе aigahi свидѣтельствуется, что древнѣйшая, исторически извѣстная намъ форма нашего оврагъ, еругъ была аурагъ: -гъ есть суффиксъ.—Потомъ мы видимъ, что ау сокращается: или въ у, ю: откуда мадьяр. üreg пещера, яма, и üg дѣра; или въ я и е: наше яръ, въ значеніи крутой скалы, или берега, а чешск. gar потокъ, ровъ, пол. iag, iaguga долина, яма, ровъ; кроат. iagëk долина. *) Самое полное развитіе этого слова находимъ въ рус. формахъ: согласно съ готскимъ aigahi—оврагъ; согласно съ мадьяр. üreg—врагъ и еругъ; потомъ: яръ, еракъ въ сложномъ бу - еракъ. Въ чеш. сохранилось въ этомъ словѣ понятіе о теченіи воды, равно какъ и нашъ оврагъ означаетъ ровъ, промытый водою, засохшее русло: слѣдовательно скр. ира вода съ суффиксомъ га идущій: ира-га—будетъ соответствовать нашему еру-гъ, т. е. теченіе воды, спускъ или ходъ для воды; для означенія же ямы, т. е. углубленія земли, языкъ образуетъ сложное бу-еракъ, бу-еругъ; а бу есть скр. б'у земля, сохранившееся какъ приставка и въ другомъ нашемъ словѣ, именно бу-дара-жить, т. е. поднимать вверхъ: скр. б'удара значитъ гора, т. е.

*) Дифенбахъ также производитъ гот. aigahi отъ нашего оврагъ, но запутываетъ изслѣдованіе сличеніемъ съ латыш. rōku рою, и съ рака гробница, т. е. arka. Vergl. Wörterb. d. goth. Spr. часть 1, стр. 62 и часть 2, стр. 123.

несущій землю, отъ бѹ и дѣра, означающаго *несущій*; Чехи скр. дѣра перевели *ноша* въ названіи горъ: крьконоша; а дѣра по-скр. значить *земля*, какъ все несущая и приносящая плодъ: скр. дѣра сохранилось въ кельт. *daiaŕ, duaŕ, doaŕ*, и въ нашихъ: доръ, дорище, напр. въ Юрид. актахъ: 1490 года: „на дорѣхъ покосы, — судьи велѣли межу учинити дору по старой межѣ, куды коса съ косою сходилася — кто тѣ доры косятъ? укажите вы намъ тѣмъ дорищомъ межу — которые, господине, дорища и покосы — кому то вѣдомо, что то дорище роскоси нашихъ деревень.“ 1555: „сосна сухая на дору на заросломъ.“ Слѣдственно доръ значить: земля съ покосомъ: измѣненіе скр-го *a* въ наше *o* и утрата скр-го предыханія при *d* въ нашемъ *d* — суть явленія самыя обыкновенныя въ исторіи языка, чему доказательствомъ служатъ и кельт. формы. — Производство *) слова бу-горъ отъ па-горъ, па-горекъ, употребляемыхъ у Чеховъ и Поляковъ, вышеизложенному мнѣнію не противорѣчитъ: языкъ всегда любитъ осмысливать для себя понятнымъ древнѣйшее, вышедшее изъ употребленія. Отъ чего же по преимуществу слова, означающія гору, рытвину, пользуются приставкою *бу*?

Для дальнѣйшаго сличенія готскаго языка съ славянскимъ ограничимся указаніемъ на Шафарика, который привелъ цѣлый рядъ славянскихъ словъ, родственныхъ языку готскому, въ своихъ *Славянскихъ*

*) Шимкевича Корнесловъ, 1, стр. 48.

Старожитностяхъ *). Въ своемъ мѣстѣ будемъ говорить подробно о многихъ изъ нихъ.

2. ОТВЛЕЧЕННОСТЬ ПОНЯТІЙ, ВЫРАЖЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Теперь покажемъ, въ какомъ отношеніи и готскій и славянскій языки стоятъ къ Христіанству: участіе наше къ готскому переводу Библии должно непрестанно поддерживаться тою мыслию, что въ этотъ переводъ входили слова и понятія народа славянского.—Переводъ Ульфины при первомъ взглядѣ поражаетъ яркостью жизни дѣйствительной, непрестанно выступающей разнообразными намеками, проглядывающими сквозь идеи Христіанскія: отвлеченность ученія Христіанскаго низводится до осязательныхъ образовъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительности; чистота христіанскихъ идей омрачается намеками на язычество. Вездѣ очевидно, что Ульфила прямо изъ устъ язычника взялъ еще неочистившіяся молитвою слова и формы для выраженія ими Св. Писанія.

Обратимся къ фактамъ:

δαίμωνъ переводится въ славянскомъ текстѣ словомъ бѣсъ, болѣе въ отвлеченномъ смыслѣ злаго духа: у Ул. же находимъ еще самые свѣжіе слѣды преданій языческихъ: нашему бѣсу у Ул. соотвѣтствуютъ два слова unhulpo и skohsl. Un-

*) Стр. 347.

hulpo отъ hilpan быть ласкову, оказывать пріязнь, есть какъ бы переводъ нашего стариннаго: *непріязнь*. Въ О.Е.: отъ непріязни, ἀπὸ τοῦ πονηροῦ, Лук. 11, 4. Мат. 6, 13, вмѣсто нынѣшняго: отъ лукаваго; согласно съ Остром, текстомъ находимъ также: *отъ непріязни* въ Евангеліяхъ 1144, 1270, 1307, 1358 годовъ. Впрочемъ издревле шла и другая редакція, замѣнившая это древнѣйшее выраженіе и нынѣ принятымъ: *отъ лукаваго*, именно въ Еванг. 1132, 1164, 1230 годовъ, Фрейз. ркпсѣ свидѣтельствуешь, что первое чтеніе первобытнѣе: текстъ Фрейз. ркпси: zavviztiubui neprīiazniui завистиѣ бы непріязниноѣ,—замѣняется позднѣйшимъ чтеніемъ XV в.; завистию діаволею. Glag. Cloz. стр. XXXVII, XLV. — Въ другомъ мѣстѣ Фрейз. ркп.: neprīiazniua iznenauvidesse a bosiu izliubise — непріязнина възненавидѣща а божіа възлюбища. Особенно заслуживаетъ вниманія жен. родъ нашего непріязнь и гот. unhulpo: какъ у Ул., такъ и въ др. нѣм. языкѣ, согласно съ древнѣйшимъ вѣрованіемъ въ злое божество женскаго пола, это слово женск. рода; и потомъ уже, по вліянію греческому, переходитъ въ Св. Писаніи въ родъ муж.: вотъ почему unhulpo у Ул. попадаетъ и въ томъ, и въ другомъ родѣ: такимъ образомъ языковѣденіе одной только флексіей родовой можетъ вѣрно опредѣлить характеръ вѣрованія народнаго. Unhulpo образовалось, вѣроятно, черезъ отрицаніе отъ милостивой богини Holdâ, для означенія богини немилостивой. Замѣчательно, что Діанѣ соотвѣтствовали въ нѣмецкой старинѣ и Holdâ и Unholdâ: въ смыслѣ язычес-

комъ она была милостива, въ понятіяхъ Христіанъ переходила въ злое, демоническое существо. — Другое гот. слово для бѣса: *skohsl* есть чисто славянское, сохранившееся въ чешск. *kauzlo*, колдовство: въ ниж. луж. *kostlař* колдунъ; *kost* переходитъ въ *кош*, откуда наше кощей, въ значеніи мифологическомъ; слич. *костить* — ругать. Итакъ славянское языческое слово, отвергнутое нашимъ переводомъ Св. Писанія, удерживается въ готескомъ.

οἰκουμένη въ О. Е. вселенная, у Ул. *midjungards*, т. е. домъ или жилище въ срединѣ: это слово носить на себѣ колоритъ древности мифологической, ибо по преданіямъ Эдды *midgardr* созданъ для жилища людей изъ бровей Имира, и окруженъ змѣемъ, вѣроятно моремъ. Готеск. слово живо отзывается повѣрьемъ и преданьемъ; славянское же — вселенная, какъ прилагательное, образованное для перевода греч. слова, носить на себѣ характеръ чисто отвлеченный; хотя и напоминаетъ обычныя наши выраженія: въ Юрид. акт. „а новые, господине, деревни, что волостели *сажали* по лѣсамъ“, 1498—1505. „а наши, господине, отцы *садились* на тѣхъ земляхъ“, 1534. У Нестора постоянно *сѣсти* въ значеніи населить.

тайна, *μυστήριον*, въ О. Е. имѣетъ отвлеченное понятіе о сокровищѣ, у Ул. же переводится словомъ *гипа*, означающимъ не только тайну, но и *βουλή*, *συμβούλιον*, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ также отвлеченное *сѣвътъ*. По-скн. *gûp*, не только буква, но и тайна, загадка, и дружественный разговоръ; *gûpi* совѣтникъ, *gundr* колдунъ; а по-фински *gupo* пѣснь.

Понятія о пѣсни, вѣрождѣ, письмѣ и таинствѣ въ древнѣйшую эпоху совпадаютъ: что и указываетъ на мифологическій слѣдъ въ Ульф. переводѣ отвлеченныхъ понятій: тайны и совѣта.

знаменіе *σῆμα*, собственно понятіе отвлеченное, отъ знатъ, Ул. переводитъ словомъ, имѣющимъ смыслъ болѣе изобразительный, стоящимъ въ связи съ дѣйствительностью, а именно: *bandva*, отъ *bīdan* вязать, стягивать, соотвѣтственно нашему старинному стягъ, попадающемуся, на пр., въ Сл. о П. И.; гот. *bandva* было уже у Лонгобардовъ въ смыслъ знамени: *vexillum, quod bandum appellant, Paul. Diacon. Histor. Longobard. 1,20.* Чувственный образъ для означенія понятія о знакѣ, знаменіи, *σύμβολον*, находимъ въ словѣ *бѣльгъ*, употребляющемся не только въ др. болг. и сербск. памятникахъ; но и въ теперешнемъ срб. *bilyega nota, meta, scorpus*, и даже въ мадьяр. *bélyeg, billyeg, belyeg, billeg, bilyog.*

Индивидуальность и частное понятіе всегда изобразительнѣе общаго; и синекдоха получаетъ существенное свое значеніе въ исторіи перехода частныхъ представленій къ общимъ понятіямъ. Эпическое воззрѣніе древнѣйшаго языка любитъ схватывать всякую общность въ осязательномъ, единичномъ образѣ: позднѣйшее умственное развитіе возводитъ частности къ общему. У Ул. болѣе изобразительныхъ вы-
выраженій: пѣтица въ О. Е. означаетъ и *πτερόν*, и *στρουθίον*, тогда какъ Ул. отличаетъ общее понятіе *fugls*, переводя имъ первое, и частное понятіе *sparva* (*sperling*), переводя имъ послѣднее. — гърли-

чищъ, трупъ, у Ул. переводится сложнымъ словомъ, имѣющимъ не только спеціальное значеніе, но и стоящимъ въ связи съ преданіемъ, именно: hraiva-dubo, т. е. надгробный голубъ, отъ hraiv трупъ, скн. hrae; въ скн. есть и hraelundir надгробное дерево. Славянское преданіе о душахъ усопшихъ, летающихъ по священнымъ деревьямъ, подобно птичкамъ, вполне согласуется съ готск. hraiva-dubo и скн. hraelundir: преданіе о сѣтующихъ на могилахъ голубяхъ есть общее и Славянамъ и Нѣмцамъ.

3. ДРЕВНѢЙШІЯ СЛАВЯНСКІЯ СЛОВА ЗНАЧЕНІЯ ЧИСТО ХРИСТІАНСКАГО.

Не однѣми общими, отвлеченными понятіями, славянскіе переводчики передавали Христіанскія идеи; но уже и готовыми словами Христіанскаго значенія, задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ. Эти Христіанскія слова вошли въ переводъ Св. Писанія какъ бы по преданію уже Христіанскому. Таковы: крестъ, алтарь, церковь. Онѣ были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, задолго до перевода Св. Писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соотвѣтствующія. Копитаръ въ своемъ сочиненіи: Glagolita Clozianus *) эти и другія имъ подобныя слова объясняетъ вліяніемъ нѣмецкимъ и именно баварскимъ: црѣкы kirche, алтарь altar, хръсть и хръстити (будто бы уже поздне: крьсть и крьстити) christ и christen, постъ fas-

*) Стр. IX и XXXII предисловія.

ten, попъ pharh, пекль и пекло rēch, употреблявшееся у Нѣмцевъ въ IX в. вмѣсто ада; среда, вмѣсто dies Mercurii, mittwoch; цѣсарь caesar, оцѣтъ acetum, крамола carmula, слово попадающее въ баварскомъ правѣ средн. время, и проч. — Шафарикъ *) объясняетъ исторически возможность внесенія латинскаго элемента въ языкъ Славянъ: Болгары, сѣвши на Дунаѣ, нашли тамъ племена, говорящія болѣе по-латинѣ, нежели по-гречески, а въ Дакіи и Мезіи Славяне могли внести къ себѣ вліяніе Готѣвъ, въ началѣ IX в. сосѣдили съ Франками, были въ сношеніяхъ съ Нѣмцами, и слѣдовательно отовсюду могли удержать что либо. Но никакъ невозможно допустить, чтобы въ славянскій языкъ систематически изъ какого-либо одного языка входили понятія и слова: это совершенно невозможное дѣло въ средніе вѣка. Въ отношеніи лингвистическомъ для насъ важно то, что еще до перевода Св. Писанія на славянскій языкъ въ IX в., языкъ славянскій уже былъ органомъ понятій Христіанскихъ: даже то самое обстоятельство, что эти слова были чуждаго происхожденія, было весьма выгодно переводчикамъ: ибо тѣмъ менѣе напоминали онѣ Славянамъ старину и ихъ прежнія вѣрованія. Столкновеніе народовъ могло занести новыя реченія извнѣ: по мыслѣ, сообщенная словами, была велика, мыслѣ Христіанская. Слѣдовательно эти слова, первенцы между Христіанскими выраженіями славян-

*) Slow. Starož. 819.

скаго языка, заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія.

1. крѣсть, *staurós*, въ О. Е. употребляется въ смыслѣ орудія казни, но уже имѣетъ и значеніе символа Христіанства, тогда какъ у Ул. переводится словомъ *galga*, т. е. висѣлица, позорный столбъ; агс. *galga* тоже крѣсть, въ глоссахъ объясняется даже словами: *labagum, vexillum*. Въ др. нѣм. Еванг. VIII в. *) крѣсть, какъ орудіе казни: *cruci* отъ лат. *crux*: слич. Мат. 23, 34 *habet in cruci*, О. Е. распьнете; Мат. 26, 2 *in cruci za slahanne*, О. Е. „на пропасти“, также „на распятіи“. Въ нѣм. поэмѣ о страшномъ судѣ (*Schmeller, Muspilli*): *uirdit denne furi kitragan „daz frônò chrûci, „dâr der hêlîgo christ „ana arhangan uuard*. Это выраженіе съ *cruci* въ IX в. еще не укоренилось въ употребленіи, что видно изъ *Tatiani Harman. Evang.*, **) гдѣ вышеприведенныя изъ др. нѣм. Ев. мѣста значатся такъ: *intî habet, et crucifigetis*, Мат. 23, 34; *thaz her uuerde erhangen, ut crucifigatur*. Точно также безъ *cruci* Іо. 19, 6. Впрочемъ готѣское представленіе креста въ видѣ висѣлицы находимъ еще и въ др. нѣм. памятникахъ X вѣка: „*ube er gotes sun si, so stige er abe demo galgen*“—*si filius Dei est, descendat de cruce*, *Notker, Ps. 31, 8*. Эта древнѣйшая готѣская редакція могла идти по преданію издревле, чему свидѣтельствомъ

*) *Fragmenta theotisca versionis antiquissimae Evang. S. Matthaei*, 2-е изд. Массмана, 1841.

**) Изданіе Шмеллера, 1841.

можетъ служить IX вѣка стихотворное сочиненіе Отфрида, употребляющаго въ немъ *galgo* въ значеніи креста, IV, 30, 15; V, 2, 3. Въ Фрейз. ркпси распятіе на крестъ выражено слѣдующими словами: *ro lezv vuesachu*—по лѣсу вѣшавъ (*ligno suspendebant*). Никакого нѣтъ сомнѣнія, что слово крестъ задолго до перевода Библии между Славянами получило смыслъ Христіанскій: ибо уже въ О. Е. для βαπτίζειν, βάπτισμα, βαπτιστής есть слова самобытныя, не грецизмы: крѣстити, крѣститисѧ, крѣщеніе, крѣститель, самостоятельно происшедшія отъ креста, какъ символа Христіанства: напротивъ того у Ул. эти слова грецизмы переводные: *daupjan*, *daupreins*, *daupjands*, отъ прилаг. *diups*, сроднаго съ нашимъ глубокъ, чрезъ сербск. дубок: слѣдовательно собственно: купать, погружать и пр. Даже по синтаксическому сочиненію, *daupjan* глаголъ новый, не подчинившійся еще организму готскаго языка; ибо употребляется въ дѣйствительномъ залогѣ на мѣстѣ греческихъ страдательнаго и возвратнаго *). Согласно съ гот. *diups*, *daupjan*, въ ниж. луж. *dupisch* крестить, *dupene* крещеніе, *dupaŕ* креститель. Это не очищенное Христіанствомъ понятіе, общее у Лужичанъ съ Готами, у насъ осталось въ языческомъ преданіи о купаль.—Откуда же происходитъ наше крестъ? Лингвистическія свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что это слово нѣкогда было общимъ между племенами европейскими: въ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ употребля-

*) Gabetentz et Loebe Ulfilas, II, 2, 139.

лось въ смыслъ креста: kors, откуда korsa крестить, знаменовать крестомъ; kryss, сходное съ польскимъ и въ лѣтописяхъ попадающимъ: крыжъ. Даже на рунахъ находимъ krus, оставшееся въ скн. kross, шв. и дат. kors, и проч. Отъ слова кръсть въ О. Е. есть уже окръсть и окръстьныи; а въ припискѣ переписчика и „крестьяньскіи“, или христіанскій: „на утѣшение многамъ дшамъ крестияньскамъ“. Уже въ древнѣйшемъ Христіанскомъ памятникѣ у Славянъ, въ Фрейз. ркпсч. читаемъ и crisken—кръщенъ, и Хр̃ен—Хр̃щенъ.

2. алтарь, др. нѣм. altari, котораго конечный мягкій звукъ і соответствуетъ нашему ь; въ г. слово сложное: hunsla-staps, переводъ греческаго θυσια-στήριον, но съ намекомъ на языческій обрядъ: ибо состоитъ изъ staps мѣсто, и hunsl, первоначально жертва языческая, а потомъ Христіанское Таинство, и именно Причащеніе; агс. húsl, húsel; скн. hûsl. Гриммъ не находитъ источника этому слову въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ *). Если мы возьмемъ въ соображеніе слѣдующія славянскія слова, то родство этого готскаго слова съ славянскими окажется вѣроятнымъ. Лужиц. gusslowasch колдовать, gusslowaŕ колдунъ; въ польскомъ gusła, сродное съ нашимъ гусли, значитъ колдовство: утрата носоваго звука въ польск. gusła, объясняется древнѣйшимъ употребленіемъ этого слова безъ носоваго звука, чему служатъ доказы-

*) D. M. 35.

ствомъ агс. и скн. формы. Сначала рассмотримъ *hunsī* въ отношеніи лингвистическомъ, а потомъ обратимся къ свидѣтельствамъ историческимъ. — Звуки *l*, *л* служатъ образованіемъ словъ, для значенія орудія, какъ въ готѣскомъ, такъ и въ славянскомъ: *sītls* отъ *sītan*, агс. *sētī* сѣдло, въ общемъ значеніи; *stōls* столъ (*standan*, стоять). Какъ у насъ суффиксъ *сл* есть уже производный, напр. въ гусли отъ гуду, въ ясли отъ яд-, такъ и въ гот. *hunsī* (будто бы отъ *hīnfan* ловить, по Габ. и Лёбе.): здѣсь, въ отношеніи суфф. *л*, кстати сближеніе г. *skohsl* бѣсъ съ чешск. *kauzlo* колдовство; въ лужиц. производное *kostlař* колдунъ. Слѣдовательно, въ грамматическомъ отношеніи, нѣтъ препятствія сравнить гусли, гусли съ *hunsī*, *husl*. Въ готѣск. носовой звукъ *un* объясняется нашимъ *ж* въ гѣсли, гѣду. — Вотъ историческія доказательства сему сближенію: а) что гудба считалась языческимъ занятіемъ это видно вездѣ, гдѣ только наши благочестивые предки упоминаютъ о музыкѣ: Несторъ говоритъ: „сими дьяволѣ лститъ, и другими нравы, всячьскими лестьми превабля ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гуслями и русальи“ — Лавр. 73. Въ словѣ Христороубца говорится: „не подобаетъ крестьяномъ игорѣ бесовскихъ играти иже есть плясба, гудба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идолская.“ Опис. Рум. Муз. 229. Что музыка, по мнѣнію нашихъ предковъ имѣла силу чародѣйства, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. сп. 155: „молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поу-

хати зелья, именемъ евшанъ.“ Такое порученіе долженъ былъ исполнить *гудецъ*. Краледворская рукопись (Забой и Славой) свидѣтельствуесть, что Забой, древнеславянскій поэтъ, былъ вмѣстѣ и музыкантъ, и предводитель войска, и защитникъ боговъ: „пѣвца добра милуютъ боги“, говоритъ одно изрѣченіе, въ родѣ пословицы, въ томъ же произведеніи. б) какъ *гуна* значить: и пѣснь (по-фински), и письмо и мистерія, и символъ: такъ и *hūsl* могло отъ значенія гудьбы перейти къ значенію жертвы и таинства. в) родство между другими готѣск. и слав. словами, имѣющими смыслъ музыки и пляски, позволяетъ допустить и здѣсь сближеніе: первое слово: *пласати*, гот. *plinsjan*: „и въшьдѣши дѣщери ~~и~~ иродиядѣ и пласавѣши“, О. Е. Мк. 6, 22, у Ул. *jah atgaggandein inn dauhtr herodiadins jah plinsjandein*: всѣми признано, что это слово отъ Славянъ перешло къ Готѣамъ; другое же слово, вѣроятно, наоборотъ отъ Готѣовъ къ намъ, именно: *ликъ*, *хорѣс*, гот. *laiks*: „слыша пѣнія и лики, О. Е. Лук. 15, 25, у Ул. *gahausida saggvins jah laikans*. Гот. *laiks* имѣетъ при себѣ глаголѣ *laikan*, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ: *възигратисѣ*: „възиграсѣ младенець radoщами въ чрѣвъ ~~и~~“, Лук. 1, 41. у Ул. *lailaik barn in qirau izos*. Гот. *laiks* переходитъ въ агс. *lâc* жертва, торжество, пляска; а сложное *siblâc* (жертва мира) означаетъ даже Св. Тайны; въ ски. *leika* играть, около чего бѣгать, плясать, шутить; *leikr* игра, шутка; и даже *leikregin* кудесникъ, чародѣй, фокусникъ; въ др. нѣм. смягчается въ *leih* игра, но также уже пѣсня и даже стихъ. И такъ нѣтъ со-

мнѣнія, что слово ликъ въ переводъ Св. Писанія перешло изъ нѣмецкихъ нарѣчій г) возможность славянскаго происхожденія слова *hunsł*, *hûsl* можетъ быть объяснена тѣмъ, что Славяне искони были самымъ музыкальнымъ народомъ: византійскіе писатели повѣствуютъ, что въ 590 году передъ Императора Маврікія были приведены три Славянина, отъ далекаго западнаго моря, имѣвшіе вмѣсто оружія гусли. Шафарикъ *) полагаетъ, что можетъ быть черезъ Славянъ греч. *βαρυτον*,—бывшее у Чеховъ народнымъ инструментомъ *warito*, какъ свидѣтельствуемъ Крал. рук. —перешло къ Нѣмцамъ въ формъ *rotta*, *gota*, коимъ они переводили, какъ „*pomine barbarico*“ *psalterium*, въ IX в. Слѣдовательно вліяніе славянское могло и гораздо прежде содѣйствовать къ образованію *hunsł* и *hûsl*. Можетъ быть даже чешск. *варито* есть скр. *вâдитра instrumentum musicum*, отъ *вад* говорить. Не отъ этого ли согласія въ языкѣ между музыкальнымъ инструментомъ и человѣческою рѣчью, произошло старинное объясненіе гуслей — языкомъ? Іоан. Екз. Бол. стр. 194. — Во всякомъ случаѣ славянскій переводъ Св. Писанія отстранилъ хотя и не чуждое Славянамъ, но языческое понятіе, и удовольствовался уже Христіанскимъ словомъ: алтарь. Лужицкое нарѣчіе намъ показываетъ, что древнѣйшее понятіе объ алтарѣ у Славянъ было сходно съ готскимъ: *to bože blido*

*) *Wybor z liter. cěsk.* стр. 1191.

значить по-лужицки Святое Причастіе, *ja rojdu k' božem blidu* пойду причащаться, пойду къ Св. Тайнамъ; *blido* значить столъ, слѣдовательно *bože blido* собственно значить алтарь, какъ и по-лит. *die-wostalas*, т. е. столъ бога, идти же причащаться *prīe diewstaliu eiti*. — Лужицкое *blido* ведетъ свою исторію издавна: уже у Ул. *biuds* употребляется въ смыслъ стола, *τράπεζα*, въ О. Е. ему соответствуетъ грецизмъ трапеза; въ законахъ салическихъ Франковъ 46, 2, столъ называется *hēudus* или въ новѣйшей формѣ *beodus: in beodum pultis manducasent*. По-скн. *biodr* кругъ, тарелка, чаша: этимъ распространяется уже значеніе слова *biuds*; агс. *bēod* и столъ, и чаша: что эти слова въ періодъ языческій имѣли смыслъ алтаря видно изъ гот. *biudan* и агс. *bēodan* приносить жертву, молить, *offerre*. Отсюда мы видимъ, что у Славянъ, именно въ лужицкомъ нарѣчій, удержалось наидревнѣйшее для жертвоприношенія слово, общее всѣмъ нѣмецкимъ племенамъ: въ переводъ же Св. Писанія оно войти никоимъ образомъ не могло; потому что между Славянами, задолго до Кирилла и Меѳодія исповѣдывавшими Христіанскую вѣру, было въ употребленіи слово алтарь.

3. *црькы, църкы, ἱερόν, ναός, ἐκκλησία*. Этимъ словомъ еще до перевода Библии вытѣснены были языческія названія храма, такъ что требище и капище употребляются въ Библии только въ смыслъ языческомъ, напр. *Іерем. 8, 31*, *Посл. къ Коринѳ.*

1, 8, 10, Исходъ 23, 24, Дѣян. Апост. 17, 23. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ народѣ могли употребляться древнѣйшія слова для понятій Христіанскихъ: такъ напр. изъ вопросовъ Кирика (Пам. Рос. Сл. XII в. 180, 182) видно, что въ Россіи въ XII в. вмѣсто церкви говорилось еще божница: тогда какъ въ послѣдствіи это слово употреблялось собственно для храма языческаго, или по крайней мѣрѣ для храма неправославнаго, въ противоположность церкви. У Ул. нашей церкви соотвѣтствуютъ языческія: 1) *alhs*, Мат. 27, 5 въ цркѣви, *in alh*, *ἐν τῷ ναῷ*. 2) *gud-hus*, Іо. 18, 20 въ цркви, *in gud-husa*, *ἐν τῷ ἱερῷ*. Ко второму, Христіанскому періоду принадлежатъ у Ул. *aikklesjo* и переводъ этого слова: *ga-mainps*, т. е. *gemeinde*, соборъ. Однообразное же употребленіе церкви въ О. Е. указываетъ на чистоту и опредѣленность Христіанскаго понятія. — Даже храмъ въ О. Е. не имѣетъ языческаго смысла, означая домъ, и потому употребляется болѣе въ формѣ: храмина: и у Ул. имъ соотвѣтствуютъ слова не мифологическаго значенія, а именно: 1) *gazn*, вообще домъ, Мат. 5, 15, въ храминѣ, *in ramma gaz-na*, *ἐν τῇ οἰκίᾳ* 2) *hrot*, собственно кровля, Лук. 5, 19 възлѣзше на храмъ, *ana hrot*, *ἐπὶ τὸ δῶμα*; такъ что въ другомъ мѣстѣ О. Е. вмѣсто храмъ стоитъ кровь, именно Мат. 10, 27 повѣдите на кровѣхъ, *ἐπὶ τῶν δωματίων*, у Ул. также *ana hrotam*. 3) *gards*, т. е. градъ, огражденное мѣсто, какъ напр. въ Ипат. сп. 162: бѣ бо градъ створенъ на церкви. Мр. 2, 26 въ храмъ бжїи, *in gard gups*, *εἰς τὸν οἶκον τοῦ*

ῥεῖον. Следовательно храмъ въ О. Е. значитъ: кровля, крыша, закрытое, огражденное мѣсто, и можетъ быть сродно съ хранить, какъ кровля съ крыть. — И такъ право выражать Христіанское понятіе храма принадлежитъ исключительно церкви, слову, хотя происхожденія чуждаго, но глубоко вкоренившемуся уже въ употребленіе во время перевода Св. Писанія. Касательно происхожденія церкви два мнѣнія: одно, сближая это слово съ др. нѣм. *kiricha*, производитъ отъ *kurachē*; другое, сближая съ агс. *surice*, откуда агл. *church* (слич. новгород. черкы), производитъ отъ лат. *circus*, коимъ означалась круглая, или поукруглая форма крестильницы и хора. Если даже примемъ первое общепризнанное мнѣніе, то и тогда должны будемъ допустить по-славянски латинскій выговоръ греческой *χ*, какъ *ц*; если же второе, то по-нѣмецки греческій выговоръ латинскаго *circus*, какъ это слово значится напр. у Гесихія: *κίρκος*, смотр. *Meurs. Gloss. graecobarb.* Таковой выговоръ по-латинѣ остался еще въ двухъ слѣдующихъ словахъ:

4. какъ нѣмецкому *kiricha* соотвѣтствуетъ църкы, такъ и готѣскому *kaisar*—попадающіяся въ О. Е. цесарь, цесарьствіе *βασιλεὺς* и проч. Славяне прочли по-латинѣ *caesar*, Готѣы по-гречески *καῖσαρ*. Что касается до слова кесарь, то оно имѣетъ болѣе ограниченное значеніе.

5. точно также по-гречески прочли Готѣы и латинское *acetum*, составивъ изъ него *akeit*, Славяне

же по-латинѣ: оцетъ, или оцѣтъ, коимъ въ О. Е. переводится *ὄξος*. Что слово оцѣтъ, *acetum*, было употребительно въ устахъ славянскихъ переводчиковъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, Мр. 15, 23 оцѣтно вино (которое давали Христу при распятіи), *ἐσμυρηνισμένον οἶνον*, т. е. вино настоенное травами, вино съ смирною, какъ и перевелъ Ул.: *vein mīr smurnā*: это вино, которое обыкновенно давали Римляне умирающимъ въ пытку для утоленія предсмертныхъ страданій, вѣроятно, было кислаго вкусу, потому и названо оцѣтно: слѣдовательно наши переводчики перевели сознательно, словомъ, тогда употреблявшимся. Въ испр. же текстъ непонятный грецизмъ: *есмурнисмѣно вино*.

6. рачица, *ῥαχίς*, отъ лат. *arca*, въ чемъ свидѣтельствуется ульфилово *arka*: *arca habaida*, въ О. Е. рачица имы. Іо, 12, 6. Что это слово ходило въ устахъ Славянъ видно изъ его уменьшительной формы, хотя въ чешск. отрывкѣ X в. и замѣняется оно своеземнымъ: *meski imāia*, т. е. мѣшки имая, а въ испр. текстъ вмѣсто рачица ковчежець. Ул. же ковчегъ *κιβωτός* дѣйствительно переводитъ *arka*, Лук. 17, 27; въ О. Е. ковчегъ, Мат. 24, 38; слѣдовательно, рачица, рака и гот. *arka*, лат. *arca* одно и то же. Въ алфавитѣ XVII в. *арха* объясняется словомъ *киотъ*, и названо чешскимъ словомъ. Рум. Муз. 2. обыкновенная форма, рака, въ О. Е., хотя переводитъ *μνημεῖον*, но имѣетъ смыслъ Христіанскій, означая гробъ праведника: *раки правѣдны ихъ*, *μνημεῖα τῶν δικαίων*, Мат. 23, 29.

7. въ О. Е. попадаетъ уже папежъ : окончаніе -жъ предполагаетъ звукъ s, что дѣйствительно мы и находимъ въ др. нѣм. XI в. bâbes, въ Boeth. de consol. Philos. johannem den bâbes ; и въ XII в. pâbis, въ одной рѣмованой хроникѣ: эта форма произошла, вѣроятно, отъ византійскаго πάπας, πάππας. Объ этомъ словѣ есть свидѣтельство первой половины IX в., именно въ Walafrid. Strab. de reb. ecclesiast. 7,667, если только изданіе вѣрно, въ чемъ однако сомнѣваются: ab ipsis autem Graecis (theotisci acceperunt) kyrch a kyrios et Papst a Papa, quod cujusdam paternitatis nomen est, et clericorum congruit dignitati. Съ этимъ свидѣтельствомъ согласно наше попъ. Здѣсь противъ Копитара можно замѣтить, что наше слово попадья, согласное съ образованіемъ греческаго языка, находится въ византійскомъ, подъ формою παπαδιά, sacerdotissa, въ Meurs. Gloss. Graecobarb.: ἄγον, ἱερείαν, παπαδιάν.

Наконецъ самыя названія греческаго и латинскаго языка въ переводѣ Св. Писанія указываютъ ясно на то, откуда и какъ могли онѣ перейти къ Славянамъ: въ О. Е. Іо. 19, 20, греческій текстъ: καὶ ἦν γεγραμμένον ἑβραϊστὶ, ἐλληνιστὶ, ῥωμαϊστὶ, переведенъ такъ „и бѣ написано еврейскы грѣчскы. латиньскы.“ Отсюда видимъ, что Славянамъ, точно такъ какъ и Готамъ, Еллины извѣстны были подъ латинскимъ названіемъ graecus, грѣкъ, готск. kreks. Равномѣрно и „латиньскы“ указываетъ на вліяніе Римлянъ: такъ что оба эти нарѣчія соотвѣтствуютъ латинскимъ: graese,

latine: согласно съ нѣм. текстомъ IX в. Tatiani Harmonia Evangel.: inti uuas giscriban in ebraisgon, in crichisgon, inti in latinisgon: чего слѣдовало и ожидать, ибо отношенія Славянъ и Нѣмцевъ къ Риму и Византіи не могли во многомъ разниться до IX в. Другое мѣсто, именно Лук. 23, 38, въ О. Е. ближе къ греч. тексту: „кѣнигами елиньскими и римскими.“ Здѣсь надобно замѣтить двѣ вещи: во первыхъ „римскыи“ не есть буквальный переводъ гр-го ῥωμαϊκός, но самостоятельно произведено отъ Римъ, равно употребляющагося вмѣсто Roma и у западныхъ Славянъ, и у восточныхъ: измѣненіе о въ і указываетъ намъ на произношеніе того славянскаго племени, которое прежде другихъ познакомилось съ Римомъ. — Въ вторыхъ касательно слова „елиньскыи“ слѣдуетъ замѣтить, что собственно оно значитъ: языческій, и „елини“ ἑλληνες въ О. Е. язычники, что видно напр. Іо. 12, 20, гдѣ этому слову въ чешск. отр. X в. соотвѣтствуетъ ropane, равно какъ и въ чешск. Ев. XIV в. ropanowe, а у Ульфины riudo, т. е. язычники. Слѣдовательно „елины“ не было географическимъ названіемъ въ устахъ нашихъ переводчиковъ. Такимъ образомъ въ самомъ переводѣ Св. Писанія находимъ мы источникъ тому древне-русскому убѣжденію, что все еллинское есть языческое: такъ въ правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в.) мы читаемъ: „пакы же увѣдѣхомъ бесовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ елинъ, въ божественныя праздники позоры нѣкакы бесовскыя творити,“ Рус. Дост. 1, 114.

Примѣч. Точно также Самаряне О-а Е-я замѣняются въ чешск. Евангеліи XIV в. погаными: напр. въ О. Е.: „гѣа ѿму жена Самарѣныни како ты иудей сы. отъ мене пити просиши жены самарѣныны сѣща не прикасаѣтьбосѣ иудей самарѣнехъ,“ Іо. 4, 9; въ чеш. Ев. XIV в.: *tehdy wese jemu žena ona pohanka: kak ty když jsi Zid, piti ote mne potřebuješ, jenž jsem ja žena pohanka? nebo neobciji Židové s pohany.*

4. СЛОВА, СОСТАВЛЯЮЩІЯ ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА КЪ ХРИСТІАНСКОМУ.

Кромѣ словъ заимствованныхъ, прямо получившихъ у Славянъ значеніе Христіанское, надобно обратить вниманіе на слова туземныя, столь утратившія свое прежнее нехристіанское употребленіе, что уже ихъ можно считать какъ бы принадлежащими вполне къ періоду Христіанскому. Исторія такихъ словъ будетъ заключаться въ изслѣдованіи ихъ древнѢйшаго значенія, до внесенія ихъ въ языкъ Св. Писанія.

1. слова, означающія молитву и поклоненіе. Въ Фрейз. рукописи еще встрѣчаемъ странное сочетаніе обрядовъ нехристіанскихъ съ идеями христіанскими. А именно: о питьѣ въ честь богамъ мы читаемъ у Гельмольда: *est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali.* По языческимъ нѣм. обычаямъ на празд-

нествахъ пили въ честь и память боговъ, что называлось *minni*; по принятіи Христіанства *minni* была перенесена къ Христіанскимъ понятіямъ, и пили *Krists minni, Michaëls minni*. Согласно съ этими языческими обычаями, въ Фрейз. ркпси, въ смыслъ христіанскомъ, говорится: *u circuvah ich clanam ze i modlim ze im i zesti ich pigem i obeti nasse im nezem o zsepasgenige telez nasich i dus nasich* — въ църкѣвахъ ихъ кланяемься и молимься имъ и чьсти ихъ приемъ и обѣти наша имъ несемъ о съпасеніе тѣлесъ нашихъ и душъ нашихъ. Къ объясненію этого мѣста нужно прибавить, что у языческихъ Славянъ, какъ свидѣтельствуется Краледв. ркпсѣ, *obiesati obiet, paliti obiet* — были обычными выраженіями для языческаго поклоненія, слѣдовательно „*obeti nasse im nezem*“ имѣетъ смыслъ также не собственно христіанскій. — Уже въ О. Е. употребляющіяся: молитисѣ *πρόσευχεσθαι*, молитва *δέησις*, въ доисторическую эпоху были распространены не только между славянскими, но и нѣмецкими племенами. Какъ у западной отрасли Славянъ это слово, со вставкою *d* передъ *l*, звучитъ: *modlitise, modlitba*, такъ и въ готѣск. переводѣ Библии Ульфилы *marljan* говорить, равно какъ и агс. *mādlan* или *mādelian*: какъ у насъ молить является вариациею формы *модлить*, такъ готѣское *marljan* переходитъ въ салическихъ законахъ, писанныхъ на варварской латинѣ съ примѣсью словъ племени нѣмецкаго, въ форму: *mallage* — говорить въ собраніи, на площади. Впрочемъ древнѣйшая форма, судя по памятникамъ письменности, даже у юговосточн. Сла-

вянъ: молитиса, о чемъ свидѣтельствуеъ Фрейз. ркпс: modlimze. У Нѣмцевъ это слово осталось съ понятіемъ юридическимъ, потому гот. *taþl* значитъ собраніе, *forum*, и *fauramapleis* ἄρχων; у Славянъ же оно осталось съ понятіемъ религіознымъ, отзывающимся преданіями мифологическими, что особенно видно изъ чешскаго *модла*, кажется, неправильно относимаго Юнгманомъ къ лат. *modella* *): въ этомъ чеш. словѣ даже соединяются оба значенія — и теперешнее славянское, и древненѣмецкое, и оба онѣ возводятся къ значенію мифологическому: ибо *модла* значитъ: не только идолъ, но и храмъ, божница, и даже, подобно гот - му *taþl*, сборище: такъ въ одномъ др. чешск. Еван. Мат. 23, 6 *in synagogis* переводится: *v modlách*, въ О. Е. на съборищихъ; въ томъ же чешск. Ев. ἀρχιτυναγωγος переводится: *starosta tey modly*, а у Ул. *faura-mapleis*, т. е. предсѣдатель собранія: слѣдовательно *модла* = *taþl*. Отсюда заключаемъ, что *молитиса*, означая общее понятіе говорить, ведетъ свое начало отъ періода мифологическаго, стоитъ въ связи съ славянскими идолами, и съ древненѣмецкимъ понятіемъ о судѣ и сборищѣ, съ понятіемъ, сохранившимся частію и у Славянъ. Если мы захотимъ это слово возвести къ періоду языка скр., то можемъ взять въ соображеніе мнѣніе Боппа (въ скр. Глос.), который наше

*) Мнѣнія Юнгмана держится Срезневскій, см. Святилища и обряды языч. богосл. древн. Слав. стр. 56. Мы развиваемъ намекъ Шафарика, въ *Slow. Starož.* стр. 262.

молить сличаетъ съ скр. мантр говорить, собственно говорить втайнѣ, отъ сущ. мантра (ман мню, суф. тра) — совѣтъ, гимнъ, священная пѣснь. — Языковѣденіе приводитъ насъ къ догадкѣ даже о первоначальной формѣ молитвы: въ О. Е. Іо. 4, 20—24 кланятися и поклонятися соотвѣтствуютъ въ чешск. текстѣ XIV в. слову *modlitišě*, *proskluneiv*. Согласно съ этимъ Крал. рук. для языческой молитвы употребляетъ не только: *se bití w s'elo*, но и: *se klanietí*; Гельмольдъ скрѣпляетъ намъ свидѣтельство языка, говоря о языческой молитвѣ: *pronis vultibus adorare*. Даже у Нестора встрѣчаемъ еще кланяться вмѣсто молиться: „и единою, по обычаю, наставшую вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья“, Лавр. стр. 82.

2. Богъ, Спаситель и другія лица Христіанскаго поклоненія. Богъ имѣетъ ближайшую форму въ скр. бага часть, счастіе, блаженство, отъ глагола: бадж дѣлать; отъ скр. бага происходитъ багават блаженный, точно такъ, какъ отъ богъ—богаты, у-богъ, лит. *pa bagas* бѣдный, луж. *pa bogi* умершій, почившій. Какъ счастіе, участь происходятъ отъ часть, такъ и бага отъ бадж; а богаты къ богу стоитъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ лат. *dives* къ *divus, deus* *). Понятіе о богатствѣ и обиліи, заключающееся въ словѣ богъ, Нѣмцы возстановляли себѣ эпическою

*) Слич. С. П. Шевырева Истор. русск. слов. выпускъ 1. стр. 98.

формою : *rīki god, rīche got*. Самое замѣчательное употребленіе слова богъ въ языческомъ смыслѣ находимъ въ сербск. пѣсняхъ, гдѣ онъ называется *старымъ кровникомъ*: од бога од старог крвника, Вук. 2,440. Можетъ быть въ этомъ языческомъ представленіи заключается причина названіямъ многихъ болѣзней отъ *богъ*: богине оспа, божій бичъ, божа мощь падучая болѣзнь, божа рука ударъ, божа рана чума, божіе обморокъ.—Въ О. Е. уже отличается господь *xúrios* отъ господинъ *οἰκοδεσπότης*; въ Фрейз. ркпси : *nas gozbod zueti cruz нашъ господь свѣтлый крестусъ*. Суффиксъ *инъ* въ: господинъ, даетъ слову смыслъ нѣкоторой зависимости или отношенія: какъ напр. *людинъ* одинъ изъ людей: въ нѣм. и роман. нарѣчіяхъ наоборотъ: только полная форма: *hèriro, hërro, dominus, domnus*—означаетъ Господа Бога, а сокращенная *her, don*—никогда. — Спасъ для означенія Христа употребляется уже въ О. Е. : „яко есть въистинѣ съпасъ миру Христосъ, *ὅτι οὗτός ἐστιν ἀληθῶς ὁ σωτὴρ τοῦ κόσμου, ὁ Χριστός*, Іо. 4,42. Даже въ Фрейз. ркпси уже *zrasitel*: необходимость окончанія - тель произошла отъ употребленія *съпасъ* въ значеніи *σωτηρία*. По свидѣтельству Краледв. ркпси древніе Славяне своихъ боговъ называли уже спасами: „*i tamò bohóm spasám dát mnostwíe obětí*“ (Zab. a Slaw.) — Древнѣйшія названія для Ангела, Апостоловъ и Святыхъ находимъ въ Фрейз. ркпси, которая въ исторіи славянскаго языка особенно важна, предлагая переходъ отъ христіанскихъ понятій, еще неустановившихся въ языкъ, къ опредѣленному и твердому пе-

реданію Слова Божія въ языкѣ перевода Св. Писанія. Эти названія суть: *uizem crilatsem bosiem* — всѣмъ крилатцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; *uzem zelom bosiem* — всѣмъ съломъ божиемъ, т. е. апостоламъ; *useh bosih zil* — всѣхъ божиихъ сълъ, т. е. апостоловъ; *uzeh Ъ moki* — всѣхъ божиихъ мощи, т. е. силъ, или угодниковъ божіихъ, властей. Итакъ въ этой ркпси находимъ древнѣйшее употребленіе мощей (*reliquiae*), слова, внесеннаго уже и въ календарь О-а Е-я: възвращенія мощи: 263, в; обрътение мощемъ, 280, г. Согласно съ Фрейз. ркпсью др. нѣм. памятники апостола и ангела переводятъ: *gotes boton* апостолы, *melpotin* ангелы, *furst-poten* архангелы *).

3. понятія о святости, Христіанскомъ законѣ и Св. Тайнахъ. Понятіе о святости относится къ древнѣйшимъ, доисторическимъ временамъ, равно какъ и происхожденіе самаго слова. Мы находимъ его уже въ знд., подъ формою: *спѣнта* превосходный: знд. *л* соотвѣтствуетъ *скр-му* и *слав-му* в: напр. знд. *спа-ѣта*, *скр.* *свѣта* бѣлый, наше свѣтъ. Слѣдственно знд. *спѣнта*, по замѣчанію Бюрнуфа **), въ Санскритѣ было бы: *сванта*; но такого слова въ немъ не находимъ: оно является въ нашемъ: святой, по древнѣй-

*) R. Raumer, die einwirkung d. Christenth. auf d. althochd. spr. 1845, стр. 293, 365, 366, 379.

**) Commentaire sur le Yajna, 1835.

шему въ О. Е. начертанію: свѣтъ, *ἀγίος*, откуда: свѣтъ *ἀγίαζω*. Въ др. чеш. исповѣди XIII в. Таинства называются: *swatosty: wsedmerzye swatosty czyerkwe swate—in septem sacramentis ecclesiae sanctae*; то же понятіе святости вошло въ названіе Христіанскаго таинства и въ др. нѣм. языкъ; такъ въ X вѣкѣ находимъ: *diu heilichtuom mines lichamin unde bluotes*, Notker, ps. 21, 26. — Законъ въ О. Е. употребляется въ смыслѣ *νόμος*: таково древнѣйшее и собственное значеніе этого слова, сколько можемъ судить по памятникамъ письменности: Чехи рѣшали правду „по закону *uecosiznih bgou*“— по закону вѣкожизныхъ боговъ, какъ свидѣтельствуесть Судъ Любуши. Несторъ говоритъ о Славянахъ: „имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ,“ Лавр. 6. Въ этомъ смыслѣ извѣстенъ былъ законъ Константину Багрянородному, подъ формою *ζάκων*, de adm. imp. глав. 8 и 38. Для исторіи языка любопытно производное: законникъ, которое въ древнѣйшихъ памятникахъ употребляется въ двухъ противоположныхъ значеніяхъ: 1) въ значеніи формальнаго исполнителя закона Иудейскаго въ противоположность послѣдователямъ живоначальнаго ученія Христа; такъ употребляется законникъ въ О. Е. „въ врѣмя оно законникъ нѣкый приде къ иѣсови“ τῷ χαρῶ ἐκείνῳ νομικός τις προσήλθεν τῷ ἰησοῦ; у Ул. *vitoda-fasteis*, Лук. 10, 25, отъ *fastan* держать крѣпко, и *vitop* собственно *testamentum*, отъ *vitān* знатъ и *veilan* видѣть, какъ у насъ свѣдѣтельство и свидѣтельство.

2) въ значеніи христіанина, исполняющаго всѣ предписанія Евангелія и Церкви: въ Фрейз. ркпси: useh B zasopnis wśśxъ божиихъ законъникъ : въ основаніи такого значенія лежитъ законъ въ смыслѣ Христіанства, и особенно въ смыслѣ Св. Таинъ Причастія, сохранившемся и доселѣ въ сръб.: ајдемо на закон. данас сам узео закон. Др. нѣм. исповѣди IX и X в. также употребляютъ wizzod lex въ значеніи sacramentum: then heilagon wizzod ni erita — sanctum sacramentum non honoravi. Въ томъ же значеніи употреблялось и право, что видно изъ ниж. луж. hopschajasch, hopschajany, hopschajane, въ значеніи причащенія больныхъ.

4. праздниства и время для подвиговъ благочестія христіанскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что время праздное и недѣля, не выражая понятія собственно христіанскаго, ведутъ свое происхожденіе отъ временъ дохристіанскихъ. Въ О. Е. ёортѣ переводится не только словомъ : праздникъ, но и описательно: „на всакъ же днь великъ“ *χατὰ δὲ ἐορτῇν*, Мат. 27, 15; впрочемъ и въ текстѣ читаемъ: *ἡν γὰρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνου τοῦ σαββάτου*, бѣ бо великъ днь той сѣботы, Іо. 19. 31. Однако свободное употребленіе этого описанія въ слав. переводѣ заставляетъ предполагать, что оно принадлежитъ намъ : такъ въ др. чеш. Еван. XIV в. : *před šestí dnów veliké noci* — вмѣсто Остромирова: „прѣжде шесті дњи пасхы“ Іо. 12, 1. Праздникъ по-сръб. год, откуда верх. луж. hody, ниж. луж. gódy праздникъ Рождества Хри-

стова; Сербы же называютъ его бѣжить, т. е. божичь.—Слово постъ обыкновенно производятъ отъ гот. *fastan* *𐍆𐍂𐍄𐍅𐍂𐍅𐍂𐍅*, въ О. Е. поститисѧ: но мы не имѣемъ къ тому никакихъ лингвистическихъ данныхъ: можемъ заключить только, что это слово и между Славянами, и между Нѣмцами получило самостоятельную вокализацию, и осталось отдѣльнымъ, не будучи окружено родственными словами: гот. *fastan*, агс. смущаетъ *a* въ *ae*: *faesl̥en*; Остромирово постъ, др. чеш. удлиняетъ *o* до *uo*: *puost*, откуда нов. чеш. *pu̯st*; ниж. луж. являетъ замѣчательную перестановку согласныхъ: *srot*; лит. языкъ по собственной своей организаціи измѣняетъ славянское *o* въ *a*: *rasnikau̯ju*—пощусь. Такъ какъ почти всѣ важнѣйшія понятія благочестія и ученія христіанскаго образовались въ слав. языкъ, независимо отъ Готовъ: то нѣтъ причины дѣлать исключеніе для слова, означающаго столь существенный обрядъ, вмѣняемый въ необходимую обязанность христіанину.

5. адъ. Сами Нѣмцы *) снисходительнѣе Копитара къ нашему пеклу, столь распространившемуся между всеми славянскими нарѣчіями и даже въ Литвѣ и въ древ. прус. языкѣ: въ священномъ языкѣ славянскомъ употребляется не только пекло, но и пѣцль **), серб. *пакао*, чеш. *peklo*, слов. *rekel*, пол.

*) Grimm, D. M. 765.

**) Miklosich, Radic. linguae slov. 119.

piekło, лит. réklà, др. прус. pickullis. Гриммъ объясняетъ вліяніемъ славянскаго языка не только мадьяр. rokol адъ, но и новогреч. πίσσα адъ. Пекло означаетъ первоначально смолу, потому у люнеб. Вендовъ адъ называется smela; а потомъ пекло адъ въ смыслъ христіанскомъ, исполненный смраду и горящей смолы: слѣдовательно это слово должно причислить къ древнѣйшимъ христіанскимъ; и у Литовцевъ, собственно по христіанскимъ понятіямъ, чортъ rusulas, др. прус. pickuls; другое же лит. названіе чорта wélnas—перенесено отъ языческаго божества къ христіанскому понятію. Хотя въ древ. нѣм. памятникахъ bēh (rix) и употребляется въ смыслъ ада: in dem besche, diu rechwelle; однако это названіе не болѣе, какъ случайное и не столь распространенное, какъ пекло. Собственно же нѣм. слово для ада идетъ еще отъ самаго Ульф.: halja, производимое отъ helan скрывать.

5. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАННОСТИ, ОПРЕДѢЛЯЕМОЕ ВЪ ЯЗЫКЪ ГОТѢСКАГО ПЕРЕВОДА БИБЛІИ.

Исповѣданіемъ христіанской вѣры предполагается знаніе грамоты; и если между Славянами задолго до Кирилла и Меѳодія распространилось уже Христіанство, то безъ сомнѣнія извѣстна была и грамотность: „кръстившежесѧ, римскими и грѣчьскими писмены нѣждаахъсѧ“, говоритъ Черноризецъ Храбръ о Славянахъ до изобрѣтенія славянской азбуки. Древнѣйшее названіе для знающаго грамоту было: бу-

каръ, употребляемое тѣмъ же черноризцемъ: „аще ли въпросиши словенскыѣ букарѣ, глаголюще: кто вы писмена створилъ есть, или книги прѣложилъ? то вси вѣдѣтъ.“ Слово букаръ употреблено уже у Ул. въ формѣ: bokareis, для перевода гр-го γραμματεὺς, коему въ О. Е. соответствуетъ кнѣжъникъ, отъ слова: кнѣжы, употребляемаго въ О. Е. только во множественномъ числѣ, и означающаго не только βιβλος, βιβλίον, но и γραφή, γράμματα: точно такъ и гот. boka имѣетъ смыслъ и того и другаго, и только во множ. числѣ — bokos — означаетъ книгу.

Другое слово, совершенно сходное по образованію съ букаръ, bokareis, но имѣющее значеніе грамотника судебного, подъячаго, мздоимца, также одинаково и у Славянъ, и у Готѣвъ. Именно: мытаръ, τελώνης, у Ул. motareis; мытъница, τελώνιον, у Ул. mota, которому по формѣ соответствуетъ наше мыто, въ памятникахъ юридическихъ, но оно отсутствуетъ въ О. Е. Мытаръ неоднократно въ О. Е. замѣняется словомъ мздоимецъ, которому у Ул. всегда отвѣтствуетъ только motareis, напр. Лук. 5, 27 „и оузѣръ мздоимца именемъ леуиѣ сѣдѣща на мытъници,“ у Ул. gasaw motari nainin laivvi sitandan ana motastada. Отсюда ясно видимъ, что мѣсто или домъ, гдѣ собиралась пошлина, неизмѣнно назывались именемъ, происходящимъ отъ мыто, самъ же собиратель пошлинъ, кромѣ оффиціальнаго названія: мытаръ, имѣлъ и другое, мздоимецъ, отъ слова мзда, которое въ О. Е., равно какъ и у Ул. mizdo, стоитъ тамъ, гдѣ въ

гр. текстъ *μισθός*, въ смыслъ *merces*, напр. Мат. 20, 8 „призови дѣлатель. и даи имъ мѣзда“, *καλέσων τοὺς ἐργάτας, καὶ ἀπόδος αὐτοῖς τὸν μισθὸν*, — и въ смыслъ *praemium*: Мат. 5, 46 „аще бо любите любящихъ вы. какъ мѣзда имаате“, *τίνα μισθὸν ἔχετε*, у Ул. *wo mizdono habaif*. Готское *mizdo* вовсе не имѣетъ отъ себя производныхъ, слѣдовательно менѣе вкоренилось въ языкъ; въ О. Е. кромѣ *мздоимца*, коимъ переведено *τελώνης*, встрѣчается *безмѣздыникома*, что по-греч. отъ инаго корня: *τῶν ἀναργύρων*. Собиратели пошлинъ не только въ Иудей, но и въ другихъ областяхъ, находившихся подъ вліяніемъ Римской имперіи, были въ пренебреженіи, и имя ихъ переходило въ бранное, какъ теперь у насъ *ябедникъ*. Потому не удивительно, что Мат. 5, 46 *τελώναι*, въ О. Е. *мытари*, Ул. переводитъ презрительнымъ наименованіемъ: *riudo* — язычники. — Мытарь первоначально не было названіемъ унизительнымъ, что видно изъ Рус. Пр.: „вывести послухы любо мытника“, — или: „выведеть свободна мужа два или мытника.“

Наконецъ столь извѣстное въ средніе вѣка славянское титуло *жупанъ*, записанное Византійцами — Константиномъ Багрянороднымъ, Анною Комниною и друг. (смотри у Дюканжа), — отъ юга къ сѣверу достигшее до Литвы и древ. Прусовъ, въ формахъ *župronê*, *surûni*, для означенія женщины, госпожи, — было извѣстно и Готамъ *) въ смыслъ чловѣка

*) Предисловіе Гримма къ Вуковой сръб. грам., 1824, стр. II.

знающаго, избраннаго, лучшаго: греч. μαθητής, ученикъ, Ул. переводить именно этимъ словомъ: sirô-neis, которое совершенно необъяснимо въ нѣм. нарѣчіяхъ, мимо славянскаго жупана.

6. ИСТОРИЯ ПОНЯТІЙ СЕМЕЙНЫХЪ ВЪ ЯЗЫКѢ.

Въ отношеніи семейной жизни слѣдуетъ рѣшить вопросъ особенной важности о томъ, какое вліяніе произвелъ переводъ Св. Писанія на понятія о жизни семейной. Были ли онѣ и до того времени достаточно уже чисты, или же переводчикамъ предстоялъ трудъ, весьма тяжелый, облагородить ихъ, примѣняя къ языку Евангелія, для того, чтобы не нарушить святости Слова Божія нечистыми намеками на древнеславянскіе обряды?

Языкъ нашъ свидѣтельствуетъ, что Славяне преимущественно передъ всѣми индоевропейскими народами въ большей чистотѣ сохранили древнѣйшія названія семейныхъ отношеній и членовъ семейства: такъ что славянскія слова, означающія эти понятія, по прямой линіи ведутъ свою исторію отъ Санскрита, и стоятъ въ самомъ близкомъ къ нему отношеніи. Первобытная жизнь, въ языкъ выражаемая, столь далека отъ порчи нравовъ, возникающей вмѣстѣ съ развитіемъ общества, что семейныя понятія мало подверглись въ славянскомъ языкѣ перевороту отъ внесенія въ него идей христіанскихъ. Конечно, язычество вошло во многіе обряды семейные: но

Христіянство, какъ скоро проникло къ Славянамъ, еще во времена доисторическія уже изгнало изъ языка перевода Св. Писанія все, что въ понятіяхъ семейныхъ оскорбляло Христіянскія идеи. Нѣмецкіе переводчики Св. Писанія поступали иначе: Христіянскія понятія о семействѣ часто передавали они такими словами, которыя во всей яркости живописали языческій обрядъ. А такъ какъ эти обряды были общими и у Нѣмцевъ, и у Славянъ, то для исторіи славянскаго языка, въ отношеніи къ понятіямъ семейнымъ, нѣмецкіе переводы Св. Писанія предлагаютъ немаловажный источникъ.

Обратимся къ самымъ фактамъ.

1. женихъ, *uorſos*, стоитъ въ родствѣ съ женою, отъ скр. джан рождаютъ, откуда джана мужъ, джанѣ жена. Нашему жениху собственно соотвѣтствуетъ скр. джанака родитель. Что понятія мужа и родителя могли совпадать, свидѣтельствуетъ гот. *aba*, перешедшее въ скн. *afi*, собственно *avus*, а прежде и отецъ, сродно съ скн. *afi robur*, *afi posse*, *gignere*, др. с. *abal—vis*. Какъ скр-му джанѣ и нашему женою соотвѣтствуетъ гот. *quēns*, такъ и скр-му джанака родитель, или рождающій, — др. нѣм. *cuping*, наше князь: а князь имѣетъ значеніе у насъ не только господина вообще, но даже и новобрачнаго, или жениха: такъ подъ 1548 г. въ Акт. Арх. 1, 210 значится: „а промежъ себя въ нашихъ волосткахъ понимаются, и приказщику взяти на князь и на

княгинѣ алтынѣ ; а приведутъ кто изъ за волости въ наши волости , или въ слободку , и приказщику взяти со князя и со княгини четыре денги московская.“ Въ народномъ языкѣ на Руси и доселѣ женихъ и невѣста называются княземъ и княгинею. Понятіе , переданное переводомъ Ульфилы , носитъ на себѣ слѣды грубаго обычая : женихъ по-гот. *brupfars*, т. е. господинъ (*fars*) невѣсты.

2. это понятіе готскаго слова оправдывается и другими, стоящими съ нимъ въ связи : Лук. 1, 27 къ двѣи обрѣченъ мѣжеви, у Ул, *du tagarai in fragibtim abin*, πρὸς παρθενὸν μεμνηστευμένην ἀνδρὶ. Что греческое *μεμνηστεύομαι* не имѣетъ смысла христіанскаго обрученія, свидѣтельствуется самъ Гомеръ, употребляющій *μεμνηστέω*, *μεμνηστός* и др. того же корня слова, въ коихъ нѣтъ и намека на порученіе или обрученіе: значитъ, это послѣднее слово, столь удачно выражающее мысль, принадлежитъ Славянамъ, и поелику оно не грецизмъ, можемъ думать, что оно уже употреблялось и до перевода Св. Писанія. Еще у Индійцевъ бракъ назывался *пани-граганам* (въ зак. Ману), отъ *пани* рука и *граг*—братъ, принимать: слѣдовательно наше обрученіе. Слич. обычай рукобитія при договорахъ. Готы и Нѣмцы удержали въ переводѣ Св. Писанія древній обрядъ: гот. *fragift*, *fragibt*, имѣющее при себѣ глаголъ *fragiban* дарить, передавать,—соединено съ понятіемъ полной, рабской зависимости жены отъ мужа, и напоминаетъ продажу невѣсты, обычай, существовавшій и у Славянъ,

но не вошедшій, вмѣстѣ съ словомъ, въ переводъ Св. Писанія. — Столь же нечистое понятіе встрѣчаемъ и въ др. нѣм. переводъ Евангелія: такъ въ Tatiani Harmonia Evang. IX в., вышеозначенное мѣсто Лук. 1, 27 передано такъ: thiornun gimahaltero gomme. Gimahaltero причастіе отъ mahaljan, gamahajan spondere, desponsare, dotare, а это слово происходитъ отъ mahal forum, concio *): отсюда видно, что, по древнимъ обычаямъ, обрученіе было совершаемо общественно, міромъ: потому обрученные или новобрачные въ др. нѣм. законахъ называются gamahali, т. е. confabulati (слич. нашъ сговоръ). Нѣмецкія понятія о сборищѣ и совѣщаніи жениха и невесты совершенно объясняютъ слѣдующее мѣсто Нестора о языческихъ Славянахъ: „схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщаешася“ Лавр. сп. 6. Сходбища и совѣщанія язычниковъ-Славянъ совершенно выражаются нѣмецкими mahal и gamahali, откуда въ послѣдствіи образовались vermählen, gemahI, gemahlin. Сей часъ увидимъ и славянское умыканіе невестъ въ древнѣйшемъ нѣмецкомъ переводъ Евангелія.

3. бракъ, γάμος. Весьма вѣроятно сближеніе этого слова съ глаголомъ брать, и въ умѣ, и на языкѣ Славянъ: ибо сродство словъ приводится до нѣкотораго

*) Grimm, D. R. A. 433.

сознанія употребленіемъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что только отвлеченное понятіе глагола брать ни коимъ образомъ не могло развитъ существеннаго смысла слова бракъ. Отъ глагола брать, скр. бѣри поддерживать, питать, образуется скр. бѣръя жена, собственно: *поддерживаемая, взятая*: слѣдовательно наше слово бракъ, происходя отъ бѣри, стоитъ въ связи съ бѣръя жена, какъ женитьба, по-лужицки просто жѣп,—съ жена. Кромѣ того бракъ могъ стоять въ связи и съ скр. бѣртри мужъ, собственно *поддерживающій, несущій*. Съ этимъ производствомъ согласуется римскій символъ *переноситъ умыкаемыхъ невестъ* черезъ порогъ жилища жениха: то, что по-скр. и по-славянски выражено названіемъ, у Римлянъ сохранилось въ обычаѣ, вѣроятно не чуждомъ славянскому умыканію. Обративъ вниманіе на нѣмецкій переводъ, мы опять увидимъ народный обычай, во всей яркости вошедшій въ Св. Писаніе: въ др. нѣм. Евангеліи VIII в. бракъ переводится bruthlauff, Мат. 22, 2., т. е. быстрое удаленіе, побѣгъ жениха съ невестою, т. е. славянское *умыканіе*. Несторъ говоритъ о Древлянахъ: „брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды (вар. вводы) дѣвиця,“ Лавр. 6.—Несторъ очевидно противопоставляетъ христіанское слово бракъ языческому обряду. Позднѣйшій лѣтописецъ (XVIII в.) такъ объясняетъ это мѣсто: „брака у нихъ нѣтъ: воровски на конѣхъ подѣзжаютъ къ другимъ жилищамъ и гдѣ увидятъ у воды девицъ или женъ молодыхъ: то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними.“ Рум. Муз. 357. Водить невестъ

къ водѣ—былъ старинный языческій обычай, не вышедшій еще изъ употребленія при Митрополитѣ Кириллѣ, который такъ говоритъ противъ него: „впредѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ кводѣ и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ.“ Рум. Муз. 321. Обрядъ умыванія могъ сопровождаться нѣкоторыми религіозными обычаями, ибо у воды молились точно также, какъ и подѣ деревьями: церковный законъ осуждаетъ того „кто молится у воды или подѣ рощеніемъ“, Рум. Муз. 328. Остаткомъ этого поклоненія водѣ при умываніи невѣсты должно почестъ эстонскій обычай, по которому молодая бросаетъ въ колодязь даръ или жертву, вѣроятно, благодарственную. Преданіе о водѣ при бракосочетаніи идетъ издавна: еще въ Индіи невѣсту кропили водою, и она должна была касаться воды и огня. Римляне *) уводили невѣсту не только съ факелами, но и съ освященной водою, въ знакъ того, что невѣста вступаетъ въ домъ мужа *casta puraque*. Въ южной Галліи „*virgo quum juberetur a patre aquam porrigere ei, quem virum eligeret*“,—Justin. XLIII, 3, 11. *Zuato-cudna uoda*, вмѣстѣ съ *plamen praudozuesten*, употребляющаяся символомъ очищенія въ Судѣ Любуши, происходитъ отъ *cud* чистота, *cúdití* очищать, откуда *cudař* судья. Следовательно употребленіе воды на бракъ, кромѣ религіознаго значенія, могло имѣть и юридическое.

*) Klausen, Aeneas v. d. penat. стр. 626.

4. понятіе о побѣгѣ, выраженное въ др. нѣм. *bruthlauft*, сохранилось въ О. Е. въ словѣ поть-бѣга: „женмиса потьбѣгоѣж“, въ исправленномъ текстѣ ближе къ гречес.: пущеницею, *λελυμένην*. Различное писанье этого слова въ разныхъ рукописяхъ указываетъ на древнѣйшее его употребленіе: въ *Glag. Cloz.* потьпѣга, въ русскихъ текстахъ подьбѣга: измѣненіе *б* въ *п* послѣ *т*, и измѣненіе *т* въ *д* передъ *б*—произошли отъ ассимиляціи звуковъ и нисколько не могутъ ввести въ сомнѣніе, что потьбѣга не первоначальная форма этого слова. Для объясненія его обратимся къ скр-му пунсчалѣ, *meretrix*, которое подобно нашему потьбѣга, состоитъ изъ двухъ словъ: пунс мужъ, самецъ и чала идущій, двигающійся: и такъ первая часть слова потьбѣга — поть должно означать господина, мужа: и дѣйствительно скр. пати *dominus*, зен. паитис, лит. *pats* (самъ, мужъ, самецъ), *patti* (сама, жена), гот. *fafs*, въ сложныхъ *bruf-fafs* господинъ невесты, *synagoga - fafs* начальникъ синагоги. — Касательно же послѣдняго члена въ словѣ потьбѣга именно: бѣга, надобно замѣтить, что объясненіемъ ему служить, кромѣ намека въ др. н. *bruthlauft*, чешское *běhlá* и *běhna meretrix*: но такъ какъ языкъ мало по малу теряетъ доисторическіе слѣды родства своего съ языками древнѣйшими, и болѣе и болѣе образуется по собственному организму, то санскрито-славянское поть весьма естественно могло уступить мѣсто предлогу подь, чему способствовали даже сами звуки посредствомъ ассимиляціи: такимъ образомъ состави-

лось чешск. *podběhnauti violare*, прямо отъ чешск. *podbyeha*, приводимаго въ словарь *Bhm̃r.* и *Rozk.* Если это слово претерпѣло столько измѣненій въ своемъ историческомъ развитіи, то нисколько не удивительно, что филологи недоумѣвали при его объясненіи, точно также, какъ противорѣчили и рукописи въ его начертаніи. Вотъ что говоритъ Копитаръ: „*ita ut nescias, an sit a потепѣса, quasi потепѣга russice, i. e. pulsa, vagatrix; an подѣбѣга quasi per-fuga a подѣбѣгу; an denique a подѣпѣга quasi sub-variegata, quae nempe fortasse per legem quandam Slavis propriam in poenam male servati conjugii vestis partem inferiorem variam debebat gestare? Quid tandem quarta scriptio потѣбѣга? quam bis habet Ostromiri cod.*“ *) Именно съ послѣдняго, какъ древнѣйшаго начертанія этого слова и слѣдовало бы начать.

Примѣч. Слова такого значенія могли принадлежать къ древнѣйшему періоду образованія языка. Приведемъ здѣсь одно древнечешское слово: *ženyma concubina*, откуда *ženimčis spurius*, *ženimes concubinari*. Оно образовалось изъ жена и суф.-има, соответственное коему находимъ скр. указательное мѣстоимѣніе *има*: какъ тезка происходитъ отъ мѣстоимѣнія тез, такъ и лат. *imitor, imago* весьма остроумно производятъ Боппъ отъ скр. мѣстоимѣнія *има*, слѣдовательно эти лат. слова имѣютъ смыслъ: тоже дѣлаю, тоже являющееся. Павскій **) справед-

*) *Glagol. Cloz.* предисловіе, стр. VIII.

**) *Филолог. наблюд.* 2, 140—141.

ливо замѣчаетъ, что слогъ *имъ* придаетъ слову значеніе сходства: отчимъ заступающій мѣсто отца, побратимъ подобный брату, немлудимъ не сближающійся съ людьми, сладимый близкій къ сладкому; но онъ отказывается объяснить этотъ слогъ, и даже склоняется къ тому мнѣнію, будто бы и въ словѣ отчимъ м образовалось изъ предыханія в, или х, т. е. отчимъ вмѣсто отчивъ или отчухъ. Но такое объясненіе не подкрѣпляется историческими фактами: въ Рус. Правдѣ встрѣчаются уже не только отьчимъ, отчимъ, очимъ, но даже иночимъ, иноотчимъ, съ прилагательнымъ иночимль. Слѣдовательно въ др. чешск. *женима* нѣтъ препятствія видѣть остатокъ скр-го мѣстоименія: потому женима значитъ похожая на жену, замѣняющая жену.

5. невѣста, *vúřť*, кромѣ собственнаго значенія имѣетъ въ Евангеліи смыслъ снохи, невѣстки: „невѣсту на свекровь свою,“ Tatian. Harm. Evang. *snur uidar ira suigar*, Mat. 10, 35. а *snur*, лат. *purus*, схова—объясняется скр-мъ снушâ, которое можетъ быть произведено отъ сѹну—сынъ: сѹну-шья, какъ бы прилагательная форма отъ род. падежа: слѣдовательно значитъ: сыновняя, т. е. жена *): въ древнемъ языкѣ, подобно невѣстѣ, сноха имѣетъ болѣе общій смыслъ: „стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ,“ говоритъ Несторъ, Лавр. 6. Именно въ этомъ болѣе об-

*) Höfer, Beitr. z. Etymologie, 1839 стр. 393.

щемъ значеніи и заключается настоящій смыслъ невѣсты. Въ чешск. языкѣ невѣста значитъ не только sponsa, но и puerus, а невѣстка meretrix; точно также какъ наша золовка переходитъ въ др. нѣм. въ gella (слич. лат. glos) — concubina, мужеская форма коего gellof (levir) *). Въ чешск. невѣста соотвѣтствуетъ зютю: zeť a newesta, по Юнгману: schwiegerkinder: точно такое же соотвѣтствіе встрѣчаемъ и у Нестора: „не хожаше зять по невѣсту“, т. е. женихъ за невѣстой; Лавр. 6. Отсюда видно, что подъ невѣстою наши предки разумѣли не только обрученную, но и жену вообще: такъ и Памв. Берынд. объясняетъ слово жена — невѣстою; а Еву называетъ: „першая невѣста створеная.“ По-польски niewiasta zła — djablica, ięndza: еще любопытнѣе у Памв. Берынды же мы находимъ: „невѣстникъ, чрътогъ, ложница.“ — Вотъ какъ ученые объясняютъ невѣсту: Челаковский производитъ отъ веду, невѣста какъ бы pop ducta (Slow. par. rjsně, II, 221): но измѣненія e въ ѣ не допускаетъ организмъ слав. языка; другіе, а за ними и Миклошичъ **), производятъ отъ видѣти, и невѣста, по ихъ мнѣнію, какъ бы pop visa: такъ какъ невѣста имѣла общее значеніе жены, невѣсты, снохи: то это объясненіе противно самому смыслу слова невѣста. Всѣхъ счастливѣе былъ при объясненіи этого слова Катковъ, ***) потому что обратился къ

*) Pott, Etym. Forsch. 1, 131. Grimm, D. Gr. 2, 183.

**) Radic. lingu. Slow. 9.

***) Объ элем. и форм. слав. языка, 54.

языку скр-му: ибо этотъ языкъ остается источникомъ объясненію славянскихъ словъ, по преимуществу имѣющихъ смыслъ родства. Невѣсту Катковъ объясняетъ скр-мъ причастіемъ: нивѣситâ (введенная, преданная, зарученная) отъ вісъ входитъ, отъ коего причинная форма : вѣс - аїіітум вводитъ. Это объясненіе, не противорѣча законамъ языка, вполне соответствуетъ значенію невѣсты, въ обширномъ смыслѣ принимаемому. Такое производство подкрѣпляется еще болѣе тѣмъ, что въ Магабгаратъ глаголъ нивисъ именно значить: *ихогеи ducere*. — Теперь слѣдуетъ разыскать : во первыхъ остался ли въ славянскомъ языкѣ скр. предлогъ *ни*, перешедшій въ *не* въ словѣ невѣста, и во вторыхъ, нельзя ли помощію славянскаго языка его отдѣлить, чтобы обнажить коренное слово *вѣста* въ словѣ невѣста. Объ остаткѣ скр-го предлога *ни* свидѣтельствуетъ наше древнее слово *нетій*, серб. *нетяк*, *нетяка* племянникъ, -ца, уже у Ул. попадающее въ формѣ *nirjis*, въ общемъ смыслѣ родственника, *συγγενής*, въ О. Е. *жжика*, Ио. 18 26. *Нетій* соответствуетъ скр-му апатъя *proles*, состоящему изъ *апа*—отъ, и мѣстоименія *тъя*, коимъ образуются не только скр. *игатъя* здѣшній, но и гот. *framaria*, и наше *не-тій*: приставка же *не*, общая съ гот. *nī* въ *nirjis*, имѣетъ смыслъ: подъ, отъ, внизу въ скр. слитномъ предлогѣ *ни*, сродномъ съ нашимъ *ни-зъ*, др. н. *nidar*, *gi-na-de*, откуда *gnade*, собственно униженіе, смиреніе. Въ скн. осталось *nidr* въ значеніи предлога *hegab*, и въ значеніи сына. Къ этому же корню могутъ быть отнесены *ник-нуть*, *ни-чъ*, *ни-щій*: это по-

слѣднее слово вѣроятно стоитъ въ связи съ скр. нѣча или нѣяча *humilis, vilis, pravus* — состоящимъ изъ приставки *ни* и *анч* идти, почитать: даже до сихъ поръ въ нашемъ словѣ нищій сохраняются слѣды происхожденія отъ прилагательнаго, именно въ склоненіи: свидѣтельство очень важное, ибо состоитъ въ самомъ организмѣ языка. Слѣдовательно нетѣй точно также происходитъ отъ предлога съ мѣстоименіемъ, какъ и потомокъ. — Отсюда мы видимъ, что скр. *ни* въ формѣ *не* служило образованіемъ въ славянскомъ языкѣ не одному слову невѣста. Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на вторую часть этого слова. Въ славянскомъ языкѣ дѣйствительно осталось слово вѣсть, сокращенная форма отъ (не)вѣста, въ формѣ: свѣсть, еще въ *Glos. mat. verb.* объясняемой такъ: *suest, fratria vel fratrissa, fratris uxor vel uxoris soror; zwezt glos, gloris.* Слѣдовательно въ словѣ свѣсть, славянскимъ предлогамъ *съ* переводится древнѣйшій *не* или *ни*: сближеніе же значеній словъ невѣста и свѣсть само собою явствуется, если мы примемъ въ соображеніе болѣе общій смыслъ перваго слова, и значеніе предлога во второмъ. По-лит. взрослая дѣвица называется *westina mergà*.

6. общее понятіе для означенія родства въ О. Е. ѡжика, *ουγγενής*, коему у Ул. соотвѣтствуетъ грецизмъ *sama-kuns*. Это слово имѣетъ при себѣ и другія однородныя, каковы: ѡже *ἄλυσις*, ѡза *δεσμός*, при коемъ есть видоизмѣненная форма ѡза, откуда вѣзати; ѡзъкъ *στενός*. — Для опредѣленія этихъ словъ

надобно замѣтить, что во многихъ корняхъ скр. при-
дыхательныя дж , ч, ш въ славянскомъ языкѣ пе-
реходятъ въ соотвѣтственныя имъ: г , д , к , т , х :

скр.	слав.
суш	суш-ить отъ сухъ.
тушнѣка	тихъ, откуда тиш-ина.
туш (радоваться)	у-тѣха, тѣшить.
вач	вѣт-ить, вѣч-ать вѣщ-ать.
чур (жечь)	курить.
чанд (свѣтить)	кадить, чадъ.
прачѣ	прос-ить.
ичѣ, иш, ишта	иск-ать.

По этому закону слав. ѡж , ѡз подходитъ къ скр.-у
юдж связывать, соединять; и предполагаетъ соотвѣт-
ственную себѣ форму ѡг, которая и является въ сло-
вѣ ѡгълъ ὡνία: слѣдовательно съ понятіемъ угла
соединяется представленіе сѣуживающагося простран-
ства; и дѣйствительно отъ гот. agguus (слич. л. an-
gustus) узкій происходитъ скн. ângr узкій заливъ,
engi узкая луговина. Какъ наше ѡз переходитъ въ
ѡг, такъ и скр. юдж въ юга—собственно пара. Но-
совой звукъ, отсутствующій въ скр. словѣ , являет-
ся, подобно нашему , въ лат. jungo, и потомъ исче-
заетъ въ conjux, jugum, какъ и въ нашемъ иго, ко-
торое опять принимаетъ носовой звукъ въ лит. jun-
gas отъ jungiu. Скр. гласная і въ юга , юдж , пе-
реходитъ въ і въ гот. liugan, ḡamēiv, liuga бракъ.
Такимъ образомъ древнеславянское понятіе о род-
ствѣ, происходя отъ представленія о связи и сбли-

женіи, въ гот. языкѣ перешло въ понятіе о бракѣ, какъ источникъ родственныхъ связей. По Гримму *) гот. *liuga* происходитъ будто бы отъ *liugan* скрывать, какъ лат. *pubere* сближается съ *pubes*, или исп. *velarse* (жениться) и *velado* супругъ — съ *velar* покрывать.

7. особенной важности въ историческомъ отношеніи слово, означающее вмѣстѣ и мужа и жену, именно: *манженъ*. Это слово вопреки чеш-у *manžel* мужъ, супругъ, — Юнгманъ, раздѣляя на *мал* и *жена*, сближаетъ съ нѣм. *mahl* въ *gemahl*. Въ польскомъ языкѣ кромѣ *małżonek* употребляется и *gmałżonek*. Распространенное употребленіе и видоизмѣненіе въ выговорѣ, затемнившія прямой смыслъ слова, указываютъ на его древность. Очевидно, оно сложное. Въ древнѣйшемъ періодѣ славянскій языкъ особенно любилъ слова сложные, что видно изъ названій языческихъ боговъ, какъ древнѣйшихъ остатковъ языка, и изъ старинныхъ собственныхъ именъ, напр. въ Судѣ Любуши: Лютоборъ, Ратиборъ, Ярожиръ и друг. — Замѣчательно, что древнѣйшія сложные слова, по большей части, не пользовались слагающими или соединительными звуками *о* и *е*, которыми теперь обыкновенно соединяются части сложнаго слова: но, подобно Санскриту, гораздо вольнѣе соединялись, о чемъ свидѣлствуютъ, напр., Стри-богъ, Дажь-богъ. Остатокъ такого санскрито-славянскаго сложенія предлагаетъ намъ О. Е. въ

*) D. Gr. 2, 23.

словъ братъ-сестръ: »евлампа и евлампиѣ присныма братъсестрома.« Всего ближе объясняется такое сложеніе скр. сложными, напр. для совокупнаго понятія дѣтей и жены скр. употребляетъ: *путрадара*, состоящее изъ *путра* сынъ и *дара* жена. Именно къ этому же древнѣйшему періоду должно относиться и *маль-женъ*, или, по другому произношенію, *манженъ*, состоящее изъ *манж*, т. е. *мжжъ* (скр. *мануджа*, т. е. рожденный=*джа*, отъ героя и полубога *Ману*) и *жена*, и означающее вмѣстѣ и мужа и жену. Значеніе и употребленіе этого слова особенно явствуется, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста въ вопросахъ Кюрика: „достоитъ ли женихъ мужію своему помочи терпѣти опитеми, и мужію женѣ? *достоитъ*, рече, *велми*, *волею*, *яко* и другъ къ другу и братъ брату: *добро* есть тако и *мальженома*.“ Пам. Рос. Сл. XII в. 194. Въ послѣдствіи, когда утратилось сознаніе о происхожденіи этого слова, въ языкѣ образовались изъ него отдѣльныя названія и для мужа *manžel*, *manžonek*, и для жены *manželka*, *malžonka*. Въ этихъ словахъ Славяне осмыслили себѣ древнѣйшую форму точно также, какъ скр. форму *снуща* (сноха), т. е. *сѹну-шья* (сыновняя) перевели соотвѣтственно Санскриту прилагательнымъ: *сноха* въ пол., кр. называется: *synowa*, *synâha*, т. е. сыновняя.

8. такъ какъ древнѣйшія формы поэзіи тѣсно связаны съ исторіею языка: то весьма любопытно обратить вниманіе, какъ сербская поэзія, по преимуществу сохранившая первобытное эпическое настро-

еніе , возводить до апотеозы семейныя связи , Вук.
1, N 231 :

радує се звијезда даница ,
жени брата сјајнога мјесеца ,
испросила муњу од облака ;
она купи китієне сватове :
кума куми Бога јединога ,
а прикумка светога Іована ,
старог свата светога Николу ,
а дјевера апостола Петра ,
права свата светог Пантелию ,
ієндибулу огнієну Марию .

Высокой нравственностью жизни семейной отзываются эти затѣйливыя представленія эпической фантазіи. Народъ въ своихъ вѣрованіяхъ всегда любитъ возводить до обоготворенія все лучшее и существенное въ своей собственной жизни. Славяне столь вѣрно сохранившіе отъ временъ доисторическихъ чистоту наивныхъ связей семейныхъ, какъ бы сознали всю важность ими сбереженнаго, перенеся свои любимыя понятія о родствѣ и братствѣ въ область религіозныхъ повѣрій. Потому высочайшее беззаконіе, проклятое Богомъ, полагаетъ сербская поэзія въ нарушеніи правъ родственныхъ и семейныхъ : такъ Громовникъ Илія описываетъ Маріи проклятую землю, Вук. 2, N 2 :

діє не моле Бога, да помогне ,
и не слуша пород родителя ,
и не слуша млади старијега ;
діє кум кума не држи за кума ,
дієвер сноси о срамоти ради ;
діє брат брата по судовим тієра .

9. благочестивые переводчики Св. Писанія на славянскій языкъ не знали или не хотѣли знать словъ, означающихъ нарушеніе супружескихъ правъ. Кромѣ древнѣйшаго потѣбъга, они не употребляютъ ни одного изъ словъ такого рода въ точномъ, нынѣшнемъ значеніи. Такъ въ О. Е. ὡσεὶ λῆρος τὰ ῥήματα αὐτῶν—переводится: яко блѣди (т. е. вздоръ, пустяки) глѣ ихъ, Лук. 24, 11; въ исправленномъ: яко лжа глѣ ихъ; — ζῶν ἁσώτως, въ О. Е. живы блѣдно, Лук. 15, 13, т. е. расточительно. Какъ бы то ни было, отъ недостатка ли словъ, свидѣтельствующаго о чистотѣ нравовъ, или изъ приличія строго наблюдаемаго переводчиками: только въ славянскомъ переводѣ Евангелія, для выраженія греческихъ: πόρνη, πόρνος, μοιχός, μοιχεία и др., встрѣчаемъ уже неологизмы, составленные на образецъ грецизмовъ, какъ напр. зѣло-дѣи кахо-поіός, кахоѡрγος, у Ул. тоже грецизмъ: ubil-tojís; благо-творити ἀγαθοποιεῖν: а именно: для πόρνη любо-дѣица, и даже усиленное по славянскому словосочиненію употребленіе: развѣ словесе любодѣаньнааго: παρεκτὸς λόγου πορνείας, Мат. 19, 9; а для μοιχός переводчики прибавили къ неологизму любо-дѣиць частицу прѣ, указывающую въ священномъ языкѣ также или на грецизмъ, напр. прѣображение μεταμόρφωσις, или же на неологизмъ: прѣмѣдрый, прѣмѣдрость, коими переводчики перелагаютъ гр. σοφός, σοφία, для отличія отъ φρόνιμος, φρόνησις, коимъ постоянно соотвѣтствуютъ въ О. Е. мѣдрый, мѣдрость. Въ употребленіи прѣлюбодѣи, какъ прилагательнаго, видно также насиліе языку: въ ро-

дѣ семь прѣлюбодѣимъ и грѣшнѣемъ, ἐν τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ μοιχαλίδι καὶ ἁμαρτωλῷ, Мр. 8, 38. Для глагола же μοιχευθῆναι слѣдовало раздѣлить сложное слово на два: прѣлюбы творити, Мат. 19, 9. Ульфила и здѣсь остается вѣренъ своему народному началу, употребляя для πόρνη собственно гот. слово, не вошедшее въ послѣдствіи въ нѣм. нарѣчія, именно kalkjo, откуда kalkinassus; а для μοιχός общее всѣмъ нѣм. племенамъ hors, откуда скн. hor, hoga, arc. horing и пр.; въ гот. и производныя: глаголь horinon и сущ. horinassus.

Примѣч. Есть причины думать, что наши переводчики руководствовались въ своемъ трудѣ чувствомъ приличія и благочестивою набожностью при выборѣ выраженій. Это особенно явствуется въ переводѣ описанія Страстей Господнихъ. Славянскій переводъ, вообще столь ясный и близкій къ подлиннику, въ этомъ случаѣ предлагаетъ замѣчательное отъ него отступленіе: такъ Мр. 14, 65: καὶ οἱ ὑπὲρταὶ ῥαπίσμασιν αὐτόν ἔβαλον — въ О. Е. смягчено до слѣд. выраженія: и слуги бияще и прѣаша; въ испр. согласно съ текстомъ: и слуги по ланитома его бияху; даже Ул., впрочемъ столь вѣрный подлиннику и столь наивный, не могъ удержаться, чтобы не прибавить gabaurjaba, т. е. дерзко, дерзновенно, petulanter: jah andbahtos gabaurjaba lofam slohun ina — и слуги дерзко били его по щекамъ. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, Мат. 26, 67, ἄλλοι δὲ ἐρράπισαν αὐτόν переведено въ О. Е.: ови же за ланиту удариша и. Но κόλαφίζω — pugnīs caedo — переводчики не рѣшились передать точь въ точь, за-

мѣнивъ слѣдующими неопредѣленными выраженіями: καὶ ἐκολάφισαν αὐτόν — и пакости ему дѣяшѣ, Мат. 26, 67; καὶ κολαφίζειν αὐτόν — и мѣчити и. Если бы догадка Востокова, что въ греческомъ спискѣ у переводчика могло стоять κολάζειν вмѣсто κολαφίζειν, была справедлива, то въ исправленномъ текстѣ находились бы эти мѣста поправленными по общему чтенію съ κολαφίζειν: но видно, что и переводчики и исправители были убѣждены въ употребленіи такихъ выраженій. Въ Tatian. Harin. Ev. сказано прямо: inti mit fustin sluogun inan.

7. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗВИТІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ.

Какъ семья служитъ основою общества, такъ и слова, означающія родство, принимаютъ значеніе понятій о членахъ общества. Родоначальникъ, по древнѣйшему представленію, вмѣстѣ и дѣдъ и старѣйшина. У насъ онъ называется пращуромъ. Если большая часть славянскихъ названій семейныхъ объясняется самымъ удовлетворительнымъ образомъ изъ Санскрита, то тѣмъ болѣе должны мы обратиться къ этому языку при объясненіи слова, имѣющаго столь многозначительное въ историческомъ отношеніи значеніе. Уже самая приставка пра- указываетъ на скр. пра-, имѣющее тоже значеніе, напр. прабѣ—dominus, excelsus, augustus, отъ гл. бѣ—быть: труднѣе объяснить вторую часть этого слова, именно щуръ: если сблизимъ съ прилагательнымъ ширый, то вопросъ все таки не объяснится: ибо, въ отно-

шеніи согласной щ останавливаютъ насъ нарѣчія нѣмецкія, въ коихъ она является подъ формою sk, напр. въ скн. skir clarus, perspicuus, sapiens, gnarus, rigus а crimine; въ отношеніи же гласной и, затрудняютъ нарѣчія славянскія, въ коихъ она измѣняется въ е, напр. въ польскомъ szczęry. — Обратимся къ санскриту. Скр. небная ś, происшедшая отъ к, въ самомъ скр. языкѣ, измѣняется не только въ к и т, но даже и въ ч:

дрś видѣніе, видѣ дрк (именит. несклоняем.)

дѣрхω

виś человекъ третьяго вить (id)

класса

лит. wiész-patis

śal двигаться, идти чал.

Отсюда видно, что въ скр. управляетъ тотъ же законъ соотвѣтствія между к, т, ч, какъ и въ слав. языкѣ. Первоначальная форма этихъ звуковъ является въ небной ś. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ славянскій всѣхъ ближе къ скр-у въ отношеніи этого звука. По большей части славянскій языкъ, какъ и санскритъ, удерживаетъ скр-ю ś въ звукѣ с:

скр.

слав.

śakuна (родъ коршуна) соколъ

śata

сто

śāk'a

сукъ, сучокъ

śūла (natura, indoles)

сила

śuш (arescere, siccari)

сушить, сохнуть

śūла (hasta)

сулица

śru

слушать

śvита (albus)

свѣтъ.

Какъ въ скр. *с* переходитъ въ *к* и *ч*, такъ и въ слав. языкъ скр. *с*, подобно латинскому, греческому и кельтскому, переходитъ въ *к*, и потомъ, по собственному организму славянскаго языка, въ *ч* и даже въ *ц*. Какъ скр. *дасан*, *десать* является въ греч. подъ формою *δέχα*; такъ и скр. *сѹ* имѣетъ при себѣ славянскую форму *ко-ю* (греч. *κῆρυ*, лат. *quies*) и *чи-ю*, т. е. (по)коюсь и (по)чію. На этомъ основаніи опредѣляется сродство нашихъ: сердце съ гр. *καρдіα*, лат. *cor, cordis*; осмь съ гр. *ὀκτώ*, лат. *octo*; десный съ скр. *дакша*, лат. *dexter*; камень съ скр. *асман*: потому же закону родственны: клоню и слоню, власъ и влак - но *). Скр. *свита* (*albus*) кромѣ формы *свѣтъ*, имѣетъ при себѣ еще: *квѣтъ*, *цвѣтъ*, *твѣтъ*: нашимъ звукамъ *к*, *ц*, *с*, происшедшимъ изъ скр. *с*, соотвѣтствуетъ нѣмецк. *h*: потому скр. *свита* и наши *свѣтъ*, *квѣтъ* въ гот. являются въ формѣ *hweits*, агс и скн. *hvit*: др. нѣм., опускаая предыханіе, образуетъ *wiz*, откуда нѣм. *weiss*: точно такъ и наше *рогъ*, черезъ опущеніе *с* образовалось изъ скр. *срнга*, составившагося изъ *с*ира *голова* и *га* *идуцій*, т. е. изъ *головы* *идуцій*, или *растуцій*. Такъ какъ скр.-у *ч* часто соотвѣтствуетъ слав. *щ*, напр. скр. *пач* *печъ*, *пещи*: то и скр. *с*, стоящее въ связи съ *ч* и *к*, можетъ замѣняться слав.-мъ *щ*, напр. скр. *нактам* и *ниса* по-слав. не только *ночь*, но и *нощъ*. Вотъ что почли мы

*) Статья Шафарика въ *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1. стр. 57 — 58.

нужнымъ сказать предварительно о свойствѣ небнаго звука *с*. Теперь обратимся къ слову пращуръ, и собственно ко второй его половинѣ: щуръ.

Скр. *сура* герой, мужъ, по закону измѣненія буквъ, общему въ славян. съ скр. , является у насъ въ трехъ формахъ: 1) въ первобытной санскритской, подъ формою *суръ*, и значить молодець, герой, какъ мы видимъ напр. въ др. р. ст. „удалой молодець былъ Волгскій суръ, 271: такъ названъ Садко богатый гость. 2) въ формѣ, родственной языкамъ греч., лат. и кельт., по измѣненію *с* въ *к*: именно отъ скр. *свасура*, состоящаго изъ *сва* свой и *сура* мужъ (слич. скр. *сваджана* своякъ), образовались: наши све-коръ, све-кры, гр. *ἐ-χῦρος*, *ἐ-хурά*, лат. *so-crus*: здѣсь наше -коръ точно также относится къ скр. *сура*, какъ гр. *хῦρος*, *хῦριος* и кельт. *sigadh* воинъ отъ *sig* сила. И наконецъ 3) подъ формою чисто славянскою, въ коей скр. *с*, измѣнившаяся въ *к*, частию удержала при себѣ слѣды своего происхожденія въ звукъ *щ*: по крайней мѣрѣ исторически весьма вѣроятно предположить, что праотецъ и герой-полубогъ могли быть совмѣстны въ понятіяхъ нашихъ предковъ. Вели же свой родъ отъ какого-то доисторическаго героя лютый Хрудошъ и Стяглавъ храбрый, спорящіе о дѣдинѣ отней въ Судѣ Любуши: „*oba bratri, oba clenouica, „roda stara tetui popeloua, „ien se pride s pleki s cehouimi „u se se sirne ulasti pres tri reki.*“ И такъ коренное слово щуръ въ нашемъ пращурѣ объясняется скр-мъ

сура. Какъ щирый имѣетъ при себѣ не только у Славянъ форму чирый, но и въ Литвѣ: *czygas*; такъ и щуръ предполагаетъ форму чуръ, согласную съ литовскимъ *czur-nus*, означающимъ тоже, что и *czygas*. Вѣроятно сюда же относится и лит. *czyrgas*—по Мильке—*ein Junge bei einem Herrn*.

Народныя преданія о доисторическомъ движеніи племенъ, подъ предводительствомъ героев полубоговъ долго держались въ памяти народной и не могли не сохраниться въ языкѣ. Все старобытное облекалось въ форму сверхъестественную, и всякому пріятно было видѣть въ своемъ предкѣ существо высшее, выступающее изъ круга обыкновенныхъ людей. Любовь потомковъ къ своимъ прадедамъ воспламеняла ихъ воображеніе, и выразилась въ преданіяхъ о герояхъ-родоначальникахъ, облеченныхъ божественнымъ величіемъ. По-древански дѣдъ *Igôlga* *), т. е. *Ijolja*: отсюда Богъ назывался *nos Igôlga* т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадедъ: слич. выраженія: внуки Дажь-бога, внуки Стри-бога. У лужичанъ *ze'dki* дѣды употребляется въ смыслѣ пастуховъ, приходившихъ поклоняться Христу, а потомъ и вообще въ смыслѣ пришлецовъ. Древнѣйшее понятіе о власти начальника основывалось на родствѣ родоначальника съ своимъ родомъ: этимъ объясняются обычные выраженія въ летописяхъ: „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и

*) Добровскаго *Slovanka* 1, 13.

до сее братьѣ бяху Поляне , и живяху каждо съ своимъ *родомъ* и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо *родомъ* своимъ.“ — „Се Кій княжаше въ *родѣ* своемъ.“ — „(Кій) възлюбѣ мѣсто и сруби градокъ малъ , хотѣше сѣсти съ *родомъ* своимъ.“ — „И по сихъ братьи держати почаша *родѣ* ихъ княженъе въ Поляхъ.“ — Какъ о Славянахъ, точно также выражается лѣтописецъ и о Варягахъ: „и избѣрашася 3 братья съ *роды* своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша.“ — „И бѣста у него 2 мужа (Аскольдъ и Дирь), не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ *родомъ* своимъ.“ — Лавр. стр. 4, 5, 8, 9. Слѣдовательно понятіе рода или родства первоначально связывало лица одного племени и означало народъ: „мы отъ *рода* рускаго,“ говорили послы въ договоръ Игоря, Лавр. стр. 19. Въ О. Е. словомъ *родѣ* собственно переводится γένος, однако также и ἔθνος, Ио. 18, 35, чему у Ул. соотвѣтствуетъ *riuda*. Словомъ же народъ въ старину означалось понятіе не столь благородное: въ О. Е. народъ значитъ только ὄχλος, и у Ул. переводится словами, означающими только толпу, множество: *hiuhma*, *jumjo* и даже *managei*: такъ что Остромирову народъ въ чешск. отрывкѣ Ев. отъ Ио. X в. соотвѣтствуетъ весьма естественно: *daui*, давъ, т. е. давка, толпа. Отсюда можно заключить, что народъ есть уже понятіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда утратилась родственная связь между родоначальникомъ и его племенемъ, и когда понятіе о соплеменникѣ перестало возбуждать поня-

тіе о родствѣ и перешло къ представленію множества, толпы. Первоначально же народъ могъ быть синонимомъ рожденію: такъ у Лужичанъ и доселѣ народъ имѣетъ это значеніе: *pschéd Kristussowem narodom*, а рожденіе въ О. Е. наоборотъ значитъ родственникъ, и соотвѣтствуетъ въ исправленномъ текстѣ словамъ: ужики, сродници. Древнѣйшее употребленіе слова народъ вмѣсто родъ встрѣчаемъ уже въ Фрейз. ркпси: *narod zlovuezki* — народъ чловѣчьски, *genus humanum*.

Родственная связь властителя и подвластнаго ясно обозначилась въ языкѣ: отъ гот. *riuda*, родъ, племя, народъ, происходитъ *riudans* царь, властитель народный, родоначальникъ. Чувства, соединявшія властителя и подвластнаго, какъ ближайшихъ родственниковъ, были любовь, милость и ласка: потому-то по-скн. властитель, царь называется *mildingr*, отъ *mildr* милостивый, ласковый: этимъ объясняется у насъ постоянный эпитетъ Владиміру *ласковый*. Скр. *pātū dominus*, откуда лит. *patis*, *wie'sz-patis*, наше гос-подинъ, гр. *δης-πότης*, даже можетъ быть *πος* въ *ἄνδρο-πος* (по Боппу вмѣсто *ἄνδρο-πος*, т. е. *viros regens*, какъ мжжъ отъ скр. *мануджа*) — происходитъ отъ *pā* хранить, беречь, родственнаго съ нашимъ питать, лат. *pā-vi*, *ra-bulum*, гр. *πάσαι*, *ἐπασάμην*, *πέσαι*, *πατέσαι*. Здѣсь начало эпическому постоянному эпитету царя у Гомера: *ποιμὴν λαῶν*: такъ эпическая поэзія въ своихъ обычныхъ формахъ сохраняетъ слѣды древнѣйшихъ понятій. Теперь будетъ

намъ понятно, почему кормить значитъ у насъ и питать, и вмѣстѣ съ тѣмъ управлять: кормилецъ есть постоянный эпитетъ не только отца, но и всякаго властителя: а въ Крамев. рукописи Забой, оплакивая смерть славянскаго воеводы и предводителя, называетъ его otcik, т. е. отецъ.

Какъ эпическій языкъ свои украшающія формы образуетъ согласно съ образованіемъ языка, такъ и эпическія преданія въ своихъ миѣахъ выражаютъ понятія и воззрѣнія народа. И въ языкѣ, и въ сознаніи народа глубоко коренится убѣжденіе о родствѣ всѣхъ членовъ племени, образующихъ народъ: родственная любовь и сыновнее почтеніе связываютъ всѣхъ твердыми узами. Какъ Китайскій Императоръ почитается отцемъ народа, и какъ изъ различныхъ частей тѣла Браны вышли различныя касты, роднящіяся между собою единымъ божественнымъ происхожденіемъ *) : такъ и по наивнымъ преданіямъ всѣхъ народовъ различіе состояній или классовъ народа произошло по нисходящей линіи отъ одного прадедовскаго начала. Исландскій миѣ (Rígsmał) **)

*) Развитие классовъ народныхъ изъ частей божества соотвѣтствуетъ сотворенію міра изъ божественныхъ членовъ. Вѣроятно въ соотвѣтствіи съ миѣомъ о происхожденіи кастъ образовались въ языкѣ слова, означающія и части человѣческаго тѣла, и вмѣстѣ классы народные. Grimm, D. R. A. 469—470.

**) D. R. A. 266. 282.

всѣ классы народныя ведетъ отъ предковъ: благородные (iарlar) происходятъ отъ fadir и mōdir, отъ отца и матери, свободные (karlar) отъ afi и amma, отъ дѣда и бабки, всѣ рабы (þraelar) отъ ai и edda, т. е. прадѣда и прабабушки. Далѣе, Iarl, представитель благороднаго класса, имѣлъ у себя дѣтей, которыя именами своими указываютъ на развитіе общественныхъ понятій изъ семейныхъ, а именно: Adall (благородный), Arfi (наслѣдникъ), Barn, Kundr, Konr, Mögr, Nidr, Sonr, Sveinn.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ этихъ словъ, потому что исторія ихъ имѣетъ много общаго съ нашими.

1. barn и mögr означаютъ дѣтей: mögr въ гот. magus, коимъ Ул. переводитъ παῖς, въ О. Е. отрокъ, напр. Лук. 2, 43: ὑπέμεινεν Ἰησοῦς ὁ παῖς ἐν Ἱερουσαλὴμ, оста отрокъ въ иерсѣлмѣ, gastor iesus sa magus in iairusalem. Ул. употребляетъ magus и въ смыслъ раба, напр. Лук. 15, 26: ἕνα τῶν παίδων, у Ул. sumana magive: въ О. же Е. строго еще отличается отрокъ отъ раба, и это мѣсто переведено такъ: «единого отъ рабъ: такъ что отсюда можно заключить, что переводчики знали слово отрокъ только въ благородномъ его значеніи сына, а не служителя. Какъ liberī имѣетъ смыслъ вольныхъ, такъ и княжій или боярскій отрокъ получилъ смыслъ вольнаго служителя, уже въ Русск. Правдѣ: „о княжихъ отроцѣхъ“ — смич. въ Салич. Зак. puer regis vel letus, 13, 7; а

съ другой стороны отрокъ , какъ лицо въ полной зависимости находящееся, перешелъ въ значеніе раба, холопа, напр. въ чешск.: *otroky neb chlapy kupovati a prodawati*, смотр, Слов. Юнгм.: даже Остромирову наймъникъ *μισθωτός* въ чешскихъ Евангеліяхъ соотвѣтствуетъ отрокъ, Іо, 10, 12, *Evang. ms Vien.* — И наоборотъ Остромирово отроча въ *Tat. Harm. Ev.* замѣняется словомъ *kneht: ther kneht vvuohs inti uuard gistrengisot geiste*, отроча же растваше и крѣпѣшася дхѣмъ, Лук. 1, 80. Какъ отъ *piuda* происходитъ *piudans*, такъ и гот. *kindins*, коимъ Ул. переводитъ *ἡγεμων*, въ О. Е. игемонъ, Мат. 27, 2.—происходитъ отъ *kind*: по свидѣтельству Амм. Марц. у Бургундовъ царь назывался *hendinus*. Такимъ образомъ изъ нѣдръ семьи съ одной стороны исходитъ понятіе властителя, а съ другой понятіе раба: какъ лат. *famulus* отъ *familia*, такъ точно и челядинъ, уже въ договоръ Олега, въ смыслъ раба: „аще украденъ будетъ челядинъ рускій, или въскочить, или понужи проданъ будетъ,“ Лавр. 15, также въ Рус. Правдѣ: „аже кто познаетъ челядинъ свой украденъ:“ — черезъ форму челядь происходитъ отъ скр. кула родъ, племя, семья. Какъ -инъ т. е., одинъ, служить суффиксомъ слову челяд-инъ, такъ древнѣйшее *ѣкъ*, скр. *ѣкас*—одинъ, отъ того же скр. кула, образуетъ: чел-ов *ѣкъ*; *ѣкас* является въ лат. *aequus*, точно также какъ скр. мѣстоименіе *има*, въ нашей приставкѣ *отч-имъ*, образуетъ отъ себя лат. *imago*. Съ скр. кулая гнѣздо, отъ кула семья, стоитъ въ связи наша древняя эпическая форма, упо-

требляющая гнѣздо вмѣсто семьи, напр. въ Сл. о П. И: „Инѣгварь и Всеволодъ , и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы.“ Этимъ объясняется эпитетъ Всеволода Юрьевича — большое гнѣздо. Понятіе о сочетаніи до сихъ поръ заключается въ словѣ гнѣздо, что видно изъ названія пары бабокъ гнѣздомъ. Слич. обычныя выраженія, или поговорки въ Чехахъ: *dobrého hnězda člověk*; *hnězdo pis peromůže obušegům zlým*. — Наше слово отрокъ, означающее и сына, и свободного служителя, и раба, своимъ происхожденіемъ вполне объясняетъ такой переходъ. Какъ всякое, въ глубокой древности образовавшееся, слово подвергается многимъ толкованіямъ и объясненіямъ, такъ случилось и съ отрокомъ. Общепринятое производство этого слова отъ реку, какъ бы *infans*, или польское *niemowiatko*, нашло себѣ защитника въ новѣйшемъ изслѣдователѣ слав. языка, Миклошичъ *). Но, какъ основательно было уже замѣчено славянскими лингвистами **), въ словѣ отрокъ никоимъ образомъ нельзя принять за предлогъ слогъ *от*: ибо древнѣйшіе кодексы, равно какъ и Остромировъ, не отдѣляютъ этого слога еромъ: если бы это слово происходило отъ реку, то писалось бы: отърокъ. Но и производство отъ слова *от*, т. е. отецъ ***), черезъ суффиксъ *р*,

*) *Radic. lingu. Slov.* 74.

**) Юнгм. чеш. слов. 2, 1019.

***) *Ibid.*

т. е. *отр.* подобно словамъ брѣтр, кмѣтр, и потомъ съ окончаніемъ -окъ, — весьма натянуто. Всѣхъ ближе къ дѣлу кажется Линдево *) сближеніе слова отрокъ съ глаголомъ *trószyc'* вязать, и съ сущ. *tróki*, чешск, *trůku*, т. е. наше народное торока: „отца-то вашего въ торокахъ везетъ“ говарила жена Соловья разбойника, Др. р. ст. 355. Какъ жжика происходитъ отъ жже, жза, и отъ понятія о родствѣ спускается до понятія объ узникѣ: такъ и отрокъ, происходя отъ троки узы, содержитъ въ себѣ понятіе и связаннаго узами родства, и принужденнаго служить и повиноваться.

2. какъ *arfi*, сынъ Ярла, собственно значить наследникъ, гот. *arbja*: такъ и общеславянское названіе наследника дѣдичъ, стоитъ въ родственной связи съ дѣдъ; хотя въ О. Е. попадаетъ только отвлеченное названіе: наследникъ, Мат. 21, 38; равно какъ и въ Русск. Правдѣ: задница, собственно въ смыслѣ остатка, какъ объясняютъ и самые глоссы: „о задници, сирѣчь о ссѣткѣхъ“. Самый же предметъ наследства есть дѣдина, уже въ Судѣ Любуши употребляющаяся въ смыслѣ наследства, — и значить вмѣстѣ съ тѣмъ и поле, и имѣніе вообще, и домъ, и мѣсто жительства, или родину. Ульфила для *κληρονομος* въ своемъ переводѣ употребляетъ слово, имѣющее, подобно дѣдинѣ, значеніе болѣе реальное, не-

*) Польск. слов. 3, 584.

жели наслѣдникъ: именно *arbja*, въ агс. являющееся въ формѣ *urfe* въ значеніи не только *hereditas*, но и *pecus*, отъ *orf* *pecus*, *opes*: это послѣднее слово сохранилось и въ др. швед. обычной формулѣ: *arf ok urf*, для означенія недвижимаго и движимаго имѣнія. Но славянскіе переводчики не хотѣли воспользоваться народнымъ понятіемъ о владѣніи, вѣроятно потому, что дѣдина и дѣдичъ, заключая въ себѣ память о древнеславянскомъ преданіи, могли нарушить чистоту слова Евангельскаго: нѣтъ сомнѣнія, что права на владѣніе дѣдиной были освящены древнимъ вѣрованіемъ: дѣды чтились, какъ существа высшія, божественныя: и потому названіемъ внука весьма естественно могло выражаться отношеніе современности къ темной, мифологической старинѣ. Этимъ объясняются въ Сл. о П. И.: жизнь Дажь-Божа внука, въ силахъ Дажь-Божа внука, и друг. По-чешски *dědicové*—пенаты. Слѣдственно коренное славянское понятіе о наслѣдствѣ, выраженное словами: дѣдичъ, дѣдина, основанное на родственномъ отношеніи, а не на одномъ только понятіи о имуществѣ, какъ нѣм. *arbja*,—не могло войти въ священный языкъ, потому что напоминало періодъ мифологическій: Памва Берында съ намѣреніемъ отличаетъ дядко отъ дѣдко: „сице бо нѣцѣи обыкоша діавола именувати.“

3. сынъ Ярла *konr*, собственно *nobilis*, *rex*, является въ др. нѣм. *chuninc*, др. сак. *kuning*, агс. *cyning*, скн. *konûngr*, сокращенно *kôngr*; женская

форма слову *konr* : скр. *kona femina nobilis, domina*, гот. *quēns, qnīnô* только жена, агс. же *sven regina*, др. нѣм. *quena, chena* жена. Черезъ санскритъ мы узнаемъ рядъ этихъ словъ въ нашемъ *жена*. Скр-у *дж* соответствуетъ нѣм. *к* или *qu*, напр.:

скр. <i>джѣв</i> жить	гот. <i>quīvs</i> живой
джнѧ знать	<i>kan</i>
джѧну	<i>knīu</i> (колѣно)
джѧти	<i>kunī</i> (родъ)

Въ этомъ случаѣ въ классическихъ языкахъ является *г*, а именно: *γυνῆρι, gnōsco; γόνυ, genu; γένος, genus*. Въ слав. или измѣняется въ *з*, какъ въ *знать*, или же остается въ ближайшей къ скр-у формѣ *ж*: *живой*, скр. *джѣв*; *жена*, скр. *джанѣ*, по закону измѣнившееся въ гот. *quēns*, и друг. Это послѣднее слово имѣетъ корнемъ скр. глаголѣ *джан* рождать, удержавшій *г* въ гр. *γῆννομαι* и въ лат. *gigno*. Рядъ словъ этого корня является намъ переходъ понятій отъ родителя и жены къ племени и царю; и что весьма замѣчательно: въ языкѣ скр-мъ, какъ-бы на первой ступени, въ періодѣ первобытномъ, удерживается понятіе только родителя, родительницы и рода: *джанака* рождающій, *джанѣ* рождающая, *джѧти* родъ; въ нѣм. же нарѣчіяхъ родовыя понятія этого порядка словъ восходятъ до понятій о власти государственной: и отъ *kunī, chunni*, родъ, происходитъ *chuninc* точно также, какъ *riudans* отъ *riuda, truh-tin* отъ *truht, fylkir* отъ *folk* или *fylki*; а скр. *джанѣ* и наша жена получаютъ титулъ госпожи и цари-

цы въ скн. *kona* и агс. *sven*. И къ этому-то періоду относится нашъ князь, слово, столь удалившееся отъ первоначальнаго понятія о родѣ, сохранившагося въ словѣ *жена*, и только въ связи съ нѣм. *kuning*, *könig*, нисходящее до значенія рода въ гот. *kunī* и въ скн. *miōf* о сынѣ Ярла, *kongr*. Какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ, такъ и у Славянъ князь значитъ и господинъ вообще, напр. у Лужичанъ: *knjez* тоже, что скн. *kongr*, а *knjenī* или *knīnī*, что скн. *kona*. Только сила народнаго преданія могла удержать въ словахъ князь и княгиня память о древнѣйшемъ ихъ значеніи, придавъ имъ смыслъ жениха и невѣсты, о чемъ было сказано выше. Исторически же позднѣйшее значеніе слова князь опредѣляется суффиксомъ *азъ*, или *аг*, т. е. *енг* или нѣм. *ing*. Этотъ суффиксъ, хотя не чуждый и намъ, и особенно сосѣднимъ намъ Литовцамъ, у которыхъ *-ingas* суф. прилагательныхъ, напр. *darb-ingas* отъ *darbas* работа,—преимущественно у Нѣмцевъ получилъ свое развитіе и смыслъ: онъ означаетъ *происхожденіе* и *родство*; сила этого значенія заключена въ звукахъ *ng*, изъ коихъ развиваются *-ing* и *-ung*: первый преимуществуетъ передъ вторымъ для означенія лицъ *). Названія народовъ по преимуществу пользуются сими суффиксами для того, чтобы выразить понятіе о происхожденіи и родѣ, напр. *asd-ingi*, *oth-ingi*, *thur-ingi* у Иорнанда; *theru-ingi* у Амміан. Марц. Въ

*) Grimm, D. G. 2, стр. 348 — 365.

древн. нѣм. памятникахъ IX в. собственные имена: *dur-inc*, *halb-inc*, *ir-inc*, *mup-inc*, и мног. друг. Въ агс-мъ языкѣ особенно живо сохранилось производство на *-ing* отечественныхъ именъ, такъ что къ каждому собственному имени можно приложить этотъ суффиксъ, для того чтобы составить имя сына или потомка того, кто носитъ собственное имя: такъ въ Библии *filius Elisae* переводится: *êlis-ing*. Для уразумѣнія силы суффикса *-ing* любопытно обратить вниманіе на слѣдующее кратко обозначенное этимъ суффиксомъ агс-е родословіе предковъ: *ida vās ēopp-ing*, *ēoppa ês-ing*, *êsa ing-ing*, *inga angenvit-ing*, *angenvit aloc-ing*, *aloc bēonoc-ing*, *bēonoc brand-ing*, *brand baeldäg-ing*, *baeldäg vōden-ing*, *vōden fridovulf-ing*, *fridovulf finn-ing*, *finn godvulf-ing*, *godvulf geát-ing*, *geát* же, или *geáta* есть родоначальникъ имъ всѣмъ. Слѣдовательно *-ing* соотвѣтствуетъ нашему *-ичъ*, означающему не только отношеніе сына къ отцу, но и народа къ его родоначальнику, напр. Радим-ичи. И такъ въ словѣ князь суффиксъ *азъ*, *аг* (*-ing*) выражаетъ родовое и родственное отношеніе; точно также, какъ и коренные звуки *кн*, *кон*, *кун* (въ Остромировѣ князь, тѣ предполагаетъ звуки *о* и *у*) ведутъ свое происхожденіе отъ *джан* рождать, и какъ *пати* господинъ родственно съ словомъ *pater*, такъ и *князь* въ скр. имѣетъ себѣ соотвѣтственныя: *джанака*, *джанитри*, откуда лат. *genitor*. Во время перевода Св. Писанія на славянскій языкъ слово князь имѣло смыслъ болѣе общій, такъ что въ О. Е. князь означаетъ не только властителя, но и всякаго

сильнаго человѣка. Это особенно явствуется изъ сличенія нашего перевода съ переводомъ Ульфила: Славяне всякую власть и силу называютъ однимъ общимъ именемъ князя, тогда какъ Ульфила еще колеблется между многими наименованіями, соотвѣствующими Остромирову кѣназь, какъ бы тѣмъ показывая, что понятіе о власти еще не опредѣлилось окончательно, не отдѣлилось отъ частныхъ представленій и не обозначило себя однимъ общимъ словомъ: а именно: 1) кѣназемъ своимъ, τοῖς μεγίσταις, Мр. 6, 21, у Ул. *raim maistam*—надстрочный переводъ съ греческаго; слав. же переводчики подъ бѣльшимъ или наибѣльшимъ разумѣли князя. 2) въ домъ кѣнажь, εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἀρχόντος, Мат. 9, 23, у Ул. *in garda ris reikis*. 3) о кѣнази бѣсь, ἐν τῷ ἀρχοντὶ τῶν δαιμονίων, Мат. 9, 34, у Ул. *in fauramarlja unhulpono*. Здѣсь понятіе о власти и князь Ул. выражаетъ представленіемъ глашатая суда и правды, или предсѣдателя собранія: *fauga* предъ и *marl* собраніе *ἀγορά*. — Единство, соблюдаемое нашими переводчиками въ употребленіи слова князь ясно указываетъ на болѣе опредѣленное понятіе о власти: то же самое видимъ и въ нѣм. позднѣйшихъ переводахъ, не смотря на разнообразіе Ульфилова текста: такъ въ Tatian. Harm. Evang. IX в. Остромирову кѣназь соотвѣтствуетъ постоянно *hêristo* или *hêrôsto*, т. е. превосходная степень отъ *hêr*, *hêri*, откуда *hêrigo* и *hêrro* — господинъ. Слѣдовательно наше кѣназь, хотя и общаго происхожденія съ нѣм. *kuning*, однако во время перевода Св. Писанія употребля-

лось Славянами совершенно самостоятельно и выражало самое определенное понятіе: переводы Св. Писанія и готескій и нѣмецкій IX в. пользуются словами вовсе другаго происхожденія для означенія князя.

Такимъ образомъ сличивъ основанія скандинавскаго миѳа о переходѣ понятій семейныхъ въ общественныя, видимъ, что въ сущности онъ столько же могъ бы принадлежать и Славянамъ: только у Нѣмцевъ онъ принялъ определенную эпическую форму, у насъ же ясно сознавался только въ формахъ языка.

Судя по переводу Св. Писанія можно заключить, что Славяне до позднѣйшаго времени удержали семейныя понятія для определенія общественныхъ отношеній. Это видно въ О. Е. изъ словъ: владыка и старѣйшина, которыя получивъ значеніе въ быту семейномъ распространились для выраженія власти не только гражданской, но и церковной: въ старину власть начальника освящалась властію церковною, и служитель церкви былъ вмѣстѣ и начальникомъ. Гот. и др. нѣм. переводы являютъ большее развитіе общественности: въ слав. же очевидны слѣды патріархальнаго быта. Славянскіе переводчики, хотя и стараются передать грецизмами понятія жизни государственной, напр. игемонъ — владыка, но славянизмы невольно проскользаютъ, и даютъ намъ разумѣть, какъ необходимо было замѣнять ихъ грецизмами. Текстъ слав. Евангелія являетъ намъ періодъ бро-

женія, когда еще не могли выработаться идеи общественныя, въ отвлеченіи отъ понятій семейныхъ.

1. замѣчательно смѣшеніе словъ владыки и власти въ О. Е.: изъ чего явствуетъ, что переводчики затруднялись въ отличеніи этихъ словъ. А именно: *ὁπὸ ἐξουσίας* Мат. 8, 9 переведено: под владыко^{мъ}, въ испр. под властію; а Лук. 7, 8 подъ властели, въ испр.: под владыкою: у Ул. же въ обоихъ случаяхъ соотвѣтственно оригиналу: *uf valdufnja*. Изъ сближенія этихъ двухъ мѣстъ О-а Е-я видно, что отвлеченное понятіе *ἐξουσία*, въ другихъ мѣстахъ переводимое впрочемъ словомъ власть, понято было переводчиками болѣе конкретно, какъ лицо, властвующее, или владыка. Владыка же *ἡγεμὼν* въ О. Е. соотвѣтствуетъ гот-мъ *kindins* и *riudans*, что видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Лук. 2, 2 владыцу, у Ул. *visandin kindina*; Лук. 3, 1: владычествія, у Ул. *riudinassaus*. Славянскіе переводчики прибѣгаютъ къ производнымъ формамъ отъ одного и того же корня, тогда какъ Ул. богатъ разнообразными выраженіями понятій государственныхъ. Такое же разнообразіе видимъ въ др. нѣм. *Harm. Evang. Tat.*, гдѣ первому мѣсту соотвѣтствуетъ *grauen* *), а второму *rihtuomes*, а въ Ев. Мат. 2, 6 еще новое слово: *heriston*, въ О. Е. въ влѣкахъ. — Собственное значеніе владыки открывается въ исторіи древнеславян-

*) Значеніе этого слова смотр. Gr. D. R. A. 753.

скаго семейнаго управленія. Въ Судѣ Любуши читаемъ: „i umre li glaua celedina, „deti use tu sbo-siem u iedno uladu, „*uladicu* si z roda uiberuce.“ — И такъ владыка управлялъ у Славянъ родомъ и семьею, по свидѣтельству памятника IX в; слѣдовательно весьма вѣроятно вліяніе такого значенія владыки и на текстъ Св. Писанія того же вѣка. Хотя у Готѳовъ уже IV в. мы видимъ уклоненіе отъ семейнаго начала: однако по нѣкоторымъ выраженіямъ Ульфилова перевода можемъ заключить, что и Готѳамъ не чуждо было понятіе владыки, въ смыслѣ домовладѣтеля: ибо Ул. *oixodecпотeiv*, *oixodecπότης* переводитъ *garda valdan*, *garda valdands*, а *valdan* и владѣти совершенно между собою родственны.

2. старѣйшина у Славянъ есть синонимъ владыки. Остромирову влѣка въ Реймск. Ев. соотвѣтствуетъ: старѣйшина, Мат. 2, 6. Какъ у Илирійцевъ латинскаго исповѣданія, въ Далмаціи, *mater familias* называется *владыка*, словомъ, въ томъ же значеніи употребляющемся еще въ законахъ Стефана Душана; такъ соотвѣтственно тому у Сербовъ греческаго исповѣданія глава семьи называется *старіешина*, который, подобно древнеславянскому владыкѣ, избирается, даже и не старшій, но лучшій изъ челядинцевъ, и управляетъ всѣмъ домомъ *). По значенію слова надобно полагать, что старѣйшина имѣло смыслъ

*) Вук, српски рјечник, ст. 792.

родоначальника, праотца, старшаго члена семейства. У сосѣдовъ нашихъ, Литовцевъ, употребляются *senutis* дѣдъ, *senutté* бабка отъ *sénas* старый: это слово, значенія семейнаго, у Бургундовъ получило уже смыслъ жреца и начальника: *sacerdos apud Burgundios omnium maximus vocatur sinistus, et est perpetuus, obnoxius discriminibus nullis, ut reges, Ammian. Marcell. 28, 5.* И дѣйствительно у Ул. мы находимъ *sinista* для пресвѣтеросъ, въ О. Е. соотвѣтственно тому: старецъ, напр. Мат. 27, 1, 3; Мр. 8, 31. Презвутерь же встрѣчается только въ мѣсяцесловѣ, а не въ текстѣ. При всемъ согласіи текстовъ славянскаго и готскаго въ этомъ случаѣ, нельзя однако же не замѣтить, что въ славянскомъ текстѣ съ очевидною ясностію дается большее значеніе старѣйшинству, нежели въ готскомъ: старѣйшинствомъ у насъ означалась всякая власть и первенство: Константинъ Багрянородный начальниковъ славянскихъ называетъ *χοιπάνοὺς ἡρόντας*, *de adm. imp. гл. 29.* Тамъ гдѣ Ул. употребляетъ *первый, лучшій*, тамъ у насъ *старый, старѣйшина*; аще кѣто хочетъ старѣи быти. да бѣдетъ въсѣхъ мѣнии, Мр. 9, 35; у Ул. *jabaivas vili frumists visan. sijai allaize aftumists*: *frumists* превосходная степень отъ *frums* первый, и совершенно соотвѣтствуетъ въ греч. текстѣ слову *πρῶτος*. Точно также Мр. 6, 21: старѣишинамъ галилеискамъ, *τοῖς πρῶτοις τῆς Γαλιλαίας*, у Ул. опять *paīm frumistam galeilaias*, у Tatian. Harm. Ev.: *furiston Galileae*. Въ О. Е. старѣи людѣстии, въ др. нѣм. Ев. VIII в. *furistun dero liuteo*, Мат. 26, 3.

Отсюда мы убѣждаемся, что во время перевода Св. Писанія понятія о бытѣ семейномъ были свѣжѣе въ памяти Славянъ, нежели Нѣмцевъ, и даже Готѣовъ IV в. Владыка семьи и старѣйшина имѣли самостоятельное значеніе и только примѣнялись къ понятіямъ власти общественной и религіозной. Даже самое слово князь, столь роднящее насъ съ Нѣмцами, въ славянскихъ переводахъ, подобно владыкѣ и старѣйшинѣ, имѣетъ значеніе, не только гражданское, но и религіозное: такъ архiereи въ О. Е. Іо. 12, 10, въ чешск. отрывкѣ X в. переводится: *spaezi popslì*, а въ чешск. Ев. XIV в. *kniezáta rorowá*. Слѣдовательно отъ древнихъ временъ у Поляковъ и Чеховъ князь получаетъ значеніе и священника, и мірскаго владѣтеля. По-лит. *kunig's* не только господинъ вообще, но и духовный сановникъ, а *kunigene* поподья; латышс. *basnizas kungs* или *basniz-kungs* священникъ. Очевидно, что у Славянъ и Литвы самостоятельно опредѣлилось значеніе князя.

Старѣйшина отличался умомъ и познаніями: потому уже въ глубокой древности нравственная сила человека облеклась властію политической. Уже самое соединеніе власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ предполагало въ немъ власть, зависящую отъ силы нравственной. И если еще припомнимъ, что всякое искусство и знаніе приписывались силѣ высшей, божественной: то нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ властителя соединялись и жрецъ, и судья, и поэтъ, и предводитель, и мудрецъ: по древ-

нечешскому преданію у героя и властителя Чеховъ, Крока, были три дочери: одна была княжною, и управляла народомъ послѣ отца, другая знала силы природы и обладала тайнами врачебнаго искусства, а третья была жрица, хранительница религіозныхъ обрядовъ. Такъ выразилось въ эпическомъ преданіи сознаніе народа о родствѣ власти политической съ властію нравственной. И какъ съ одной стороны, по нисходящей линіи, герои были родоначальниками рода и старѣйшинами семьи, такъ, съ другой стороны, по восходящей линіи, они восходили своимъ происхожденіемъ къ темнымъ временамъ мифологическимъ, были потомками боговъ: такъ что въ преданіи о герояхъ народъ выразилъ сознаніе о родствѣ человека съ богами. И какъ сынъ есть подобіе отца (слич. др. нѣм. *avagâ* образъ и *avaго* дитя), такъ и въ героѣ являлось божество воплощеннымъ.

Обратимся къ языку. Древнѣйшее понятіе о героѣ, соединившемъ въ себѣ власть политическую со всякимъ нравственнымъ авторитетомъ, выразилось въ словѣ *витѣзь*, *witěz*. Понятіе о старѣйшинѣ и предкѣ является въ агс. *vita* *), не только *sapiens*, но и *procer*, *optimas*: *on gemôte vitena—in conventu seniorum*, въ переводѣ *hist. eccl. Bed.*, 3 5. Какъ скр. *сѹрас* перешло въ русское *суръ*—молодецъ, си-

*) R. D. A. 266.

лачь, и какъ скр. *vîra* герой имѣетъ при себѣ глаголѣ *vîr fortem esse*, откуда лат. *vir*, гот. *vair*, лит. *wyras*, т. е. *vir fortis*, и какъ гр. ἥρως имѣетъ при себѣ ἥρακλῆς и даже ἄρης: такъ и витязь, по преимуществу у западныхъ Славянъ, получилъ смыслъ сильнаго человѣка, побѣдителя *), богатыря. Въ этомъ смыслѣ извѣстны были витязи Адаму Бременскому подѣ формою *Withingi*: „*ipsi enim piratae, quos illi Withingos appellant, nostri Ascomannos, regi Danico tributum solvunt, ut liceat eis praedam exercere a barbaris, qui circa hoc mare plurimi abundant.*“ Въ этомъ же значеніи встрѣчаемъ мы и у Византійцевъ βιτέχιδες **). Значеніе суффикса -азь, -ing указываетъ намъ, почему *withingi* есть уже названіе народа. Какъ гр. ἀρετή (еще неизвѣстное Гомеру въ смыслѣ нравственнаго понятія добродѣтели) и лат. *virtus* соединяютъ въ себѣ значенія силы физической и достоинства нравственнаго: такъ у всѣхъ Славянъ, равно какъ и Нѣмцевъ, звукъ вит-производитъ отъ себя слова, означающія силу духа человѣческаго, проявляющуюся въ высшихъ нравственныхъ подвигахъ, каковы: поэтическое творчество, гаданіе и чародѣйство, знаніе и врачеваніе, судъ и расправа:—а именно:

1. вѣтъскѣи въ *Glag. Cloz.* употребляется для гр. *μυθικῶς*: „аште лі вѣтъскѣи се а не вѣръно слыши-

*) Шафар. *Slow. Starož.* 349 — 359.

**) *Ducange, Glos. med. graec.*

ши," *si vero fabulose hoc, et non fidei-gratia audis.* Отсюда предполагается, что корень *вѣтъ* будетъ со-
отвѣтствовать гр-у *μῦθος*. Въ XII в. поэтъ у насъ
назывался *вѣтія*: „якоже историци и вѣтія, рекше
лѣтописьци и пѣснотворци“—говоритъ Кирилль Ту-
ровск. Пам. XII в. 74. Отсюда объясняется эпитетъ
Бояну въ Словѣ о П. И. — именно *вѣщій*. Такъ
всегда въ старину эпитетъ былъ не одной только
прикрасою: а находился въ ближайшемъ, внутрен-
немъ соотношеніи съ самимъ предметомъ.

2. такъ какъ поэтъ былъ и вообще мудрецомъ,
то и эпитетъ *вѣщій* могъ имѣть значеніе обшир-
нѣйшее: отсюда *вѣщій* Олегъ, т. е. мудрый, хит-
рый. Слн. *vītkr* значитъ *magus, vates*. Согласно съ
этимъ *вѣтъство* употреблялось у насъ въ старину
въ смыслъ колдовства, Карамз. И. Г. Р. 1. пр. 506.
Въ глоссахъ *Mat. verb.: veschi (вѣщбы) vaticinia,*
poetarum carmina. Отъ сербск. *vјешт* *вѣщій*, т. е.
умный, происходятъ: *вјештина* знаніе, умѣніе, и *вјеш-*
тац, вјештица колдунъ и колдунья.

3. врачеваніе было не разлучно съ заговарива-
ніемъ и колдовствомъ: и всѣ народы убѣждены въ
силѣ слова человѣческаго, излѣчающаго недуги: по-
тому весьма естественно употребленіе областного
(въ Вологодск. губерніи) *вещетинье* въ смыслъ лѣ-
карства. И на оборотъ въ старину врачевать имѣло
смыслъ колдовать: „мы *уврачевахомъ*, яко твое одо-
лѣніе будетъ. той же синклить со единомышленными

врачеваніемъ нача ложное царю глаголати“ *). Остромирову врачъ, *iatrós*, соответствуетъ у Ул. *leikeis*, т. е. наше лѣкарь, переходящее въ нѣм. нарѣчіяхъ въ значеніе колдуна: равно какъ и врачъ у Славянъ ходитъ и въ смыслѣ колдуна. Власть и сила врача выражаются древнеславянскимъ словомъ *балій*, встрѣчающимся уже въ Фрейзинг. рукописи: *bali telez passih*, *balouvanige*. Шафарикъ **) слово *балій* производитъ отъ *баять*, какъ врачъ отъ *вратъ*: послѣдняго производства держится и Шимкевичъ ***). Но отъ позднѣйшаго значенія глагола нѣтъ возможности объяснить древній смыслъ существительнаго врачъ, уже въ О. Е. употребляющагося. Еще Линде ****) указалъ на сродство звуковъ б и в, напр. въ словахъ бой и вой-на; отъ скр. *бала* сила образовались лат. *valor*, *valeo*, и наши *болій*, *велій*; въ самомъ санскритѣ б и в чередуются, напр. *балг* и *валг*. Слѣдовательно нѣтъ препятствія возвести наше врачъ къ его первоначальному значенію въ скр. *бру* говорить, откуда въ кельт. нарѣчіяхъ *brí* слово, а *brudiwr* предсказатель, пророкъ: послѣднее значеніе приближается къ нашему врачъ. Касательно же слова *балій* надобно замѣтить, что если это слово происходитъ отъ ба-

*) Москвитян. 1844, N 1, стр. 247, 249.

**) Статья о гортанныхъ звукахъ въ *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1, стр. 48.

***) Корнесловъ 1, 33.

****) *Slown. jęz. polsk.* 1, Этимол. прав. § 16.

ять, то предполагаетъ древнѣйшую форму ба-ти, какъ дѣ-ло, дѣ-ти, и будетъ относиться къ скр. б̑а ар-рагеге, теряющему придыханіе въ нашеть ба, и удерживающему его въ лат. *fagi* и гр. *φάγι*. Другая только по звуку близкая къ слову балій, скр. форма: бал *sustentare, nutrire*, черезъ б̑ала дитя, т. е. питаемое, подлежащее заботѣ, откуда б̑алья *infantia, pueritia, insania, stultitia*, — производитъ наше ба-ловать, смыслъ коего и въ дѣйств. значеніи и въ среднемъ согласуется съ этимъ производствомъ.

4. какъ готѣское *marl* означаетъ и рѣчь и *ἀγορά*, такъ и наше вѣче, совершенно соотвѣтствующее готѣскому *marl*, означаетъ и то и другое. И какъ гот. *faura-marpleis* собственно судья, такъ и слав. витязь могло имѣть это значеніе, что видно въ Судѣ Любуши, изъ словъ *vyučeně věščbam vitézovym—edoc-tae scientias judiciales*. Тавтологія этого выраженія еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Славяне корню вит, вѣт давали значеніе суда и правды. Точно также и у Нѣмцевъ *wetzig* значитъ *judex*. Такимъ образомъ находимъ и у насъ такую же связь поэзіи и знанія съ закономъ и судебнымъ изрѣченіемъ; какъ и въ лат. *carmen*, напр. у Ливія 1, 10 *lex horrendi carminis*; 1, 13 *verba carminis*; 3, 32 *rogationis carmen* *).

*) Zeitschr. f. geschichtl. Rechtswis. herausg. v. Savigny, etc. 1816, 2, статья Гримма: von der Poesie im Recht.

5. какъ у Нѣмцевъ *vita* былъ вообще человекъ разумный и почтенный, имѣвшій доступъ къ особѣ короля *): такъ и у насъ, вѣроятно, съ понятіемъ витскаго или вицкаго соединялись не только нравственные достоинства и даръ слова, но и нѣкоторыя почести: „въ тоже лѣто присла король Угорьскый *вицкаго*, река: пойми дочь ми за сына своего Лва.“ Ипат. 185.

Какъ разумъ и даръ слова атрибуты власти и силы, такъ соотвѣтствующій языку органъ, слухъ и отсюда послушаніе — принадлежность того, кто обязанъ повиноваться: отъ корня *слу*, скр. *сру*—слушать, съ суффиксомъ -га (идушій), образуется наше слуга, т. е. спѣшащій, готовый исполнить, что слышитъ, что ему говорятъ **). Значеніе раба это слово не могло имѣть; но, подобно родственному съ нимъ и по значенію, и по звукамъ лат. слову *cliens* (*cluens*, *cluere*, *ἐχλουον*: скр. *сру*, наше *слу*=*clu*), могло образоваться изъ понятій объ отношеніи челядинцевъ къ домовладыкѣ. Переводчики Св. Писанія употребляютъ слуга, служба служить, безъ различія, для выраженія всякой обязанности, не только религіозной, но и общественной; и такимъ образомъ этими словами сглаживаютъ въ славянскомъ текстѣ слѣды прежней жизни, какъ гражданской, такъ и рели-

*) D. R. A. 267.

**) Юнгманъ это слово почему-то сличаетъ съ нѣм. *Schalk*.

гіозной: между тѣмъ какъ у Ульфилы имъ соотвѣствуютъ съ одной стороны слова, намекающія на устройство гражданское, а съ другой имѣющія смыслъ мѣологическій; и, что еще замѣчательнѣе, въ древн. нѣм. переводахъ мѣологическій намекъ Ульфилы переводится терминомъ значенія гражданского: равно какъ и у Ульфилы иногда смѣшивается и то и другое. Наши переводчики облегчили себѣ трудъ въ этомъ случаѣ, постоянно употребляя одно и тоже слово, получившее отъ того характеръ болѣе отвлеченный. А именно:

1. πάντων διάκονος, всѣмъ слуга, Мр. 9, 35, у Ул. allaim andbahts. — ἀποδοῦς τῷ ὑπηρέτῃ, въдавъ служь, Лук. 4, 20, у Ул. andbahta. Гот. andbahts извѣстно было и Римлянамъ въ формѣ ambactus за слово гальскаго происхожденія, хотя и производимое Скалигеромъ отъ лат. ambigere. См. Caesar de B. G. 6, 15. Въ салич. законахъ читаемъ: nam si in dominica ambasia (in jussione regis) fuerit occupatus, manñire non potest, 1, 4, ambasia вмѣсто ambascia. Не будемъ рѣшать спора, кому это слово принадлежитъ первоначально, Галламъ или Готамъ *). Для насъ гораздо важнѣе измѣненіе его между нѣмецкими племенами: др. нѣм. ampraht, агс. ambiht, ски. ambátt, дат. embede: такъ что послѣдовательный пе-

*) Diez, Gram. d. roman. spr. 1836, 1, 24—25. — Das alte Recht d. Salischen Franken, v. Waitz, 1846, стр. 279.

реходъ не представляет затрудненія въ нашемъ ябедникъ видѣтъ гот. *andbahts*, и тѣмъ болѣе въ Рус. Пр. *ябетникъ*, въ коемъ звукъ *t* еще свидѣтельствуется о древнѣйшей формѣ: нынѣшній же ябедникъ ведетъ свою исторію уже отъ искаженной формы, ябеда, согласной по звуку *д* съ дат. *embede*. Какъ ябетникъ отъ слуги дошелъ до сана человека, облеченнаго властію судебною, такъ и древнерусскій *тіунъ* или *тивунъ* у Ул. является въ формѣ *rius* и въ значеніи *δῆκτης*, въ О. Е. рабъ, Лук. 16, 13. Какъ ябетникъ перешелъ къ намъ не прямо отъ Готѳовъ, но черезъ племена сѣверныя, такъ и *тіунъ*, что доказывается ски-мъ *riou servus*, объясняющимъ и въ нашемъ *тіунъ*; касательно же формы *тивунъ*, слѣдуетъ замѣтить, что она хотя объясняется и языкомъ славянскимъ, однако для подкрѣпленія сродства обратимъ вниманіе на род. падежъ гот-го *rius*, *rivis*. Вотъ что Бутковъ *) говоритъ о *тивунъ*: „если и теперь въ финскомъ языкѣ *tuomio* означаетъ публичное судилище, *tuomari* — публичнаго земскаго судью; то же, что у Шведовъ *dom*, *domare*; то изъ самаго русскаго произношенія явствуетъ, что имя *тіуна*, *тивуна*, *тивона*, ближе согласуется съ *туоме-номъ* чудскимъ.“ Но слово родственное финскому *tuomio* у насъ существуетъ, и притомъ въ формѣ болѣе чистой, именно *дум-ать*, *дума*, которое еще въ гот. языкѣ находитъ себѣ родное *dōmjān dīxaiouν*,

*) О финск. слов. въ рус. яз. стр. 47.

агс. *dòm* и скн. *dômr* *judicium*, и потомъ уже др. нѣм. *tuom*, стоящее на одной ступени съ фин. *tuomio*. Чтобы изъ этихъ словъ вывести нашего тивуна, надобно предположить трудный переломъ звуковъ *uo* въ *i*, своевольное образованіе окончанія, и даже случайное удержаніе *t* вмѣсто *d*. Родство нашей думы съ *dòm*, *dômr* подкрѣпляется сближеніемъ другаго слова, близкаго къ нему по значенію: ставить въ смыслѣ утверждать, судить и рядить, откуда у-ставъ: является въ гот. *staua* *xríma* и *staujan* *xríveiv*, ср. нѣм. *stüowen*. Гриммъ *) предполагаетъ др. нѣм. форму *stuowa*. И такъ отвлеченныя понятія, выражаемыя въ переводѣ Св. Писанія словами слуга и служба, могли легко принять форму болѣе опредѣленную въ словахъ ябетникъ и тіунъ.

2. особенно явствуется единство употребленія въ слав. текстѣ словъ служба, служить, тамъ, гдѣ у Ульфилы являются разнообразныя намеки на язычество: а именно: а) *λατρείαν προσφέρειν*, службѣ приносить, Ио. 16, 2; у Ул: *hunsla saljan*. Языческое понятіе слова *hunsli* объяснено выше. б) *ἐγένητο δὲ ἐν τῷ ἱερατεύειν αὐτὸν*, бысть же служащу ѿму, Лук. 1, 8, у Ул: *varþ þan miþþanei gudjinoda is*. — Гот. *gudjinon* *ἱερατεύειν*, *gudjinassus* *ἱερατεία* происходитъ отъ *gudja* жрецъ, имѣющаго корень въ словѣ *guf* богъ, точно также какъ латыш. *deewaredsis* ворожея, га-

*) D. R. A. 748—749.

датель, колдунъ, происходитъ отъ deews богъ. в) λα-
τρείαν, служеніе, Посл. къ Рим. 12, 1, у Ул bloti-
passu. Для объясненія этого мѣста слѣдуетъ взять
въ соображеніе въ О. Е. Іо. 9, 31 богочътыць, θεο-
σεβής, у Ул. gupblôstreis, откуда предполагается сущ.
blôstr (cultus, oblatio), соответствующее нашему слу-
женію, въ смыслъ почитанія; языческое значеніе это-
го слова видно въ Еддѣ: Tbôr blôta, mik blôta, blô-
tadi Odin, въ древн. шв. blôtkarl языческій жрецъ.

3. какъ Ульфила, такъ и др. нѣм. переводы смѣ-
шиваютъ термины мифологическіе съ понятіями жи-
зни общественной, тамъ, гдѣ въ О. Е. мысль выра-
жена отвлеченнымъ понятіемъ службы: αἱ ἡμέραι
τῆς λειτουργίας αὐτοῦ, дѣйств. службы его, Лук. 1,
23. Ул. довольствуется словомъ andbahteis, тогда какъ
выше, о томъ же самомъ предметѣ выражается ми-
фологическимъ терминомъ gudjinoda, gudjinassus, Лук.
1. 8, 9. Точно такую же замѣну находимъ мы въ
Tat. Harm. Ev.: ambaht bringan соответствуетъ мифо-
логическому выраженію Ульфила: hunsla saljan, т. е.
службѣ приносить, какъ въ О. Е. Іо. 16, 2. Такъ
сталкивались разнородныя понятія, утрачивая свою
прежнюю цѣнность, и какъ бы сглаживали съ себя
слѣды впечатлѣній дѣйствительности, равнодушно
замѣняя другъ друга. Такой борьбы понятій слав.
переводъ Св. Писанія не предлагаетъ, возводя раз-
нообразіе жизни къ общему понятію о служеніи.

4. въ слѣдствіе того служеніе и служба легко
могли замѣняться грецизмомъ: ибо сочувствіе съ дѣй-

ствительностию было уже нарушено и безъ того, а отвлеченность легко выражается и чужеземнымъ словомъ: κατὰ τὸ ἔθος τῆς ἱερατείας, по обычаю переискууму, Лук. 1, 9, у Ул. gudjinassaus, Tat. Harm. Ev. efter giuonu thes biscofheites.

8. РАЗШИРЕНІЕ ДОМАШНЯГО КРУГА ВОЗЗРѢНІЙ ВЪ ЯЗЫКЪ.

Вторженіе чуждаго племени нарушаетъ тишину и порядокъ семейныхъ и родовыхъ отношеній. Столкновеніе народовъ въ доисторическую эпоху остается памятно народу только въ эпическихъ преданіяхъ и въ языкѣ: къ порядку же общественному, выработавшемуся въ слѣдствіе борьбы съ чуждыми племенами, народъ привыкаетъ, какъ къ своей наследственной собственности. Понятіе о жизни государственной и народъ, какъ собраніи лицъ одного рода и племени, не могло образоваться мимо вліянія чуждыхъ племенъ и народовъ. Исторія славянскаго языка положительно указываетъ, что прямо изъ жизни семейной и отношеній, ею опредѣляемыхъ, нельзя вывести всего многосложнаго устройства государственнаго, не предпославъ чуждаго вліянія въ образованіи понятій общежительныхъ и государственныхъ въ языкѣ Св. Писанія. Древнѣйшимъ слоемъ языка конечно должно признать слова, выражающія бытъ семейный и родовой: потому онѣ и стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ санскритомъ. Но за нимъ надобно признать вторымъ, позднѣйшимъ, образовавшимся въ періодъ доисторическаго сближенія племенъ: слой

племенной. Воспоминанія о древнѣйшихъ врагахъ одѣваетъ фантазія народа мифическими красками. Все стародавнее будто уходитъ въ какой-то сумракъ, и раздражаетъ воображеніе чудесными очертаніями. И какъ прадѣды кажутся героями полубогами, такъ и стародавніе враги, сохранившіе по себѣ темные слѣды въ памяти народной, по мѣрѣ своего удаленія въ вѣка прошедшіе, все болѣе и болѣе вырастаютъ въ фантазіи народа, и становятся гигантами, хотя и людьми, но необычайными для людей обыкновенныхъ. Темная старина становится содержаніемъ народнаго эпоса, и тѣмъ уже опредѣляетъ въ немъ необходимость чудеснаго: старина въ особенности своими чудесами и живетъ въ памяти народа. Слово еще глубже проникаетъ въ отдаленныя времена, и, служа оболочкою мифа, носитъ на себѣ слѣды эпическаго представленія. Великанъ, существо сверхъестественное, носитъ названіе чуждаго народа, съ которымъ во времена доисторическія входилъ языкъ въ соотношеніе. Наши Венды были уже врагами Оди́ну, съ которымъ вели долгую войну: память о нихъ сохранилась въ Эддѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Вановъ, полубожественныхъ существъ. Славяне Анты были уже извѣстны Англосаксамъ какъ великаны: агс. *ent* великанъ: *Ercol se ent*, *Hercules gigas*, Алфр. переводъ Орозія. Такъ и у насъ чужіе народы дали свое названіе великанамъ: 1) Обръ, чеш. *obr*, др. пол. *obrzum*, луж. *hobog*, какъ названіе великана, совершенно согласуется съ эпическимъ преданіемъ у Нестора о сильныхъ и

гордыхъ Обрахъ, творившихъ насиліе Славянамъ: такъ что слова его могутъ служить поясненіемъ тому, какъ и въ языкѣ, и въ народныхъ мнѣяхъ враги являются въ видѣ великановъ: „быша бо Обръ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помяша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притѣча въ Руси и до сего дне: погибша аки Обръ. ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка.“ Лавр. 5. Народъ погибъ, но притѣча, т. е. преданіе эпическое, запечатлѣнное въ языкѣ словомъ Обръ-великанъ, осталась въ народѣ. — Отсутствіе носоваго звука и особенно въ древн. польскомъ, именно въ Псалт. Королевы Маргариты: *obrzim* (а не *abr-*) препятствуетъ сближать это слово съ кельтскимъ *ambro* (воинъ), какъ это сдѣлалъ Шафарикъ *). Въ одномъ древненѣм. преданіи упоминается *avaг-великанъ* **). Скорѣе сближается обръ съ гот. *abrs* сильный, агс. *abal* сила: переходъ нѣм-го *a* въ слав. *o* случается, напр. гот. *ага*, скн. *агі*, др. нѣм. *аг*—орелъ. 2) Исполинъ, и безъ приставнаго *и*: сполинъ, какъ въ др. сербск. 1495 года, и въ др. булг. Псалт. 1577 г. възрадуіет се яко сполинъ теши путь, Пс. 18, 6. Въ словѣ сполинъ сохранилась память о воинственномъ народѣ, именемъ *Спалеи* или *Спали*, племени скиѣскаго или чудскаго, жившемъ между Дономъ и Волгою, и въ концѣ II-го вѣка столкнувшемся съ

*) Slow. Starož. 316 — 318.

**) D. M. 269.

Готами при Черномъ морѣ *). 3) Щудъ, въ смыслѣ великана и чудовища: Ездр. 5, 8: жены болѣзливыя породятъ щуда. Если взять въ соображеніе переходъ ск въ щ и ч, напр. skir, щиръ, чиръ; scutum щить: то щудъ окажется измѣненною славянскою формою имени народа Σχούτης, Skytha; и какъ щ сокращается въ ч, такъ и щудъ переходитъ въ чудъ, имя народа Чуди, откуда чудо, чудитисѧ. Отсутствіе этихъ словъ у Чеховъ, Лужичанъ и Полабцевъ, какъ племень отдаленнѣйшихъ отъ Чуди, служить немаловажнымъ свидѣтельствомъ происхожденію слова Щудъ. Въ О. Е. уже только въ общемъ понятіи θαυμάζειν чудитисѧ, чудо, чудеса. Но какъ щуръ освобождаетъ к изъ щ въ коръ: свекоръ; такъ и щудъ, чудес-а является въ формѣ древнѣйшей, въ словѣ кудес-никъ, и въ значеніи чисто мифологическомъ **). Для объясненія мифологическаго смысла въ словахъ: щудъ, чудитисѧ, обратимъ вниманіе на мифологическое существо дивъ, напр. въ Сл. о П. И. „дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемъ,“—и въ сербск. пѣснѣ, Іован и дивски старѣшина, собр. Вук. Стеф. Кар. изд. 2, кн. 2, N 8, гдѣ дивы являются сверхъестественными чудовищами, можетъ быть великанами. Какъ дивъ имѣетъ при себѣ диво и дивиться, такъ и щудъ—чу-

*) Шафар. Slow. Starož. 263 — 264.

**) Шафарика статья о гортанныхъ звукахъ въ Časop. Česk. mus. 1847, 1, стр. 54.

до и чудится: съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднее образовалось исторически, въ слѣдствіе сближенія Славянъ съ племенами скиѣскими; первое же искони принадлежало Славянамъ, какъ отрасли языковъ индоевропейскихъ: какъ скр. див свѣтитъ, черезъ мифологическое дивъ, переходитъ къ дивиться: такъ и слав. зоръ, свѣтъ, по тому же соответствію ощущенія предмету ощущаемому, имѣетъ при себѣ зрѣть, т. е. видѣть.

Какъ народы, съ коими Славяне познакомились уже въ послѣдствіи и короче, не могли казаться существами необыкновенными, и не вошли въ народный мифъ въ видѣ героев-великановъ; такъ и языкъ, согласно съ фантазіею народа, созналъ ихъ только какъ нѣчто чуждое, народу непринадлежащее. Въ О. Е. ἀλλότριος переводится не только формою: щужь, щуждии, но и древнѣйшею: туждии, л. 72. Это слово правильно проходитъ всѣ славянскія нарѣчія, по закону, измѣняя т въ щ, ч, ц, и д въ жд, ж, дз, з; а именно: сръб. тудъ, (хрв. туји) ц. с. щуждъ, р. чужой, пол. cudzy, луж. cuzzi, др. чеш. cuzzi. Этимъ словомъ Славяне сознали свое отношеніе къ Нѣмцамъ, ибо въ первичной своей формѣ, тудъ, оно прямо происходитъ отъ гот. *fiuda* народъ, скн. *fiod*, агс. *feod*, др. нѣм. *diot*: откуда г. *fiudiskō* ἐθνηκός, въ памятникахъ IX в. *theodiscus* не только въ смыслѣ нѣмецкаго, но и варварскаго. Литовцы нѣмецкую землю называютъ *tautà*. Вѣроятно въ

нѣм. *riuda* надобно искать происхожденіе слову *tot*, коимъ Венгры называютъ Славянъ *).

Память о другомъ древнѣйшемъ народѣ, именно Волохахъ, сохранилась въ глаголѣ вльснѣти (*balbutire* *φελλίζειν*), въ *Glag. Cloz.*: и ꙗзыци вльснѣштеи научатъсѧ глѣти миръ, Исаи 29, 24; въ испр.: и ꙗзыци нѣмотствующии научатся глѣти миръ. А Готѣы и Англосаксы наоборотъ отъ Славянина образовали глаголы *slavan*, *slavian* для означенія молчанія, *σιωπᾶν*, и съ приставками: *ana-slavan*, *ga-slavan*. Такъ негостепріимно отразились въ языкъ первыя встрѣчи народовъ и племенъ другъ съ другомъ **).

По мѣрѣ знакомства съ другими народами, расширяется понятіе о вселенной. Это особенно явствуется въ лит. языкѣ, въ коемъ понятіе о свѣтѣ, т. е. мірѣ, соединяется съ понятіемъ чужестраннаго, чужаго, а именно: *swētas* мірѣ, сборище; *swétimas* чужестранецъ, *sweczias* гость, *swettur* чужая страна. Такъ трудно отдѣлится языку отъ своихъ домашнихъ впечатлѣній, что онъ иногда всеобщее охотнѣе приметъ за чуждое своему домашнему, нежели распространить свое домашнее, семейное до необъятнаго круга всечеловѣческаго. Такъ въ О. Е. употребляетъ

*) Третье издан. Грим. *Deutsch. Gram.* I, 12 — 20.

**) С. П. Шевыр. *Ист. Рус. Слов.* выпускъ I, стр. 109.

ся слово *страна*, отъ скр. *стри* и нашего *стер-ти*, и притомъ слово древнѣйшаго образованія, о чемъ свидѣтельствуется форма причастія *-на*, такъ что звукъ *н* уже въ лат. *ster-но* вошелъ въ самый глаголь, подобно нашему глаголу *стану* отъ *стать*, откуда причастная форма *станъ*. Наша совершенная форма глагола въ образованіи словъ равнозначительна формѣ прошедшаго времени; такъ что нашему *с-н-уть*, *сп-н-уть* соответствуютъ существительныя, какъ бы въ формѣ причастій: скр. *свап-на* сонъ отъ *свап* спать, гр. ὕπνος, л. *som-nus*, лит. *sár-pas*, скн. *svēf-n*: и такъ древнѣйшему и по корню, и по суффиксу слову *страна* въ греч. *тексъ* соответствуетъ *χώρᾱ*, у Ул. не только *land*, но и *gavi*, напр. бысть гладъ крѣпкъ на странѣ той, Лук. 15, 14. у Ул. *varþ hufgrus abrs and gavi jainata*. Гот. *gavi* стольже глубоко коренится въ языкахъ индоевропейской отрасли, какъ и наше *страна*. Скр. *гô* имѣетъ два значенія: земля и быкъ; откуда въ келт. образуются два сродныя слова: *gé* земля и *ganh* быкъ; въ гот. только въ смыслъ земли *gavi* (сл. гр. γαῖᾱ), коему соответствуетъ скр. *гава* быкъ, употребляющееся только въ сложении, напр. *пун-гава* быкъ, отсюда наше старинное *говѣ-до*, у Литовцевъ уже потерявшее свой первобытный смыслъ: *gowėdà* по-лит, значитъ множество, толпа, и весьма мало уже употребляется, только въ некоторыхъ обычныхъ выраженіяхъ. Шафарикъ *)

*) Časop. Česk. Mus. 1847, I, стр. 42.

говѣдо производить отъ гоити (sanare) черезъ говѣти, сближая гоити, говѣти, говѣдо съ жити (ниж. луж. žisch sanari), живити, живинче (pecus), или наше животы въ смыслѣ скота. Но скр., кельт., готѣ. формы исторгають это слово изъ предѣловъ домашняго его образованія. — Тогда какъ гот. gavi означаетъ домашнюю собственность, наше страна, уже въ О. Е. употребляющееся и въ смыслѣ посторонняго напр. одеснѣж странѣ εἰς τὰ δεξιὰ μέρη, л. 209, производитъ отъ себя прилаг. страннѣ ξένος, которое стоитъ къ страна въ такомъ же отношеніи, какъ лит. swétimas къ swétas. Такъ неподатливъ языкъ къ составленію словъ, имѣющихъ смыслъ общечеловѣческаго, что даже названіе области или страны, въ противоположность дому и семьѣ, производитъ отъ себя значеніе странника, сторонняго.

Если же языкъ образуетъ въ древнѣйшую пору своей исторіи слова для понятія о всемъ мірѣ; то въ этомъ случаѣ руководствуется тѣмъ же ограниченнымъ кругомъ зрѣнія, какой заставляетъ дѣтей ограничивать весь міръ небосклономъ, окружающимъ ихъ родину. Скр. мад'ьямалока, состоящее изъ мад'ьяма medius и лока mundus, т. е. земля, едвали потому только такъ называется, что находится, по вѣрованію, между небомъ и адомъ, какъ объясняетъ Боппъ; но, вѣроятно, вмѣстѣ съ гот. midjun-gards т. е. media domus, medius hortus, коему въ О. Е. соответствуетъ вселенная, οἰκουμένη, скн. midgardr, — это скр. слово вполне выражаетъ наивное впечатлѣніе чловѣка, смотрящаго на весь міръ съ порога сво-

его родного дома. Самый языкъ могъ дать въ послѣдствіи поводъ къ мифологическимъ образамъ и толкованію, имъ соотвѣтствующему. Слѣдовательно если названіе домашняго порядка или даже самаго дома возвышается до понятія о вселенной: то не надобно думать, чтобы этимъ народъ равнодушно мѣнялъ свой родной кровъ на чужое жилище и становился безпристрастенъ къ родинѣ, находя ее вездѣ: напротивъ того онъ только ограничивалъ для себя весь міръ тѣснымъ кругомъ своихъ домашнихъ отношеній. Это ясно свидѣтельствуемъ намъ скн. *heimr*, собственно означающее родину, домашній кровъ, что видно изъ словъ *heiman* изъ дому, *heim* домой, *heima* взять кого въ домъ, *heimskr* глупый, т. е. домосѣдъ: и потомъ разширяющее свое значеніе до вселенной, и *heimskringla* зн. *orbis terrarum*. Скн. *heimr* одного происхожденія съ *himinn*, *himil*, точно также какъ наше свѣтъ означаетъ вселенную и вмѣстѣ прозрачную атмосферу. Любовь къ родинѣ, одно изъ первоначальныхъ благороднѣйшихъ чувствъ возникающаго народа, со всею теплотою и воодушевленіемъ выражается въ языкѣ, что особенно видно въ слѣд. скн. формахъ *): *munr* собственно значить радость, а потомъ жилище, домъ; также *upa* первоначально радоваться, а потомъ жить: *munarheimr*, *uparheimr* (*minnenheim*) собственно значать жилище радости и веселья, но употребляются въ смыслѣ дома, родины, домашняго крова.

*) *Lieder d. alt. Edda*, стр. 182—184.

Въ О. Е. миръ имѣеть два значенія: *ѣрѣну* и *хѣс-*
мос; первое есть собственное, всѣми славянскими пле-
 менами признанное значеніе; второе вышло изъ пер-
 ваго, какъ распространеніе его, можетъ быть выз-
 ванное переводомъ Св. Писанія, и невошедшее во
 всеобщее, единоголасное употребленіе между Сла-
 вянами: не нужно и доказывать, что различное на-
 чертаніе этого слова для двухъ различныхъ значе-
 ній есть случайное дѣло позднѣйшихъ грамотниковъ.
 Происхожденіе слову и начальное его употребленіе
 слѣдуетъ открыть въ первомъ его значеніи. Какъ
 пиръ происходитъ отъ пи-ть, и сознаніе этого про-
 исхожденія мы находимъ уже въ древнѣйшемъ язы-
 къ: напр. въ пск. грам. *) лица на пиру именуются
пльвцами, а глава пира, староста пировой, государь
 пировой: такъ и миръ предполагаетъ себѣ корень
 ми, который дѣйствительно и находимъ въ скр. *мѣ*
идти, по Боппу, сродный съ *мѣ* не только мѣрять,
 но и идти, слѣдовательно ходомъ, движеніемъ из-
 мѣрять. Отъ первоначальнаго ми образуется наша
 совершенная форма на -ну: ми-ну: слѣдовательно миръ,
 мимо санскрита, въ нѣдрахъ своего языка находитъ
 сознаніе своему происхожденію. Гот. языкъ сочув-
 ствуетъ основному значенію нашего миръ: у Ул. ему
 соотвѣтствуетъ, въ первоначальномъ значеніи, то
 есть, какъ *ѣрѣну*, — *gawaigrī*, во всей ясности про-
 изводная форма отъ глагола *waigran* идти, бывать,

*) Изд. Мурзакевичемъ, стр. 6.

случаться. Слѣдовательно г. gawaĩrĩ, по своему происхожденію, выражаетъ ту же мысль, что и наше миръ, и объясняетъ его производство: одно и тоже воззрѣніе вызвало и то и другое слово: понятіе о *сходкѣ*, о сборищѣ, весьма естественно вытекаетъ изъ основнаго значенія слова *миръ*, предполагая коренной глаголъ *ми-идти*. Какъ скр. *mā* заключаетъ въ себѣ значеніе *мѣры*, такъ и у Славянъ *миръ* сблизается своею формою съ *мѣра*, напр. у Лужичанъ: *mēr* *рах*, *mēra* *modus*, соединяющіяся, или смѣшивающіяся въ прилаг. *mērnu*. Какъ лит. *mé-tas* годъ родственно по происхожденію съ нашимъ *миръ*, ибо время измѣряется движеніемъ: такъ въ др. нѣм. памятникахъ въ значеніи *міра* или вселенной употребляется *wēralt*, т. е. *werō alt—vīrorum aetas*. — Для точнѣйшаго опредѣленія значенія слова *миръ*, слѣдуетъ обратить вниманіе на соотвѣтствующій ему порядокъ словъ, хотя сходныхъ по воззрѣнію, но значенія болѣе матеріальнаго, именно: *тварь*, *творъ*, *створеніе*. Какъ *миръ* происходитъ отъ *ми—иду*, такъ и *тварь*, *творити*, первоначально имѣетъ тоже значеніе въ скр. *твар* *идти*, *поспѣшать*; какъ понятіе о *ходѣ* и движеніи опредѣляетъ смыслъ *мѣры*, такъ и *тварь* употребляется въ значеніи *фигуры*, *очертанія*, и потомъ *лица*, *животнаго*, и т. д.; и наконецъ луж. *stworéne* значитъ *міръ*, *вселенная*. Родство воззрѣній санскрита въ образованіи словъ *миръ*, *мѣра*, *творъ*, *тварь*, *створеніе*—снова возникаетъ въ эпической формѣ Эдды: *miötudr creator*, собственно же *mentor*, *moderator*, *измѣритель*, *примиритель*. Это воз-

зрѣніе перешло и къ др. нѣм. поэтамъ, употребляющимъ *mezzen* для означенія мѣры и согласія въ твореніи.

Нравственное понятіе мира выступаетъ въ его юридическомъ значеніи *). Единогласіе въ общественныхъ дѣлахъ рода и племени зависитъ отъ мира: потому и судятъ и рядятъ миромъ. Въ XIII в. миръ имѣетъ уже значеніе пошлины, какъ дѣла мірскаго, общественнаго: *tributum quod mir vocatur et alias exactiones que terre incolis inferri consueuerunt* **). Понятіе общенія, заключающееся въ словѣ миръ, дало возможность переводчикамъ Св. Писанія употребить его въ смыслъ *κόσμος*. Ул. для этого значенія употребляетъ иныя слова, нежели для *ἐρήνη*, а именно: *manasēps*, состоящее изъ *mana vir* и *sēps satus*, сѣмя, слѣдовательно собственно *virorum satus*, что можно перевести нашимъ племя; и другое слово: *fairhvus*, сохранившееся въ агс. *fēorh* жизнь и въ др. н. *fērah*, *ferh* душа. Любопытно обратить вниманіе на то, какъ Ул. тремя различными понятіями выразилъ значеніе нашего слова миръ, восходя отъ понятія о бытіи и движеніи до нравственнаго понятія о человѣкѣ. Переводчикамъ Св. Писанія предстояло возвести домашнее и общежительное понятіе мира или міра до общечеловѣческаго *κόσμος*: и это послѣднее зна-

*) С. П. Шевырева Истор. Рус. слов. выпускъ I, стр. 62—63.

**) Hanky zbírca neydeŭn. slown. стр. 328.

ченіе, какъ литературное, не могло распространиться по всѣмъ славянскимъ племенамъ. Изъ перевода Св. Писанія слѣдуетъ заключить, что κόσμος не прямо былъ переведенъ міромъ, но описательнымъ выраженіемъ: весь міръ, т. е. все сѣорище, весь соборъ людей: что явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ О-а Е-я τοῦ κόσμου, всего, мира, а въ испр. уже просто: міра, Іо. 6, 51. καὶ ἔπεμψε αὐτοὺς εἰς τὸν κόσμον, и азъ посълахъ ѿ въ весь миръ; въ испр. тоже просто: въ міръ, Іо. 17, 18. ζωὴν δίδους τῷ κόσμῳ, даѣи животъ вѣсему миру, къ испр. опять: животъ міру, Іо. 6, 33. ἐν τῷ κόσμῳ, въ вѣсмирѣ (sic), въ испр.: въ міръ, Іо. 17, 13. ταῦτα λέγω εἰς τὸν κόσμον, си глаголю въ вѣсемь мирѣ, въ испр.: въ міръ. Слѣдовательно эта древнѣйшая, описательная форма служитъ какъ бы переходомъ отъ собственнаго значенія слова миръ, міръ, къ значенію литературному κόσμος. Смыслъ прилагательнаго мирской, уже въ XI в. напр.: какъ нарѣчіе, употребляющагося въ припискѣ къ О. Е: „въ крѣщеніи Иосифъ. а мирьскы Остромиръ“—ясно указываетъ, что у насъ слово миръ въ своемъ прилагательномъ удержало только понятіе общества, въ противоположность церкви.

Враждебныя отношенія племенъ не могли не набросить нѣкоторой тѣни на древнѣйшія понятія о челоѣчествѣ. Негостепріимная встрѣча съ чужимъ укрѣпляла любовь къ домашнему крову и семьѣ. Защита своего и нападеніе на чужое вызывали войну, которая первоначально могла быть единствен-

нымъ поприщемъ для развитія идей о народахъ и человечествѣ. Потому и въ языкъ понятія о толпѣ, множествѣ, сборищѣ, соединяются съ понятіемъ о войнѣ. А именно :

1. отъ другъ (отъ скр. *дру* иду, слѣдую, точно также какъ суфф. *тара* въ словѣ в-тор-ой сроденъ съ три переходитъ,—съ суфф. *га* идущій; слич. чеш. *draha* въ смыслѣ свиты) происходитъ дружина, употребляющееся въ О. Е., согласно съ своимъ происхожденіемъ, какъ *itineris socii*, *συνοδία* : Лук. 2, 44 въ дружинѣ сжщъ, *ἐν τῇ συνοδίᾳ εἶναι*, (*in comitatu*); тоже понятіе, согласно съ начальнымъ смысломъ нашей дружины, и у Ул: *in gasinþjan*, отъ *sinþan* идти, странствовать; наконецъ подтвержденіе тому же находимъ и въ *Tat. Har. Ev. in thero samantfertī*.—Наша дружина между народами европейскими искони имѣла смыслъ воинственный: что свидѣлствуютъ не только нарѣчія нѣмецкія, но и средневѣковая латинь и языкъ византійскій. А именно: дружина на средневѣковой латини *drungus*, напр.: *scire dux debet contra quos drungos, hoc est, globos hostium, quos equites oporteat poni*; *Veget. 3, 16. aut a vagantibus globis, quos vocant drungos, ibid. cap. 19*. Греческое *δρουγγος*, по мнѣнію Дюканжа, заимствовано уже изъ латини: однако большее развитіе этого слова въ производствѣ у Византійцевъ свидѣлствуетъ, что имъ оно было, можетъ быть, еще болѣе извѣстно, напр. отъ *δρουγγος* встрѣчается нарѣчіе: *δρουγγιστή*, т. е. дружинно, дружески; тогда

какъ въ латини соотвѣтственнаго ему не находимъ. Къ греческимъ и латинскимъ писателямъ сред. вѣковъ это слово могло войти постольку же отъ Славянъ, какъ и отъ Нѣмцевъ, хотя издатели Ульфилова текста, Габеленцъ и Лёбе *), и приурочиваютъ его происхожденіе только Нѣмцамъ. Касательно носоваго звука въ греческомъ и среднелатинскомъ начертаніи этого слова тоже затрудненіе являетъ гот. *drauhts*, какъ и наше *другъ*: и въ томъ и въ другомъ случаѣ предполагается носовое произношеніе Византійцевъ, будетъ ли это слово нашего, будетъ ли нѣмецкаго происхожденія. Болгарское *дронгаръ* относится въ исторіи языка уже къ позднѣйшему періоду, будучи византійскаго происхожденія. Теперь обратимся къ исторіи нашего слова *другъ* у нѣмецкихъ племенъ. Замѣчательно, что у нихъ въ древнѣйшей формѣ это слово ближе къ славянскому *другъ*, именно у Готѣвъ: *driugan*—исправлять воинскую службу, быть въ дружинѣ, откуда *gadrauhts* солдатъ, *drauhtinassus* дружина, др. нѣм. *ga-drusci cohors*. Въ арс. еще не столь искажены формы: *driht comitatus*, дружина, откуда *driht-guma* дружинникъ и *drihten* начальникъ дружины или *drungarius*, *δρουγάριος*, какъ называютъ его лат. и греч. писатели. Какъ Готѣ, ближайшіе къ Славянамъ, сохраняютъ и форму *driugan*, ближайшую къ славянской; такъ Норманны, на отдаленномъ сѣверѣ, болѣе другихъ

*) Ulfilas, II, I, стр. 49.

Нѣмцевъ удалились формою этого слова отъ Славянъ: скн. *drôtt* толпа, слуги, дружина, *drôttina* владѣть, царствовать; *drôttinn* господинъ. Какъ у насъ начальное значеніе дружины заключаетъ въ себѣ понятіе о дружбѣ и согласіи, такъ и гот. *drauhts* значить собственно мирная дружина, народъ, хотя и происходитъ отъ глагола *dringan* воевать: это противорѣчіе гот. языка разрѣшается просто, если мы примемъ за основу наше славянское дружина, и тѣмъ охотнѣе, что уже въ древнѣйшую пору это слово вошло у насъ въ кругъ семейныхъ понятій: въ припискѣ къ О. Е. читаемъ: „и подружью его. Теофанъ;“ такъ названа жена Остромира. Другое, еще важнѣйшее противорѣчіе въ значеніи этого слова въ нѣм. нарѣчіяхъ тѣмъ болѣе убѣждаетъ насъ въ славянскомъ его происхожденіи. А именно: въ Салич. зак. читаемъ: *si quis puellam sponsatam, quae druchte ducitur ad maritum—moechatus fuerit*; вариантъ: *si quis puellam sponsatam, druchte ducente ad maritum*, и проч. Для объясненія *druchte* въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно важна слѣд. древняя глосса, приводимая Муратори: *truchte, id est, per nuptiatores*. Слѣдовательно *drucht*, *drauhts* означало въ старину нашего дружку: и потому только первоначальнымъ значеніемъ, въ славянскихъ нарѣчіяхъ сохранившимся, можетъ быть объяснено, какимъ образомъ одно и тоже *drauhts*, *drucht* могло означать и воина, дружину, и дружку. Согласно съ формою Салич. зак.: *drucht*, находимъ др. нѣм. *truhti-gumo* и арс. *dryht-*

гута, оба въ значеніи дружки *). Слѣдовательно въ нѣм. нарѣчіяхъ рядъ словъ, соотвѣтствующихъ нашимъ другъ, дружина, подружіе, дружка, — являетъ переходъ отъ значенія дружки и друга къ значенію толпы, воинства, народа.

2. подобное же явленіе представляетъ намъ и исторія слова *полкъ*, *плѣкъ*, чеш. *pluk*, пол. *pulk*, кр. *ruk*. Добровскій **) такъ обозначаетъ его исторію: *castra veteribus, recentioribus agmen, legio*. Въ переводѣ Св. Писанія дѣйствительно встрѣчаемъ его въ смыслѣ: *παρεμβολή*: повелѣ отвести его въ полкъ, Дѣян. Ап. 21, 34. Но у Чеховъ, уже въ IX в. находимъ и во второмъ значеніи: „*roda stara tetui popeloua*, „*ien se p̃de s pleki s cehouimi* „*u se se sirne ulasti p̃tri reki* — рода стара тетвы попелова, ен-же приде съ плѣкы съ чеховыми въ се-же жирне власти прѣсь три рѣки. — Слѣдовательно оба значенія имѣютъ одинаковое право на древность, судя по памятникамъ письменности. Въ отношеніи же смысла второе далѣе восходитъ въ старину. Въ Судѣ Любуши полкъ употребляется явно въ смыслѣ дружины, соединяющемъ въ себѣ значеніе не только Остромирова *συνοδία*, но и нѣмецкихъ *draúhts*, *gadraúhts*, *gadrusci* и др. Понятіе о дружинѣ, слѣдующей за княземъ въ походъ, до XII в. удержалось въ словѣ полкъ,

*) Ducange, Gloss. med. et inf. lat. Grimm, D. G. 2, 452.

**) Inst. I. sl. 118—119.

что видно, напр., изъ заглавія: Слово о плѣку Игоревѣ. Какъ дружина переходитъ у Готѣовъ и Норманновъ въ значеніе народа, такъ и полкъ, въ рг. рѣикъ, получаетъ значеніе plebs, въ бс. русjanin гражданинъ, мѣщанинъ; русjanski vulgaris. Въ этомъ только послѣднемъ значеніи, въ значеніи народа полкъ проходитъ всѣ нѣмецкія нарѣчія: др. н. volh, volc, ск. fôlk и друг.; за исключеніемъ готѣскаго, въ которомъ этого слова вовсе нѣтъ, и агс-го, въ коемъ folc имѣетъ не только полный смыслъ славянскаго полкъ и нѣмецкаго volc, но и лит-го pulkas (сборище, толпа, стадо); такъ что древнечешскаго героя, Тетву Попелова, приведшаго полки Чеховые, можно назвать агс-мъ именемъ folctoga, т. е. воевода, предводитель полковъ. — Такъ въ движеніи племенъ полки проходили, и устанавливались, получая значеніе народовъ, и наоборотъ мирная дружина дѣлалась враждебнымъ воинствомъ, и, черезъ горнило войны, вырабатывалась въ цѣлый народъ *). Не родство уже было основою такого единенія, но сообщество, полюбовная сходка, а иногда и необходимость. Если славянскую форму плукъ, пулкъ мы примемъ за древнѣйшую и основную, ибо у замѣняется въ послѣдствіи краткимъ ѣ, и потомъ уже звукомъ серединнымъ о, который единоголасно звучитъ въ нѣм. volc и др.; а нѣм. f, v соответствуетъ скр-у и нашему л, напр. г, fulls, др. нѣм. vol, скр.

*) С. П. Шевырева Ист. рус. слов. вып. I, стр. 65—66.

пурна, полный : то наше полкъ будетъ происходить по прямой линіи отъ скр. пул coacervare, magnum esse, стоящаго въ родственномъ созвучіи съ прр implere. Слѣдовательно и по производству, такъ же какъ и по употребленію, полкъ имѣетъ значеніе сборища, толпы, множества.

3. готскій переводъ Св. Писанія намъ свидѣтельствуесть, что въ IV в. смѣшивали понятіе о множествѣ или толпѣ съ понятіемъ о дружинѣ воинской : такъ у Ул. *hansa* соотвѣтствуетъ въ О. Е. двумъ словамъ: мѣножьство (πληθος) и спира, т. е. спѣрх, *caterva militum*; а именно: мѣножьство мѣного людии, у Ул. *hansa milika manageins*, Лук. 6. 17.— и призываютъ всѣхъ спирхъ, у Ул. *jah gahaihaitun alla hansa*, Мр. 15, 16. id. Io. 18, 3. — Слѣдовательно толпа, множество, сборище, народъ—въ древнѣйшую эпоху были синонимами дружины, полка, воинскаго отряда. Гот. *hansa* едва ли происхожденія нѣмецкаго, ибо кромѣ др. нѣм. въ другихъ старинныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ мы его не находимъ. Именно это обстоятельство благопріятствуетъ остроумному, хотя и слишкомъ смѣлому сближенію Коллара *) нѣмецкой ганзы съ слав. жза, т. е. анза, съ придыханіемъ г: ганза или гѣза, какъ полаб. *wunsal*, слич. окно, гокно и вокно. Исторически извѣстное, древнѣйшее придыханіе при словѣ жза, жже, было в,

(*) Cestopis, 1843 г. стр. 108.

о чемъ свидѣтельствуеѣтъ Фрейз. ркпсѣ: *i u zelezneh vvosich*, и въ желѣзѣнѣхъ вѣжихъ, и Реймск. Еван., въ коемъ Остромирову: „раздрѣшити ремеѣне сапогѣ иго“ соотвѣтствуетъ: „възвѣза сапогу.“ Если *hansa* есть наше вѣза, то надобно предполагать уже въ древнѣйшее время двоякое произношеніе придыханія у Славянъ. — По крайней мѣрѣ исторія славянскихъ другъ и дружина у Нѣмцевъ — объясняетъ возможность перехода древнеславянского понятія о родствѣ, заключающагося въ словѣ *вѣза*, вѣза (*вѣжика*) къ нѣмецкому употребленію этого слова въ смыслѣ сбора, толпы и даже воинства. Такимъ образомъ, чрезъ враждебныя отношенія, племена и языки восходили отъ осязательныхъ представленій семейнаго быта до отвлеченныхъ понятій о народѣ и человечествѣ.

9. ГРЕЦИЗМЫ.

Вѣрный своимъ началамъ, славянскій переводъ Св. Писанія предлагаетъ гораздо болѣе грецизмовъ въ сравненіи съ переводами нѣмецкими. Ульфила, придерживаясь народности, уже въ IV в. умѣлъ оградиться отъ вліянія греческаго, такъ что сличеніе его текста съ славянскимъ выказываетъ совершенно отличную отъ нашего перевода редакцію. Обиліе грецизмовъ и отстраненіе отъ выраженій, непосредственно изъ жизни народной почерпнутыхъ, свидѣтельствуютъ о греческомъ литературномъ происхожденіи нашего перевода Св. Писанія. Самая правиль-

ность и чистота грамматическихъ формъ Остромирова текста предполагаютъ неприкосновенную сохранность языка славянскаго перевода Св. Писанія отъ произвола и случайностей, которымъ текстъ не премѣнно подвергся бы и въ древнѣйшую уже эпоху, если бы только на одной народной почвѣ получилъ свое начало, какъ онъ подвергался въ послѣдствіи.

Между словами иноязычными въ славянскомъ текстѣ Св. Писанія должно отличать грецизмы отъ латинизмовъ, вошедшихъ въ греческій текстъ. Очевидно, что сіи послѣдніе, какъ менѣе вразумительные переводчикамъ, или же, какъ термины техническіе, условные, остаются въ большей неприкосновенности: собственно же грецизмы иногда и переводятся въ нашемъ текстѣ. Такъ *κεντουρίων*, какъ слово латинскаго происхожденія, постоянно передается въ О. Е. словомъ кен'туріонъ, и только въ одномъ мѣстѣ, именно Мр. 15, 44, 45, переводится сотникомъ: но и здѣсь видимъ не твердое употребленіе слова сотникъ, ибо это Евангеліе, повторяясь въ О. Е. дважды, лист. 17, в, и лист. 194 в., въ одномъ мѣстѣ удерживаетъ слово сотникъ, а въ другомъ кентуріонъ; у Ул. *hunda-fars*, т. е. господинъ, начальникъ сотни. Что же касается до *ἐκατόνταρχος*, то оно постоянно переводится сотникомъ. Тоже должно замѣтить и о *χιλίαρχος*, коему, какъ слову греческому, понятному переводчикамъ, соответствуетъ тысящникъ. Тѣмъ болѣе объясняется въ Евангеліи явленіе кентуріона, какъ латинизма, что дѣленіе

властей славянскихъ на десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и тысяцкихъ было искони у Славянъ, равно какъ и у Готѳовъ, у коихъ, по древнѣйшимъ законамъ, были *millenarii*, *quingentenarii*, *centenarii*, *decani* *). Въ житіи Св. Симеона, пианномъ Дометіаномъ, 1264, значится: и призва все власти царства своего, великыи и малыи, десетники и петидесетники и сътники и тысушники. — Латинскаго же происхожденія *κυστωδία* передано въ О. Е. кустодія, у Ул. свое, народное *vardjans*, т. е. стража, отъ *vardja* стражъ. Напротивъ того греческое слово *φυλαχή* переводится стража: въ кѣжъ стражъ тать придетъ, *ποία φυλαχή*, Мат. 24, 43; и темница: въ тѣмьници *ἐν φυλαχή*, Мат. 25, 39. Слово кустодія, какъ латинизмъ, до позднѣйшаго времени оставалось не понятнымъ: такъ въ Церковномъ Уставѣ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе этого слова: „что нарекутъ кустодию Пилатову девицу ключницу то есть ересь все то не было кустодія есть воиновъ полкъ рекше рать.“ Вост. опис. Рум. Муз. 717.—Отъ лат. *legio*, *λεγεών*, въ О. Е. легеонъ, у Ул. не только *laigaion*, но и своеземное *harjis*, т. е. войско, толпа. — *census*, *κῆνσος*, въ О. Е. кинъсь, у Ул. *kaisara-gild*.—*sudarium*, *συνδάριον*, въ О. Е. сударь, у Ул. не только *aurali*, но и *fapa*, можетъ быть родственное лат-у *rapnus*, но не чуж-

*) Шафар. *Slow. Starož.* стр. 52. Палацк. сравн. закон. царя Стеф. Душана съ древн. земск. постановл. Чеховъ, въ Чтен. общ. ист. и др. 1846, N 2.

дое и прочимъ нѣм. нарѣчіямъ, и даже переходящее въ значеніе знамени, *vexillum*, въ нѣм. *fahne*.

Грецизмы въ О. Е. по преимуществу ограничиваются только названіемъ предметовъ, касающихся удобствъ жизни, ремеслъ, произведеній природы, для коихъ слова или вовсе не существовали въ языкѣ славянскомъ, или же были неизвѣстны переводчикамъ. Симъ послѣднимъ даже выгодно было употреблять иностранныя реченія въ этомъ случаѣ для того, чтобы придать слогу величіе, не унизивъ его наименованіемъ предметовъ жизни ежедневной. Иное дѣло съ понятіями нравственными: онѣ уже сами по себѣ возбуждали приличную высокому предмету мысль, и слѣдовательно не нуждались въ непонятномъ выраженіи посредствомъ грецизма, который въ этомъ случаѣ могъ бы вредить переводу. Нравственное же понятіе, переданное грецизмомъ, получало въ слав. текстѣ какъ бы значеніе собственного имени, какъ бы олицетворялось: таково напр. слово: *мамона*, вошедшее въ языкъ слав. перевода, вѣроятно, изъ устнаго употребленія этого слова, см. Мат. 6, 24, Лук. 16, 11 и 13. У Ул. не только *matmonin*, Мат. 6, 24, но и *faihu-praihna*, т. е. *divitiis*, Лук. 16, 11 и 13: *faihu-praihns* сложено изъ *preihan drängen*, и *faihu* собственно скоть, а потомъ и богатство; въ *Tat. harm. Ev*: *uueroltuolun*, тоже сложное изъ *werolt* или *weralt*—*mundus, seculum*, и *wolo, wola* или *wela divitiae, felicitas*.

Изъ сличенія грецизмовъ нашего перевода съ текстами готѣ. и др. нѣм., увидимъ бѣльшее стремленіе къ національности въ выраженіи послѣднихъ.

ехидна: въ О. Е. ищадия ехидьнова, *γεννηματα ἐχιδνῶν*, Лук. 3, 7; у Ул. *kuni padre*; др. нѣм. Ев. VIII в. *notrono chnosles*, Мат. 12, 34. Въ О. Е. змия, ищадия ехидьнова, Мат. 23, 33, въ др. нѣм. Ев. VIII в. *notrun, notrona cnosles*; Tat. harm. Ev. IX в. *berd notruno*.

сикеръ, *сіхєрх*, т. е. вино изъ соку пальмовыхъ плодовъ: Лук. 1, 15 вина и сикера, у Ул. *vein jah leiru*, въ Tat. harm. Ev. *uwin poñ lid*. Слово *leirus, lid, lit* было столь народно, что сохранилось въ названіи др. нѣм. юридическаго обычая, состоявшаго въ питьѣ вина при покупкѣ: *litkouf*. Этотъ юридическій символъ остался и у насъ въ обычаѣ *спрыскивать виномъ* покупку и все новое.

кринь, *хріуру*, собственно лилія: Ул. замѣнилъ грецизмъ народнымъ названіемъ, хотя и выражающимъ общее понятіе цвѣтка: *bloma*. Названія растений и благовоній южнаго климата, равно чуждыхъ и Славянамъ, и Нѣмцамъ, переводились и у тѣхъ и у другихъ словами чужестранными, чему доказательствомъ служитъ слѣдующее мѣсто Іо. 12, 3: *приимъши литрѣ мѣра нарда пистикии*, у Ул. *nam pund balsanis nardaus pistikeinis*: въ подлинникѣ почти тѣже звуки, какъ и въ слав. текстѣ: *λίτραν μέρου νάρδου*

πιστιῆς: особенно силенъ грецизмъ *πισтикии*, *pisti-keins*, коимъ переводится πιστικός, собственно—чистый, несмѣшанный. Такой же грецизмъ находимъ Мр. 14, 3: алавастръ мѣра, нардоπισтикии, ἀλάβαστρον μέρου, μέρου πιστικῆς; въ испр. по крайней мѣрѣ возстановлена синтаксическая связь греческаго текста: алавастръ мѣра нарднаго πιστικіа. Даже и здѣсь текстъ Tat. harm. Ev. стремится къ болѣе самостоятельности: salbfaz salbun fon narthu gitana diura, согласно съ лат. текстомъ: alabastrum unguenti nardi spicati praeliosi.

сукаминъ и сукомория, συκάμινος и συχομοραία, у Ул. baina-bagms и smakka-bagms; послѣднее соотвѣтствуетъ также гр-у συκῆ, въ О. Е. смокы.

карвана: въ О. Е. въ карванѣ, εἰς τον χορβανῶν, у Ул. in kaurbanaun, Мат. 27, 6; но въ др. нѣм. Ев. VIII в. уже переводъ: in geldfaze; а въ Tat. harm. Ev. сложное съ treso, т. е. thesaurus: tresofaz.

пира, πῆρα, т. е. дорожная сума для хлѣба; у Ул. слово туземное: mati-balgs, сложное изъ mats пища и balgs мѣхъ, сума.

санѣдалии, σανδαλίον, у Ул. sulja, откуда нѣм. sohle.

Многіе изъ грецизмовъ славянскаго перевода Св. Писанія остались неприкосновеннымъ достояніемъ языка церковнаго, тогда какъ у Ул. имъ соотвѣтствуютъ выраженія народныя, напр. трапеза, трапѣза, у Ул. biuds; скиния, σκήνος, σκηνή: Лук. 9, 33:

скиниѣ три, у Ул. народныя; hleipra, hlija; впрочемъ и въ О. Е. въ другомъ мѣстѣ, именно Мат. 17, 4: три кровы.

Др. чешскіе тексты Св. Писанія, подобно др. нѣмецкимъ, являютъ бѣльшее отстраненіе отъ грецизмовъ. Такъ акридъ, ἀκρίς, род.-ίδος: у Ул. туземное þramstei, по Габеленцу и Лѣбе, отъ þrimman salire; въ Реймск. Ев. въ одномъ мѣстѣ, Мат. 3, 4, это слово вовсе пропущено, въ другомъ же, именно Мр. 1, 6 замѣнено понятнымъ, славянскимъ: ѣды прѣгы, въ О. Е. яды акридъ. Памва Берында объясняетъ: „прузи, пружіе: кѣнички, кобылки, саранча. вершки дерева, зѣля. або трава, единоименна саранчи, бо на тую цвѣтъ еи подобен, але смаку вдячного и трвѣлого корень еи.“—лентии, λέντιον, лат. linteum; въ Рейм. Ев. впрочемъ еще ближе, по грамматической формѣ, къ греческому тексту: лѣнтионъ, твор. лѣнтиономъ, тогда какъ въ О. Е.: лентіємъ, Іо. 13, 5; но въ чеш. отрывкѣ Ев. X в. уже славянское *пасница*: uze raznisi, Іо. 13, 4. Отступленія отъ греческаго текста въ этомъ послѣднемъ памятникѣ объясняются тѣмъ, что глоссаторъ имѣлъ намѣреніе каждое слово латинскаго текста пояснить: потому то онъ и osanna переводитъ: зраза, и даже amen—цегу: и позднѣйшіе чешскіе тексты Св. Писанія стремились сблизить переводъ съ славянскими понятіями: потому въ чеш. Ев. XIV в. мы находимъ вмѣсто осанна—chwála spasy (въ рук. spassy), а вмѣсто аминь—wěrně; точно также, какъ и въ др. нѣм. Ев. VIII в.:

uuar iu sagem, въ О. Е. амин гл҃ѣж вамъ, Мат. 24, 34. — Фуникъ: Іо. 12, 13, въ О. Е. вѣиѣ отъ фуникъ, βαῖα τῶν φοινίκων; въ чеш. отр. X в. letorozli palmini, соотвѣтственно латинскому ramos palmarum; въ чеш. Ев. XIV замѣнено palmini словомъ туземнымъ: jehnědowé, т. е. тополевья, отъ gahněda или gehněda populus alba; у Ул. также народное выраженіе: astans reikabagme: reik же не сокращенная форма изъ reinika, но скорѣе соотвѣтствуетъ лат-у рісеа и гр-у πεύκη, и сродно съ др. фр. rik, агс. ric, др. нѣм. rih, и др.: слѣд. reika-bagms fichtenbaum. — възлежати ἀνακεισθαι, въ смыслѣ: быть вмѣстѣ, бесѣдовать, ѣсть: въ О. Е.: Лазарь же единъ бѣ отъ възлежащихъ съ нимъ, Іо. 12, 2; у Ул. тоже чуждое понятіе: anakumbjandane mîr imma; въ чеш. же Ев. XIV в. уже просто: Lazař jeden bieše z jedúcich s nim; точно также и въ др. нѣм. Ев. VIII в. вмѣсто възлежащихъ встрѣчаемъ или kastuoli, отъ stuol sedes, triclinium, или же sizzentun, т. е. сидящихъ, Мат. 22, 10 и 11.

3. Древнѣйшія эпическія сказанія кажутся чуждымъ происхожденію отъ образованія славянъ.

4. Религіозныя преданія кажутся чуждымъ происхожденію отъ образованія славянъ.

5. Историческія преданія кажутся чуждымъ происхожденію отъ образованія славянъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа.

2. Въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды миѳологіи народной.

3. Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка.

4. Родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ.

5. Миѳологическія преданія Славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средне-вѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ племенъ.

6. Готскій переводъ Библіи предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ.

7. Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію Христіанскихъ идей.

8. Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія Христіанскихъ понятій, происшедшею въ слѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ.

9. Готскій переводъ Библіи, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій мифологическихъ къ Христіанскимъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія Христіанскихъ идей.

10. По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готскій переводъ Библіи, но и др. нѣм. переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у Славянъ съ Нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ Св. Писанія, но невошедшіе въ славянскій.

11. Переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда

въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ.

12. Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нѣм. переводовъ Св. Писанія, но даже и готскаго, замѣчается бѣльшее развитіе государственныхъ понятій.

13. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго.

14. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго.

15. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія Христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій до-христіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готскомъ.

16. По языку перевода Св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія.

не-вспрытъ поспѣтствованъ еще по всей силѣ понатѣ

о семейныхъ отношеніяхъ.

12. Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нем.

переводовъ Св. Писанія, но даже и тотчасъ, за-

мѣняется болѣе развитіе теологическихъ понатѣ.

13. Въ исторіи славянскаго языка видны есте-

ственный переходъ отъ понатѣ семейныхъ, по всей

переходной истотѣ въ немъ сохранившихся, къ

понатѣмъ быта бражннскаго.

14. Столкновѣніа съ извѣстными народами и пере-

хода Св. Писанія послѣдствіа Славянъ въ отнесеніи-

нхъ, домашнихъ отношеній, отразившихся въ языкѣ

своихъ, и въ житейномъ и общественомъ.

15. Отмѣченность славянскаго языка въ переводѣ

Св. Писанія, какъ свѣдѣніе о вѣдѣмъ Хрис-

тіанскихъ идей, оцѣненнато отъ предѣловъ до-хри-

стіанскихъ, усиліе въ предѣлахъ, которыхъ, сра-

вѣтвенно, съ славянскими текстами, находимъ тожд-

ство въ роде.

16. Но языкъ перевода Св. Писанія можно сче-

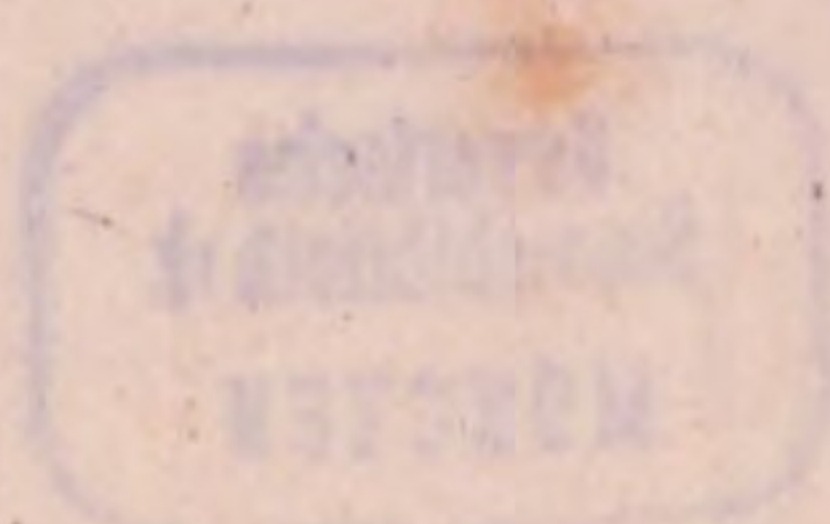
сать, въ которомъ, о христіанствѣ, перевод-

нато и то, въ которомъ, въ которомъ, произнесенъ не-

редѣла Св. Писанія.

17. Переводъ Св. Писанія, въ славянскомъ языкѣ

относится къ славянскому языку.

Buslajew, Fedor Ivanovič

O vlijanii christianstva na slavjanskij jazyk Opyt istorii jazyka po
Ostromirovu evangeliju

Moskva 1848

L.rel. 510

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10588764-1